

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ
IX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(ЕКАТЕРИНБУРГ, 13 МАЯ 2026 Г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Материалы
IX Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 13 мая 2026 г.)

Екатеринбург
2026

УДК 341.1/8:341.9:331.104(082)

ББК 67.9+67.93я431

П78

Ответственный за выпуск

кандидат экономических наук, доцент

А. В. Курдюмов

Ответственный редактор

кандидат филологических наук, доцент

Н. С. Громова

П78 Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений : материалы IX Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 13 мая 2026 г.) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет ; ответственный за выпуск А. В. Курдюмов, ответственный редактор Н. С. Громова. — Екатеринбург : УрГЭУ, 2026. — 150 с.

В сборник вошли статьи и тезисы выступлений участников конференции, проведенной Уральским государственным экономическим университетом. В работе конференции приняли участие представители образовательных организаций, работники правоприменительных и правоохранительных органов Российской Федерации, а также отечественные и зарубежные ученые. В материалах, вошедших в сборник, рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с соотношением механизмов публичного и частного права в контексте регулирования экономических отношений с учетом сочетания интересов личности, общества и государства.

Предназначено для профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов, практических работников, а также для всех лиц, интересующихся актуальными проблемами в сфере правового регулирования экономических отношений.

УДК 341.1/8:341.9:331.104(082)

ББК 67.9+67.93я431

© Авторы, указанные в содержании, 2026

© Уральский государственный
экономический университет, 2026

В. Н. Агуреева, Д. А. Рыковский

Крымский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Симферополь

Актуальные вопросы административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранных граждан

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы административного выдворения иностранных граждан за пределы Российской Федерации как одного из ключевых институтов миграционного и административного права. Исследуется правовая природа административного выдворения, его соотношение с депортацией, а также основания и порядок применения этой меры административного принуждения. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики, связанным с соблюдением принципов соразмерности, гуманизма и индивидуализации наказания. Анализируются позиции Конституционного Суда Российской Федерации и судебная практика по делам о выдворении иностранных граждан. В работе формулируются предложения по совершенствованию законодательства и механизмов миграционного контроля в целях обеспечения баланса публичных интересов государства и защиты прав человека.

Ключевые слова: административное выдворение; иностранные граждане; миграционное законодательство; депортация; административное принуждение; миграционный контроль; права человека; соразмерность наказания; административная ответственность.

Современные миграционные процессы оказывают существенное влияние на состояние национальной безопасности, демографическую ситуацию и социально-экономическое развитие Российской Федерации. В условиях усиления миграционных потоков государство объективно заинтересовано в формировании эффективных механизмов контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории страны. Одним из ключевых инструментов административно-правового воздействия в данной сфере выступает административное выдворение за пределы Российской Федерации.

Согласно ст. 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) выдворение представляет собой принудительное и контролируемое перемещение иностранных граждан или лиц без гражданства через государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации. Административное выдворение относится к числу административных наказаний, предусмотренных КоАП РФ. Его применение возможно исключительно в случаях, прямо установленных законом. Наиболее часто данная мера применяется за нарушения миграционного режима, правил въезда, пребывания и осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами.

В научной литературе подчеркивается двойственная правовая природа административного выдворения. С одной стороны, оно является мерой административной ответственности, поскольку назначается за совершение административного правонарушения [3]. С другой стороны, административное выдворение обладает ярко выраженным превентивным характером, направленным на обеспечение государственной безопасности и миграционного контроля [4].

Особое значение имеет разграничение административного выдворения и депортации. Несмотря на внешнее сходство, данные меры имеют различную правовую природу. Административное выдворение является мерой административного наказания и назначается судом. Депортация же представляет собой меру административного принуждения, применяемую органами исполнительной власти в отношении иностранного гражданина, утратившего законные основания пребывания на территории Российской Федерации [2].

Основания административного выдворения закреплены в различных статьях КоАП РФ. Наиболее распространенными являются:

- нарушение иностранным гражданином режима пребывания в Российской Федерации (ст. 18.8 КоАП РФ);

- незаконное осуществление трудовой деятельности (ст. 18.10 КоАП РФ);

- нарушение правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (ст. 18.11 КоАП РФ).

В большинстве случаев административное выдворение назначается судом. Вместе с тем в соответствии с ч. 2 ст. 3.10 КоАП РФ при совершении иностранным гражданином или лицом без гражданства административного правонарушения при въезде в Российскую Федерацию административное выдворение может назначаться должностными лицами пограничных органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Речь идет прежде всего о правонарушениях, связанных с незаконным пересечением государственной границы Российской Федерации и нарушением правил пограничного режима [1]. Предоставление пограничным органам полномочий по назначению административного выдворения обусловлено необходимостью оперативного пресечения нарушений миграционного и пограничного законодательства непосредственно в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации.

Существенное значение имеет вопрос индивидуализации наказания. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на недопустимость автоматического применения административного выдворения без учета конкретных обстоятельств дела, характера правонарушения,

длительности проживания иностранного гражданина в России, наличия семьи и иных значимых факторов¹.

Особую роль в формировании правоприменительной практики сыграли положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в частности ст. 8 Конвенции, закрепляющей право на уважение частной и семейной жизни. Даже после прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы правовые подходы, сформированные международной практикой, сохраняют научное и практическое значение.

В современной судебной практике особое внимание уделяется вопросам соразмерности административного выдворения. Суд должен оценивать не только факт совершения правонарушения, но и последствия применения данной меры для самого иностранного гражданина и членов его семьи. Как отмечается в кассационном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2024 г. № 37-КАД23-3-К1, нередко суды ограничиваются установлением самого факта нарушения миграционного законодательства без полноценного исследования обстоятельств дела². Аналогичный подход прослеживается и в постановлении Верховного Суда РФ по делу № 18-АД18-70, где подчеркивается необходимость индивидуальной оценки ситуации, учета семейных связей и длительного проживания в стране, а также недопустимость применения выдворения исключительно формально, без проверки его соразмерности и обоснованной необходимости³.

Особую проблему представляет содержание иностранных граждан в специализированных учреждениях. Условия пребывания в таких учреждениях неоднократно становились предметом критики со стороны правозащитных организаций и научного сообщества. Л. В. Шадрина справедливо указывает на необходимость совершенствования организации специализированных учреждений, повышения уровня медицинского обеспечения, обеспечения доступа к юридической помощи и переводчиками [5].

Современное миграционное законодательство Российской Федерации характеризуется тенденцией к усилению государственного контроля за пребыванием иностранных граждан. Следует отметить, что

¹ По делу о проверке конституционности подпункта 12 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Сербия М. М. Джурджевича: постановление Конституционного Суда РФ от 6 октября 2022 г. № 41-П.

² Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2024 г. № 37-КАД23-3-К1.

³ Постановление Верховного Суда РФ от 24 декабря 2018 г. № 18-АД18-70.

ужесточение миграционной политики должно сочетаться с соблюдением принципов законности, гуманизма и соразмерности государственного принуждения.

Особое значение приобретает цифровизация миграционного контроля. Использование электронных баз данных, биометрических технологий и автоматизированных систем позволяет повысить эффективность выявления нарушений миграционного законодательства. Вместе с тем цифровизация порождает новые вопросы, связанные с защитой персональных данных и обеспечением судебного контроля.

Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию института административного выдворения. Считаем целесообразным развигивать альтернативные формы контроля, не связанные с длительным ограничением свободы, например:

- обязательную явку в миграционные органы;
- электронный контроль;
- временные ограничения на перемещение.

Использование указанных механизмов позволит снизить нагрузку на специализированные учреждения временного содержания иностранных граждан, сократить бюджетные расходы на их содержание, а также обеспечить более полную реализацию принципов гуманизма, соразмерности и индивидуализации мер административного принуждения. Кроме того, применение альтернативных форм контроля будет способствовать соблюдению конституционных гарантий прав и свобод человека при одновременном сохранении эффективности миграционного контроля.

Административное выдворение иностранных граждан за пределы Российской Федерации представляет собой важный институт административного права, направленный на обеспечение миграционной безопасности и поддержание правопорядка. Вместе с тем современная практика применения административного выдворения выявляет значительное количество проблем правового, организационного и гуманитарного характера.

Совершенствование института административного выдворения должно осуществляться на основе баланса публичных интересов государства и необходимости соблюдения прав и свобод человека. Повышение эффективности миграционного контроля не должно приводить к нарушению принципов законности, справедливости и гуманизма.

Библиографический список

1. Данилюк А. С. Особенности административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации // Вестник магистратуры. — 2023. — № 1-1 (136). — С. 100–106.
2. Климова О. М., Давыдовская М. В. К вопросу о понятиях депортации и выдворении иностранных граждан // E-Scio. — 2020. — № 6 (45). — С. 206–211.
3. Кочеткова Н. Д. О правовой природе административного выдворения, депортации и реадмиссии // Государственная служба и кадры. — 2020. — № 3. — С. 201–203.
4. Чернышев К. И. Административное выдворение и депортация: юридическая природа и целевая направленность санкций // Наука. Общество. Государство. — 2015. — № 4. — URL: <https://global5.com/Zhurnaly/Pravo-Yuridicheskie-nauki/Nauka-Obshestvo-Gosudarstvo/vypusk-2015-4> (дата обращения: 11.05.2026).
5. Шадрина Л. В. Организация специализированных учреждений для содержания иностранных граждан до выдворения за пределы территории страны временного пребывания // Полицейская деятельность. — 2024. — № 6. — С. 99–111.

А. Л. Анисимов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Преодоление разрыва между номинальной и реальной заработной платой на основе анализа опыта стран Евросоюза в контексте взаимодействия публичного и частного права

Аннотация. Рассматриваются проблемы разрыва между номинальной и реальной заработной платой и пути его преодоления. Проведен краткий анализ динамики заработной платы в странах Евросоюза и влияния инфляции на рассматриваемую проблему. Предложены мероприятия, способствующие преодолению разрыва между номинальной и реальной заработной платой.

Ключевые слова: заработная плата; номинальная заработная плата; реальная заработная плата; инфляция; рынок труда.

Динамика заработной платы в странах Евросоюза за последние пять лет имеет положительный характер. Начиная с 2021 г. рост заработной платы приблизился к 5 % (к середине 2023 г.) по сравнению с 1–3 % в период с 2015 по 2019 г. В отдельных странах Центральной и Восточной Европы рост заработной платы составил 10 % в 2023 г. Для сравнения: рост заработной платы в период с 2015 по 2019 г. со-

ставил от 5 % до 8 % [8]. Тем не менее рост заработной платы в основном отстает от роста цен. Снижение покупательной способности работников достаточно значительно по всей Европе, особенно для стран с развитой экономикой, где договоры о заработной плате заключаются на многолетние периоды [8].

Растущее давление инфляции на заработную плату может иметь важные последствия для восстановления стабильности цен. В связи с этим возникают два вопроса: следует ли ожидать устойчивого роста заработной платы и приведет ли рост заработной платы к устойчивой инфляции выше целевого уровня [8].

Предварительно ответы видятся такими: во-первых, рост заработной платы отражает традиционные факторы, влияющие на заработную плату, такие как инфляционные ожидания и спад в экономике, а также недавнее повышение заработной платы и вторичные последствия шоков, связанных с повышением издержек.

Во-вторых, важным фактором, определяющим продолжительность роста заработной платы в текущей ситуации, является способ установления заработной платы — ретроспективный (обусловленным недавним уровнем инфляции) или перспективный (обусловленным инфляционными ожиданиями).

Здесь следует отметить, что в странах Европы формирование заработной платы в большей степени ориентировано на прошлое, что создает большой риск усиления устойчивой инфляции [8]. В этих условиях политика в области предложения труда должна быть направлена на облегчение перемещения работников и повышение производительности труда. К традиционным факторам роста номинальной заработной платы относятся: разрыв в уровне безработицы — показатель напряженности на рынке труда, определяемый как разница между фактическим и естественным уровнем безработицы, рост производительности труда и инфляционные ожидания [8]. Цены на импорт отражают влияние изменений стоимости жизни за рубежом через цены на энергоносители и сырьевые товары, в то время как компенсация заработной платы определяется как корректировка отклонений реальной заработной платы от долгосрочных тенденций в области производительности труда. Продолжение и размеры корректировки реальной заработной платы за счет снижения инфляции или более быстрого роста номинальной заработной платы, зависит от основных условий на рынке труда и их перспектив [5]. Эмпирически доказано, что жесткие условия на рынке труда тесно связаны с более высоким ростом заработной платы [7]. На европейских рынках труда нет явных свидетельств ухудшения ситуации, несмотря на опасения по поводу долгосрочных последствий COVID-19 для здоровья и производительности труда работников.

Рынки труда, в основном, доказали свою устойчивость перед проблемами, в том числе вызванных с COVID-19. Здесь же можно отметить проблемы роста цен (например, на энергоносители), проблемы и ужесточения денежно-кредитной политики [4]. Проблемы рынка труда также можно рассматривать как результат снижения предложения рабочей силы, что наблюдалось и до COVID-19 [4; 6]. Другие негативные (сдерживающие) факторы: старение населения и сокращение его численности населения. Эти проблемы влекут за собой приток трудовых мигрантов, увеличение доли пожилых работников, повышение минимального пенсионного возраста. В будущем ряд этих факторов может привести к еще большему дефициту рабочей силы. Исходя из вышеизложенного вытекает следующий, представленный ниже, концептуальный экономико-политический механизм преодоления разрыва между номинальной и реальной заработной платой. Такой механизм является актуальным в случае изменения системы оплаты труда в России, а также современных экономических вызовов [3].

Макроэкономическая политика государства, по логике автора, может уберечь неблагоприятных последствий. С другой стороны, защита от рисков, связанных с ростом давления инфляции, должна быть обусловлена соответствующей денежно-кредитной и бюджетной политикой. Это поможет ослабить давление, исходящее от рынка труда. Однако требования работников о восстановлении своей реальной заработной платы может привести к превышению уровня номинальной заработной платы над производительностью труда.

Польза от жесткой денежно-кредитной политики будет более весомой в отдельных отраслях, а в ряде случаев — и в отдельных регионах [1]. Речь идет о территориях (об отраслях), где размер инфляции в большей степени зависит от изменения заработной платы. Налогово-бюджетная политика также должна внести свой вклад в снижение инфляции. Совершенствование денежно-кредитной политики повышает значение Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ). Структурная политика должна играть дополнительную, но не менее важную роль, особенно в тех случаях, когда долгосрочные перспективы (тенденции) способствуют улучшению условий на рынках труда. Такая политика может включать повышение квалификации работников, чтобы облегчить их переход из сокращающихся секторов экономики в растущие, в том числе — анализ номинальной и реальной заработной платы работников отдельных организаций [2]. Перечисленные меры в существенной степени смогут помочь в предотвращении снижения производительности труда, что также способствовало бы повышению заработной платы, как номинальной, так и реальной, без чрезмерного давления на цены и преодолению разрыва между ними. Кроме того, указанные ме-

роприятия должны быть рассмотрены в контексте обязательного взаимодействия публичного и частного права как необходимого инструмента решения проблем преодоления разрывов между номинальной и реальной заработной платой.

По мнению автора, рассматриваемую тему можно также представить и в контексте проблем защиты, поддержки и развития конкуренции в процессе противодействия декартелизации экономики и так называемым «антиконкурентным практикам». Во всяком случае, гипотеза о том, что преодоление разрыва между номинальной и реальной заработной платой является инструментом (одним из инструментов), указанных выше защиты, поддержки и развития конкуренции, имеет право на существование. Соответственно, сужая предмет исследования, это можно перенести и на проблемы, связанные, например, с декартелизацией экономики. Здесь обязательно повторение сказанного выше: указанные мероприятия должны быть рассмотрены в контексте обязательного взаимодействия публичного и частного права как необходимого инструмента решения проблем преодоления разрывов между номинальной и реальной заработной платой.

В заключение следует пояснить, что представленная выше гипотеза о взаимосвязи заработной платы, как номинальной, так и реальной, а также их связи с действиями в сфере поддержки, защиты и охраны конкуренции является предварительной и требует отдельных научных исследований. Тем не менее проблемы роста реальной заработной платы могут решаться и на уровне отдельно взятого предприятия, что будет способствовать повышению его конкурентоспособности в процессе производственной деятельности именно этого хозяйствующего субъекта.

Библиографический список

1. *Ермолина А. С., Игнатова Т. В.* Анализ систем оплаты труда в Красноярском крае // Актуальные исследования. — 2026. — № 1 (287). — URL: <https://apni.ru/article/14098-analiz-sistem-oplaty-truda-v-krasnoyarskom-krae> (дата обращения: 15.04.2026).
2. *Сафаргалиев А. А., Арасланбаев И. В.* Анализ номинальной и реальной среднемесячной заработной платы работников организации // Научный лидер. — 2025. — № 48 (249). — URL: <https://scilead.ru/article/10389-analiz-nominalnoj-i-realnoj-srednemesyachnoj><https://scilead.ru/article/10389-analiz-nominalnj-i-realnoj-srednemesyachnoj> (дата обращения: 15.04.2026).
3. *Ханумян А. А.* Трансформация системы оплаты труда в России: взаимосвязь номинальной и реальной заработной платы в контексте современных экономических вызовов // Вестник евразийской науки. — 2025. — Т. 17, № s3. — URL: <https://esj.today/PDF/52FAVN325.pdf> (дата обращения: 10.04.2026).

4. *European Labor Markets and the COVID-19 Pandemic: Fallout and the Path Ahead*. 2022. IMF Departmental Paper, DP/2022/004 / A. Sakai, R. Balakrishnan, B. Gruss et al. — URL: <https://www.imf.org/en/publications/departmental-papers-policy-papers/issues/2022/03/02/european-labor-markets-and-the-covid-19-pandemic-fallout-and-the-path-ahead-512327> (дата обращения: 10.04.2026).

5. *Arce O., Agostino C., Dias da Silva A., Moh M.* More jobs but fewer working hours // The ECB blog. — 2023. — URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/blog/date/2023/html/ecb.blog230607~9d31b379c8.en.html> (дата обращения: 10.04.2026).

6. *Ben B., Blanchard O.* What Caused the U. S. Pandemic-Era Inflation? // Hutchins Center Working Paper No. 86. — 2023. — URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2023/06/WP86-Bernanke-Blanchard_6.13.pdf (дата обращения: 04.03.2026).

7. *Romain D., Ji Y., Li L. et al.* IMF Staff Discussion Note. — 2022. — URL: <https://knrajllibrary.wordpress.com/tag/labour-market> (дата обращения: 04.03.2026).

8. *Wage dynamics in Europe: are labor markets heralding more inflation.* — URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/reo/eur/2023/november/english/ch2.pdf> (дата обращения: 04.03.2026).

О. Г. Бельдина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Публично-правовая фикция единого налогоплательщика как основание для переквалификации частных сделок: проблемы ст. 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации в контексте взаимодействия публичного и частного права

Аннотация. В статье анализируется механизм переквалификации частных сделок, предусмотренный ст. 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации, в части применения к ситуациям дробления бизнеса. Обосновывается, что сложившаяся правоприменительная практика, допускающая объединение нескольких формально независимых юридических лиц в одного налогоплательщика, фактически вводит публично-правовую фикцию, противоречащую фундаментальным принципам частного права (самостоятельность юридического лица, свобода договора, обособленность имущества). Исследуются коллизии между налоговым контролем и гражданско-правовыми гарантиями, предлагаются критерии балансировки публичных и частных интересов.

Ключевые слова: дробление бизнеса; ст. 54.1 НК РФ; публично-правовая фикция; переквалификация сделок; свобода договора; необоснованная налоговая выгода; взаимодействие публичного и частного права.

В последние годы одним из наиболее острых инструментов налогового администрирования в России стала ст. 54.1 Налогового кодекса

Российской Федерации (НК РФ) «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов», формально направленная на борьбу с «техническими» компаниями и схемами получения необоснованной налоговой выгоды. На практике она все чаще применяется к ситуациям так называемого дробления бизнеса, когда предприниматель использует несколько юридических лиц или индивидуальных предпринимателей на специальных налоговых режимах вместо одного крупного налогоплательщика.

Правоприменительная логика налоговых органов и зачастую судов такова: если хозяйственные операции между аффилированными лицами не имеют разумной деловой цели, кроме минимизации налогов, то все эти лица могут быть признаны единым налогоплательщиком с доначислением налогов по общей системе (НДС, налог на прибыль). При этом происходит переквалификация частных сделок (договоров аренды, оказания услуг, купли-продажи между «дробленками») как ничтожных или не имеющих юридического значения для целей налогообложения.

Для частного права такая логика является вызовом, так как принципы самостоятельности юридического лица (ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)), обособленности его имущества (ст. 48, 56 ГК РФ), свободы договора (ст. 421 ГК РФ) предполагают, что каждое зарегистрированное лицо это самостоятельный субъект гражданского оборота, если не доказано обратное в порядке, установленном законом. Однако ст. 54.1 НК РФ в толковании Федеральной налоговой службы и Верховного Суда РФ позволяет создавать публично-правовую фикцию: «консолидированную группу без регистрации», игнорируя формальную множественность субъектов.

Как справедливо отмечает Ж. И. Седова, в современном российском гражданском праве запрет обхода закона получил легальное закрепление (п. 1 ст. 10 ГК РФ) [3]. Однако правоприменительная практика в рамках ст. 54.1 НК РФ идет дальше: она не просто квалифицирует действия налогоплательщика как обход налогового закона, а конструирует нового субъекта правоотношения — единого налогоплательщика — без каких-либо оснований в гражданском законодательстве. Тем самым под видом борьбы с обходом закона происходит подмена частных правовых форм принудительной публично-правовой фикцией.

Согласно позиции, которая формировалась до введения ст. 54.1 НК РФ и была закреплена в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53, налоговая выгода не может быть признана необоснованной, если операции имеют реальный хозяйственный смысл. Однако с принятием ст. 54.1 НК РФ Верховный Суд РФ фактически сме-

стиль акценты: в Обзоре практики применения ст. 54.1 НК РФ (утв. Президиумом ВС РФ 16 февраля 2022 г.) указано, что приоритет имеет именно ст. 54.1, а Постановление № 53 применяется лишь в части, не противоречащей ей. Ст. 54.1 НК РФ прямо указывает: налогоплательщик вправе уменьшать налоговую базу при условии, что сделка реально исполнена, направлена на получение экономического результата, а не только на налоговую экономию, и исполнена надлежащим лицом (п. 2 ст. 54.1).

Проблема для частного права теперь заключается в следующем: критерии единого хозяйствующего субъекта не определены в гражданском законодательстве. Фактически создается презумпция аффилированного единства, которая опровергается с большим трудом. Налоговый орган в рамках применения ст. 54.1 НК РФ не признает такой договор мнимой сделкой в смысле ст. 170 ГК РФ (для этого потребовался бы отдельный иск), а переквалифицирует его налоговые последствия, например отказывает в учете арендных платежей в расходах, поскольку, по мнению инспекции, сделка заключена лишь для «дробления» выручки. При этом в гражданско-правовом смысле договор остается действительным, а его исполнение — реальным. Именно этот разрыв между гражданско-правовой действительностью сделки и ее налоговым «непризнанием» составляет ядро публично-правовой фикции. Но это подменяет экономическую логику юридической: стороны вправе структурировать свои отношения любым способом, не запрещенным законом (ст. 421 ГК РФ).

Под публично-правовой фикцией в контексте ст. 54.1 НК РФ автор понимает метод налогового регулирования, при котором для достижения публичной цели (полнота налогообложения) юридически значимые частноправовые факты (регистрация юридического лица, заключение договора, исполнение обязательств) игнорируются или переоцениваются на основе сугубо экономических критериев, не предусмотренных гражданским законодательством.

Эта фикция проявляется в трех аспектах.

Первый — *игнорирование принципа самостоятельности юридического лица*. Несколько независимых (формально) юридических лиц рассматриваются как одно целое. Это напоминает институт консолидированной группы налогоплательщиков, но без добровольного участия и без процедуры регистрации. По сути, налоговая инспекция присваивает полномочия по «принудительной консолидации».

Второй — *переквалификация внутригрупповых сделок*. Договоры между «дробленками» признаются не имеющими налогового значения. При этом сами сделки в гражданско-правовом смысле не оспариваются

(они не признаются недействительными в порядке ст. 166–179 ГК РФ), но их последствия для целей исчисления налогов аннулируются. Возникает разрыв: одна и та же сделка действительна в гражданском праве, но фиктивна в налоговом.

Третий — *создание обратной силы фикции*. Налоговый орган доначисляет налоги за прошлые периоды, объединяя выручку всех «осколков» бизнеса. При этом предполагается, что с момента создания схемы дробления существовал единый налогоплательщик, хотя в ЕГРЮЛ значились разные лица. Комплексный анализ гражданско-правовых рисков дробления бизнеса и возможной защиты прав налогоплательщика представлен у Р. Н. Шишкина [4].

Как справедливо отмечают исследователи гражданско-правовых договоров Е. В. Елфимова и Н. В. Елфимов, злоупотребление выбором договорной конструкции является устоявшейся практикой, с которой суды борются путем переквалификации фактических отношений [1]. Однако в налоговой сфере аналогичная логика переквалификации сделок между «дробленками» и объединение их в «единого налогоплательщика» приводит к качественно иным последствиям: не просто к изменению правового режима одного договора, а к принудительной консолидации нескольких юридических лиц, что не предусмотрено гражданским законодательством (ст. 48, 56, 57 ГК РФ). Тем самым публично-правовая фикция шаг за шагом заменяет собой частноправовые институты реорганизации и правопреемства.

Рассмотрим три фундаментальных института частного права, которые страдают от применения ст. 54.1 НК РФ в режиме публично-правовой фикции (см. таблицу).

Коллизия частноправовых принципов и практики применения ст. 54.1 НК РФ при переквалификации дробления бизнеса

Принцип частного права	Содержание	Нарушение при переквалификации дробления
Самостоятельность юридического лица (ст. 48, 56 ГК РФ)	Юридическое лицо отвечает по своим обязательствам своим имуществом; участник не отвечает по долгам юридического лица	При объединении нескольких юридических лиц в одного налогоплательщика фактически вводится солидарная налоговая ответственность без законных оснований. Одно юридическое лицо может быть принуждено платить налоги за другое
Свобода договора (ст. 421 ГК РФ)	Стороны могут заключить любой договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом	Налоговый орган оценивает деловую цель договора. Если цель — не только получение прибыли, но и налоговая экономия, договор может быть переквалифицирован. Однако закон не запрещает законную налоговую оптимизацию.

Принцип частного права	Содержание	Нарушение при переквалификации дробления
		Вместе с тем правоприменительная практика исходит из того, что, если налоговая цель является доминирующей или единственной, это злоупотребление правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ, ст. 54.1 НК РФ)
Обособленность имущества (ст. 48, 128 ГК РФ)	Имущество каждого юридического лица учитывается на его отдельном балансе	При объединении выручки и расходов всех «дробленок» происходит смешение имущественных масс без ликвидации или реорганизации, что противоречит порядку правопреемства

Следует особо подчеркнуть, что сама по себе ст. 54.1 НК РФ не содержит нормы, позволяющей объединять нескольких формально независимых налогоплательщиков в одного. Она устанавливает лишь пределы осуществления прав при исчислении налоговой базы (нельзя уменьшать базу, если основной целью является неуплата налога, либо сделка исполнена ненадлежащим лицом, либо искажены сведения). Принудительная консолидация без регистрации и без добровольного согласия — это продукт правоприменительной интерпретации, по сути, это судебная доктрина. Для налогового права, которое в силу п. 2 ст. 3 НК РФ требует формальной определенности и не допускает аналогии закона, такая ситуация является аномалией. Особую остроту конфликту придает то, что налоговая реконструкция происходит вне рамок гражданско-правовой процедуры оспаривания сделок или признания недействительной регистрации юридического лица. Суд по налоговому спору может признать несколько юридических лиц «единым налогоплательщиком», не ставя вопрос об их принудительной реорганизации или ликвидации. Возникает двойственность правопорядка: в гражданском обороте существуют разные лица, для налоговой — одно.

Верховный Суд РФ неоднократно пытался смягчить наиболее жесткие подходы: в определении от 18 августа 2021 г. № 305-ЭС21-19799 указано, что само по себе дробление не является нарушением, если оно обусловлено разумными экономическими причинами (разные сегменты рынка, разные виды деятельности, разные ресурсы). Налоговый орган должен доказать, что единственной или главной целью было получение необоснованной налоговой выгоды.

Однако на уровне арбитражных судов округов и первой инстанции сохраняется презумпция виновности бизнеса. О критике такого подхода с точки зрения баланса публичных и частных интересов подробно говорит в своем исследовании К. А. Сасов [2].

Достаточно установить, что:

- у нескольких юрлиц один фактический адрес;
- один руководитель или общий персонал;
- выручка перераспределяется между ними для сохранения

права на упрощенную систему налогообложения.

При таких фактах суды часто доначисляют налоги, даже если каждое юридическое лицо вело реальную деятельность (например, разные магазины в одном торговом центре, зарегистрированные на разных индивидуальных предпринимателей).

С точки зрения частного права здесь нарушается принцип состязательности и равноправия сторон (ст. 8, 9 АПК РФ). Налогоплательщик вынужден доказывать отрицательный факт (отсутствие цели ухода от налогов), что процессуально затруднительно. Публичный интерес (пополнение бюджета) получает систематический приоритет над частным правом на законную оптимизацию.

Для гармонизации взаимодействия публичного и частного права в рассматриваемой сфере можно предложить следующие меры.

Легализация критериев деловой цели в гражданском законодательстве. Ввести в ГК РФ (например, в ст. 1 или 10) положение о том, что осуществление гражданских прав не должно иметь своей основной целью неуплату налогов, при этом налоговая экономия, не являющаяся единственной целью, не признается злоупотреблением правом. Это позволит судам ссылаться на гражданско-правовые, а не только налоговые нормы.

Обязать налоговые органы при применении ст. 54.1 НК РФ к ситуациям дробления доказывать не только отсутствие деловой цели, но и то, что альтернативная структура (*единое юридическое лицо*) объективно могла бы функционировать без потери экономической эффективности. Если бизнес рассредоточен географически или функционально, дробление не должно переквалифицироваться.

Установить, что переквалификация сделок на основании ст. 54.1 НК РФ *не может приводить к признанию нескольких юридических лиц единым налогоплательщиком* без процедуры принудительной реорганизации в судебном порядке (по аналогии с п. 2 ст. 57 ГК РФ). Публичный интерес не должен подменять частноправовые формы принудительного слияния.

Статья 54.1 НК РФ, применяемая к дроблению бизнеса, порождает фундаментальную коллизию между публичным и частным правом. Налоговый орган, используя фикцию единого налогоплательщика, фактически создает новый, не предусмотренный ГК РФ способ прекращения множественности юридических лиц — без ликвидации, без ре-

организации, без правопреемства. Для частного права это неприемлемо, поскольку подрывает базовые принципы самостоятельности и обособленности субъектов гражданского оборота.

Решением не может быть полный отказ от борьбы с налоговой оптимизацией. Однако инструменты такой борьбы должны быть заимствованы из частного права (иск о признании сделки недействительной, иск о принудительной реорганизации) и не заменяться публично-правовой фикцией. Только восстановление процессуальных гарантий и уважение к формальной определенности статуса юридического лица позволят соблюсти баланс между фискальными интересами государства и автономией частных субъектов экономики.

Библиографический список

1. *Елфимова Е. В., Елфимов Н. В.* Гражданско-правовой договор: вопросы теории и практики // Современные инновации социально-экономических систем: материалы V науч.-практ. конф. с междунар. участием (Саратов, 17 марта 2025 г.). — Саратов: Амирит, 2025. — С. 49–52.
2. *Сасов К. А.* Пределы осуществления прав при исчислении налогов (ст. 54.1 НК РФ) и судебная практика // Налоговед. — 2020. — № 4. — С. 22–31.
3. *Седова Ж. И.* Правовые формы отрицания недобросовестного поведения. — М.: Статут, 2023. — 486 с.
4. *Шишкин Р. Н.* Дробление бизнеса: налоговые риски и гражданско-правовая защита // Вестник экономического правосудия. — 2022. — № 7. — С. 92–107.

С. Н. Бурлака

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Особенности правового регулирования биометрии в России

Аннотация. В статье анализируются особенности правового регулирования биометрии в России. Говорится об основных тенденциях развития права в сфере обработки, использования и защиты биометрических персональных данных граждан. Автором анализируются как положительные, так и негативные аспекты внедрения биометрических технологий, выявляются проблемные моменты, а также указываются пути совершенствования законодательства в сфере использования биометрических персональных данных.

Ключевые слова: биометрия; биометрические персональные данные; цифровая безопасность; биометрические технологии; единая биометрическая система.

На сегодняшний день цифровая биометрия становится одним из символов технологического прогресса и цифровой трансформации России. Эта технология вышла из разряда ИТ-проектов, так что можно утверждать, что теперь это уже новая социальная инфраструктура. Использование биометрии становится ключевым инструментом для подтверждения личности в цифровой среде. Она используется для оплаты товаров и услуг («оплата лицом»), прохода в транспорт и на мероприятия, дистанционного получения государственных и банковских услуг, подтверждения возраста при покупке товаров с ограничением 18+, сдачи экзаменов онлайн с прокторингом, заселения в гостиницы без паспорта и т. д.

В 2025 г. биометрия перестала быть нишевой технологией и стала массовым инструментом. Так, к концу 2025 г. в Единой биометрической системе (ЕБС) зарегистрировано 7 млн пользователей, за год этот показатель вырос в четыре раза, при этом основной прирост обеспечили иностранцы, для которых регистрация в ЕБС стала обязательной при оформлении сим-карт. В VI квартале 2025 г. россияне воспользовались оплатой по биометрии около 60 млн раз на сумму 45 млрд р. Это в 11 раз больше, чем год назад. Только за второе полугодие 2025 г. через ЕБС оказано 5,9 млн услуг (в пять раз больше, чем за предыдущие три года). Это выпуск карт болельщика, выдача электронных подписей, оформление eSIM, дистанционное открытие бизнеса и др. К концу 2025 г. открыто 2,3 млн активных счетов с использованием биометрических данных. При этом наибольший интерес к биометрии прослеживается в Москве (7,7 % пользователей) и Санкт-Петербурге (3,8 %). Средний возраст пользователей составляет 43 года, что говорит о массовом при-

нятии технологии разными поколениями. На сегодняшний день в стране установлено более 1,3 млн терминалов с поддержкой биометрии, в 2026 г. ожидается рост до 2 млн. Применение цифровой биометрии конкурирует с NFC, QR-кодами и новыми цифровыми идентификаторами.

Таким образом, можно утверждать, что использование биометрических технологий кардинально изменило способ идентификации в цифровом мире. В соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» к биометрическим персональным данным относятся «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных». В отличие от обычных персональных данных, биометрия относится к категории сведений повышенной чувствительности, поскольку позволяет не просто идентифицировать человека, а делает это на основе уникальных, неизменяемых характеристик, это автоматическое распознавание лица, радужной оболочки глаза, записи голоса и др.

В России действует Единая биометрическая система (ЕБС) — это государственная информационная платформа, предназначенная для сбора, хранения и использования биометрических данных граждан России и иностранных граждан. Система обеспечивает идентификацию и аутентификацию по уникальным физическим характеристикам для получения различных цифровых услуг. По общему правилу обработка биометрических персональных данных вне ЕБС запрещена. К основным задачам ЕБС можно отнести: удаленное оформление услуг; усиление цифровой безопасности; подтверждение личности без предъявления паспорта; экономия времени при получении государственных и коммерческих сервисов.

Законодательно определены следующие виды размещения и обработки биометрических персональных данных в ЕБС: изображение лица человека, полученное с помощью фотовидеоустройств; запись голоса человека, полученная с помощью звукозаписывающих устройств.

В ЕБС существует несколько уровней биометрии: упрощенная биометрия используется для входа в личный кабинет, для оплаты в метро; стандартная биометрия дает доступ к более широкому спектру услуг; подтвержденная биометрия регистрируется в банке или МФЦ.

Кроме того, существуют дополнительные перспективные виды биометрии. Так, поведенческая биометрия (анализ походки, клавиатурного почерка, манеры работы с устройством) применяется в пилотных проектах для корпоративной безопасности. Также на предприятиях

с особыми требованиями к безопасности используется венозный рисунок ладони.

Таким образом, технологии с использованием биометрических персональных данных развиваются с бешеной скоростью и оказывают все большее влияние на все сферы общественной жизни. Можно сказать, что формируется «цифровое лицо» каждого человека в стране. Несомненно, это влечет за собой множество позитивных аспектов.

В первую очередь использование новых технологий обеспечивает удобство и скорость при осуществлении множества операций [2]. Не нужно запоминать пароли, носить с собой документы или банковские карты — биометрические данные всегда «при вас». Идентификация занимает несколько секунд: вход в приложения, оплата покупок, проход в транспорт и здания происходит мгновенно. Возможность получать банковские, государственные и коммерческие услуги дистанционно: открытие счетов, оформление кредитов, получение справок, заключение договоров. Внедрение биометрии в транспорт, гостиницы, вендинговые автоматы и онлайн-сервисы делает жизнь комфортнее.

Во вторую очередь биометрические технологии способны обеспечить высокий уровень безопасности. Биометрические данные уникальны, их сложно подделать или украсть так, как пароль [4]. Современные системы используют liveness-детекцию (проверку «живости»), считается, что это затрудняет мошенничество с фото, видео или масками. В России все биометрические данные хранятся в ЕБС в зашифрованном виде, а коммерческие организации получают только результат сверки, а не сами данные.

Следующим фактором является снижение мошенничества. Биометрия практически исключает возможность оформления услуг или сделок за другого человека. В банках и на государственных порталах снижается риск взлома аккаунтов и мошеннических операций. С 1 марта 2026 г. вступают в силу изменения о противодействии цифровому мошенничеству, где биометрия занимает центральное место. Одна из ключевых новелл — возможность использовать биометрическую идентификацию при получении микрозаймов. Также закон ужесточает защиту использования биометрии в системе государственных услуг.

Но между тем использование биометрических инструментов имеет и ряд негативных последствий. Всегда есть вероятность ложных отказов или ошибок. Автоматические системы могут давать сбои, например не распознать лицо при плохом освещении, не считать отпечаток при повреждении кожи, не идентифицировать голос при болезни или шуме. Крайне важным является и то обстоятельство, что стоимость внедрения биометрических технологий крайне высока, поэтому для ор-

ганизаций внедрение биометрических систем требует значительных затрат на оборудование и инфраструктуру.

В качестве основного минуса можно назвать риск угрозы безопасности личных данных граждан [1]. Если биометрические данные попадут к злоумышленникам, их невозможно сменить, как пароль. Это создает долгосрочные риски для цифровой личности. Несмотря на шифрование, полностью исключить утечки нельзя в силу того, что возможность технических сбоев и наличие человеческого фактора всегда остаются. Биометрические данные являются сведениями повышенной чувствительности. Это означает, что риск их утечки имеет гораздо более масштабные последствия, чем если бы это были обычные персональные данные. Удалить биометрию из системы можно, но это приведет к потере доступа ко многим цифровым сервисам. Так, в 2026 г. Роскачество обнаружило, что вензельные паттерны можно восстановить по обычным фото IR-камер (риск взлома по фото из Instagram¹). В 2025 г. произошла утечка 3D-сканов рук из сети «Вкусно и точка», в результате чего 12 тыс. поддельных бургеров списано в течение недели. Таким образом, Liveness-детекция, ключевой элемент биометрической безопасности, не является абсолютной защитой. Эффективность зависит от архитектуры системы, комбинации методов защиты и постоянного обновления моделей. В России эти технологии активно внедряются, однако риски обхода остаются значимыми, особенно при массовом применении в финансовых и государственных сервисах.

Совершенствование законодательства в сфере использования биометрических персональных данных требует комплексного подхода, учитывающего технологические, правовые и социальные аспекты. Необходимо совершенствовать технические и организационные меры безопасности, предусмотренные Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Это может включать обновление криптографических стандартов в соответствии с последними технологическими достижениями для защиты данных при их передаче и хранении; расширение требований к инфраструктуре, используемой для обработки биометрии, особенно в части предотвращения утечек и несанкционированного доступа; внедрение дополнительных

¹ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

уровней аутентификации при доступе к биометрическим данным, например, многофакторной аутентификации для операторов систем.

Крайне важным также является расширение перечня биометрических данных, хранящихся в ЕБС. В настоящее время в ЕБС обрабатываются только изображение лица и запись голоса. Однако технологии развиваются, и появляются новые виды биометрии (например, сканирование радужной оболочки глаза, рисунок вен, геометрия ладони). Законодательство должно оперативно реагировать на такие изменения, уточняя правовой статус новых типов данных. Требуется конкретизировать правовой статус использования таких данных, как дактилоскопия, рисунки вен, размеры рук и прочее в негосударственных системах.

Следует активизировать работу по разработке и внедрению ГОСТов и других стандартов, регулирующих требования к качеству биометрических данных; процедуры обработки и хранения информации; совместимость различных биометрических систем. Это повысит интероперабельность систем и упростит обмен данными между различными организациями при соблюдении требований безопасности. Также крайне важна правовая проработка механизмов использования биометрии в особых случаях [3]. Например, необходимо уточнить правила применения биометрии в системах контроля доступа (СКУД) на территории организаций, учитывая интересы как бизнеса, так и граждан.

В совершенствовании нуждаются механизмы контроля и надзора. Речь идет об усилении роли Роскомнадзора при контроле за соблюдением законодательства о биометрии, включая проведение регулярных проверок операторов данных. Более активную роль в разработке стратегических направлений развития технологий и мониторинга практики применения закона может играть Координационный совет по развитию цифровых технологий идентификации и аутентификации на основе биометрических персональных данных, предусмотренный Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Было бы крайне полезным внедрить публичные реестры нарушителей, что повысило бы прозрачность и ответственность компаний, допускающих нарушения.

Необходимо системно вести работу по просвещению граждан в сфере их прав в области персональных данных и механизмах их защиты. Это может включать разработку образовательных программ и информационных кампаний; упрощение процедур подачи жалоб и ис-

ков в случае нарушений; обеспечение доступности информации о том, как проверить наличие своих биометрических данных в системах и как их удалить.

Таким образом, совершенствование законодательства в сфере биометрических данных должно балансировать между технологическим прогрессом, защитой прав граждан и потребностями государства и бизнеса. Ключевыми направлениями являются усиление технической и правовой защиты данных, развитие стандартов, повышение ответственности за нарушения наряду с активным использованием инструментов контроля и просвещения.

Библиографический список

1. *Афанасьев С. Д., Терещенко И. А., Яцкевич Д. А.* Биометрическая идентификация и права человека: демаркационная линия // Закон. — 2022. — № 3. — С. 33–46.
2. *Бельдина О. Г.* Искусственный интеллект как одно из направлений развития цифровой среды // Цифровая экономика и онлайн-образование: ключевые тренды и препятствия: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 28 мая 2024 г.). — Екатеринбург: УрГЭУ, 2024. — С. 82–84.
3. *Данелян Р. Н., Яковлев-Чернышев В. А.* Особенности правового регулирования биометрических персональных данных в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2024. — № 3 (57). — С. 82–84.
4. *Степенко В. Е., Богдановская А. Д.* Биометрические персональные данные // Евразийский союз ученых. — 2020. — № 4–10 (73). — С. 15–19.

А. В. Головизнин, М. Е. Мандра

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовой режим цифровой валюты центрального банка: сравнительно-правовой анализ

Аннотация. В статье на основе сравнительно-правового метода рассматриваются нормативные модели цифровых валют центральных банков в государствах — членах ЕАЭС (Россия, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь, Армения), а также в Китае и Европейском союзе. Анализируются правовая природа CBDC, механизмы внедрения, степень императивности для участников оборота, регуляторные приоритеты и режим защиты персональных данных.

Ключевые слова: цифровая валюта центрального банка; CBDC; цифровой рубль; цифровой тенге; цифровой сом; цифровой евро; e-CNY; сравнительно-правовой анализ.

В настоящее время цифровая валюта (Central bank digital currency, CBDC) перестала быть сугубо теоретической конструкцией и обрела устойчивый нормативный контур в ряде государств. Наибольшей степенью нормативной завершенности в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) отличаются правовые режимы Российской Федерации и Республики Казахстан. Кыргызстан и Беларусь находятся на стадии формирования законодательной базы. В Армении в качестве приоритета рассматривается регулирование оборота криптоактивов и стейблкоинов, а разработка собственной цифровой валюты отнесена к долгосрочной аналитической повестке. За пределами ЕАЭС наиболее показательны модели Китая и Европейского союза, демонстрирующие принципиально разные подходы к ключевым параметрам правового регулирования.

Российская Федерация законодательно закрепила цифровой рубль как особую форму национальной валюты, внося поправки в Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Тем самым цифровой рубль признан законным платежным средством и включен в денежное обращение наравне с наличными и безналичными рублями. В Казахстане цифровой тенге формируется как цифровая форма национальной валюты, эмитируемая Национальным банком. Правовую основу составляют Закон Республики Казахстан от 26 июля 2016 г. № 11-VI ЗРК «О платежах и платежных системах» и пилотные проекты регулятора. В Кыргызстане Национальный банк в 2022 г. утвердил Концепцию цифрового сома, в которой последний описывается как обяза-

тельство центрального банка, реализуемое в двухуровневой архитектуре для розничных платежей. Беларусь в 2025 г. анонсировала разработку закона о цифровом белорусском рубле, ориентированного на повышение прозрачности бюджетных средств. Китай реализует проект eCNY по двухуровневой модели, где Народный банк выступает эмитентом и оператором, а коммерческие банки открывают пользователям кошельки. В Армении, согласно заявлению председателя Центрального банка М. Галстяна, цифровой драм остается в аналитической повестке при отсутствии консенсуса о сроках введения. Нормативное регулирование сосредоточено на Законе Республики Армения от 24 ноября 2004 г. «О платежных и расчетных системах и платежных организациях» без выделения CBDC в отдельный объект.

В Российской Федерации цифровой рубль прямо включен в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) и приравнен к обычным денежным средствам. Законодатель не отнес его к цифровым правам (ст. 141.1 ГК РФ), избрав модель специального регулирования через финансовое и банковское законодательство. По своей юридической конструкции цифровой рубль — это имущественное право требования к Банку России, выполняющее функцию денег и учитываемое на платформе [1; 2]. В Казахстане цифровой тенге также характеризуется как безусловное обязательство Национального банка, но включен в более широкий режим цифровых активов. Кыргызская Концепция подтверждает денежную природу цифрового сома и его взаимозаменяемость с наличным и безналичным сомом, отделяя его от криптовалют. Белорусский проект закона исходит из того, что цифровой белорусский рубль будет дополнительной формой законного платежного средства, однако детальная гражданско-правовая квалификация, аналогичная российской, пока не представлена. В КНР e-CNY рассматривается как цифровой эквивалент наличных денег, предназначенный прежде всего для розничных платежей; правовые основания распределены между Законом КНР от 18 марта 1995 г. «О Народном банке КНР» и ведомственными актами. В Армении специальный режим CBDC отсутствует, расчеты регулируются общим платежным законодательством.

Ключевые различия проявляются в механизме внедрения и характере обязанностей банков и коммерческих организаций. В России Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 105-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепил поэтапное обязательное подключение кредитных организаций и продавцов к платформе цифрового рубля, установив календарные сроки в зависимости от статуса банка и размера выручки. Для значительной части финансовых и торговых предприятий цифровой рубль перестает быть добровольным инструментом, превращаясь в элемент публично-право-

вой инфраструктуры. В Беларуси разрабатываемый закон также предусматривает поэтапное внедрение, но конкретные сроки и императивные нормы, сопоставимые с российскими. Кыргызская Концепция ориентирует на пилотный режим и постепенное расширение применения без немедленной обязанности для всех продавцов. Казахстан после принятия изменений в законодательство сосредоточен на испытании сценариев, маркировке НДС в государственных закупках и отработке взаимодействия между Национальным банком и коммерческими банками, не возлагая жесткой обязанности на каждого продавца. В Китае e-CNY распространяется через пилотные программы и административные решения. Отсутствие единого закона с конкретными сроками позволяет говорить о модели, основанной на административном стимулировании. В Армении, где акт о цифровом драме отсутствует, вопрос об императивности пока не возникает.

Российский законодатель четко разграничил цифровой рубль и цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, криптовалюты¹. Цифровой рубль регулируется исключительно актами банковского законодательства, что подчеркивает его публично-правовую, суверенную природу. В Казахстане цифровой тенге развивается параллельно с регулированием цифровых активов, формируя единую архитектуру цифрового финансового рынка. Кыргызстан и Беларусь акцентируют цифровую форму национальной валюты, тогда как режимы иных цифровых активов находятся в стадии становления. В Китае eCNY противопоставляется частным криптовалютам, на которые распространяются нормы финансовой стабильности и кибербезопасности; государственная цифровая валюта позиционируется как надежный управляемый инструмент. Армения пока регулирует преимущественно платежные системы и криптовалютную торговлю, откладывая создание собственного инструмента центрального банка.

Российская модель опирается на Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», нормы о банковской тайне и Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» (вместе с «Порядком урегулирования споров и разногласий»). Банк России как оператор платформы получает техническую возможность концентрировать информацию обо всех транзакциях граждан независимо от банка обслуживания, что в доктрине оценивается как расширение потенциала финансового мониторинга и аналитического профилирования по сравнению с децентрализован-

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ.

ным учетом безналичных платежей [1; 2]. В Казахстане защита данных пользователей цифрового тенге регулируется законом о платежах и актами Национального банка, однако специальные ограничения аналитического использования данных платформы не сформулированы. Кыргызстан и Беларусь учитывают данные о цифровой валюте в рамках общего режима банковской тайны и противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма, специальных гарантий для повседневных транзакций не выработано. В Китае официальные материалы декларируют контролируемую анонимность и дифференцированную идентификацию, но приоритет отдан борьбе с отмыванием доходов и кибербезопасности. Европейский союз, напротив, смещает акцент на защиту конфиденциальности: для цифрового евро предлагаются офлайн-платежи с уровнем приватности, близким к наличным, и соблюдение GDPR. Российская модель занимает промежуточное место — формально развитый режим персональных данных сочетается с высокой концентрацией информации на платформе и отсутствием специальных ограничителей ее вторичного использования.

Китайская модель e-CNY выходит за рамки традиционного понимания CBDC как аналога наличных. В аналитических обсуждениях допускается переход от M0-подобной «цифровой наличности» к инструменту, способному приносить доход (например, начисление процента на остатки), что стимулировало бы верификацию пользователей и снижало бы анонимность. Такая трансформация порождает вопрос: если CBDC приобретает черты депозитного инструмента, утрачивает ли она статус законного платежного средства в классическом смысле. Европейский союз, напротив, делает акцент на защите персональных данных и институциональных ограничениях доступа центрального банка к информации о пользователях. Европейский центральный банк объявил о приеме заявок от поставщиков платежных услуг на участие в пилотном проекте (вторая половина 2027 г.). Бета-версия цифрового евро не получит статуса законного платежного средства и будет использоваться только для тестирования. Окончательное решение об эмиссии последует после принятия соответствующего законодательства ЕС. В документах Европейского центрального банка подчеркивается, что цифровой евро не должен становиться инструментом поведенческого контроля; программируемость предлагается ограничить уровнем платежных услуг, не затрагивая свойства самой денежной единицы. Сравнение российской и европейской моделей обнажает фундаментальное расхождение: российская строится вокруг централизации и управляемости, европейская — вокруг распределения контроля и защиты приватности.

В ЕАЭС наблюдается дифференциация государств по степени нормативной готовности CBDC. Россия и Казахстан сформировали наиболее развернутые правовые режимы с детализированными подзаконными актами. Российская модель отличается наивысшей императивностью: законодательно закреплено поэтапное обязательное подключение банков и продавцов к платформе, что для бизнеса превращает цифровой рубль из добровольного инструмента в элемент публично-правовой инфраструктуры. Беларусь и Кыргызстан находятся на переходной стадии (законопроектная деятельность и пилоты). Армения сохраняет низкий уровень готовности, ограничиваясь аналитической фазой.

С точки зрения защиты прав граждан все рассмотренные модели ЕАЭС уступают европейским стандартам приватности. Ни одна из стран союза не ввела дифференцированный режим анонимности малых платежей или законодательных пределов аналитического профилирования, сопоставимых с обсуждаемыми в ЕЦБ. Вопросы распределения ответственности при сбоях платформы и несанкционированных операциях также остаются неурегулированными на специальном уровне. Китайская модель e-CNY, обсуждаемая в направлении трансформации в процентный депозит, представляет собой самостоятельную правовую конструкцию, не имеющую аналогов в ЕАЭС и ставящую под сомнение традиционное понимание CBDC как прямого аналога наличных денег.

Таким образом, российская модель цифрового рубля при всей ее нормативной завершенности обнаруживает правовые недочеты, связанные с защитой приватности и пределами программируемости. Сравнительный анализ с Казахстаном, Китаем и Европейским союзом не только выявляет различия, но и указывает на возможные направления совершенствования российского законодательства.

Библиографический список

1. *Василевская Л. Ю.* Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // *Lex Russica* (Русский закон). — 2023. — Т. 76, № 1 (194). — С. 9–19.
2. *Габов А. В.* Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16, № 4 (125). — С. 55–65.

Н. С. Громова, А. С. Куницкая

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Тенденции развития института судебной экспертизы: сравнительный анализ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития института судебной экспертизы, анализируются особенности законодательства романо-германских и англосаксонских стран, выявляются основные векторы современного развития и характеризуются перспективы.

Ключевые слова: институт судебной экспертизы; эксперт; специалист; процессуальный статус; доказательство.

Институт судебной экспертизы является относительно молодым в контексте развития всей судебной системы, что вызывает определенное недоверие к его функционированию и необходимость определения некоторых важных доминант, отличающих его от остальных механизмов защиты прав человека, но и указывающих на общие черты. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью судебной экспертизы как одного из важнейших институтов доказывания в современном правосудии. В условиях научно-технического прогресса, глобализации и цифровизации качественная и объективная экспертная оценка может стать базой для вынесения законных и обоснованных судебных решений. Значимость привлечения к анализу данных важных для следствия лиц, обладающих специальными знаниями, становится все более высокой в век цифровой реальности, когда объективность тех или иных фактов требует дополнительного подтверждения. Появление института судебной экспертизы выступает своего рода связующим звеном между личностью и государством, позволяя согласовать интересы публичного и частного характера, личные права и общественные обязанности.

При этом подход к оценке роли судебной экспертизы варьируется в зависимости от страны и условий исторического формирования самого подхода к экспертной деятельности. Изучение развития судебной экспертизы в России в сравнении с зарубежными правовыми системами позволяет выявить особенности ее развития, понять причины сложившихся организационно-правовых различий и понять перспективы, к которым следует стремиться.

Судебная экспертиза — это процессуальное действие, заключающееся в проведении исследования и даче заключения лицом, обладающим специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, по поручению суда, следователя или иного уполномоченного

органа в целях установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Общие черты, которые отличают институт судебной экспертизы от любого другого, можно охарактеризовать как базовые признаки. Так, в первую очередь основная цель судебной экспертизы — это содействие суду путем проведения исследования. Это самый важный признак, который положен в основу развития всего института экспертизы на разных исторических этапах. Пограничным фактором в определении роли эксперта был принципиальный переход от концепции «в суде должно сообщать только о фактах, а выводы из этих фактов должен делать суд или присяжные» к концепции «если вопросы выходят за пределы обыденного знания судей и присяжных, то требуется эксперт, который сделает квалифицированные выводы». В связи с этим результаты проведенного исследования являются весомым доказательством, учитываемым судьей при вынесении решения.

Вторым важным признаком является тот факт, что лицо, которое проводит экспертизу, должно обладать определенными специальными знаниями в той сфере, в которой оно проводит экспертизу. И этот момент является также ключевым, поскольку сам факт определения «экспертности» лица определяется на разных этапах экспертологии неоднозначно: документ о квалификации или имеющиеся навыки.

Это основополагающие черты, которые характеризуют институт судебной экспертизы и являются общими для всех правовых систем разных стран. Несмотря на определенные сходства исторические, культурные и процессуальные особенности формирования данного института оставили весомый след в правовом статусе судебной экспертизы, статусе эксперта и процедуре оценки экспертных заключений. Понимание этого разнообразия необходимо как для совершенствования национальных правовых систем, так и для развития международного сотрудничества в области правосудия.

Анализ текущих тенденций показывает, что развитие института судебной экспертизы в России и мире движется по ряду ключевых траекторий. К основным векторам можно отнести следующие: унификация и ужесточение требований к экспертам, цифровизация методов исследования и усиление роли экспертизы в судебном процессе.

История развития судебной экспертизы в романо-германской правовой системе началась еще в период до нашей эры и во многом связана с *Lex Aquilia*. Развитие института судебной экспертизы в странах англосаксонской правовой семьи прошло путь от разрозненности и отсутствия четкой структуры и децентрализации, до создания сложных механизмов контроля качества экспертных знаний через систему прецедентов, влияющих на закон. Однако, несмотря на определенные различия, роль эксперта базируется на его определении в качестве своеобразного помощ-

ника судьи, разъясняющего сложные профессиональные моменты, без которого не будет возможности принять обоснованное решение.

В большинстве современных правовых систем реализуется концепция внедрения единых стандартов для экспертов на двух уровнях: законодательном и образовательном. Первый блок связан со стандартизацией существующих положений в отношении требований к экспертам, их процессуальному статусу и формам деятельности. Ключевой задачей в этом направлении является переход к единой регулируемой модели, которая должна заменить действующий «лоскутный» подход. Так, в ряде стран на данный момент нет деления на государственных и негосударственных экспертов, специалистов, иных сведущих лиц, а определен единый статус лиц, обладающих специальными знаниями и привлекаемых к участию в судебном процессе.

Одним из наиболее стандартных подходов для большинства государств является принятие единого закона, кодекса, свода правил, регулирующих данную сферу. Если изначальной проблемой было признание права эксперта высказывать мнения в суде присяжных, то современная эпоха сосредоточена на оценке качества этих мнений. Так, в 1975 г. в США были приняты Федеральные правила доказывания (Federal rules of evidence), которые представляли собой набор норм, регулирующих представление и допустимость доказательств в федеральных судах, чтобы обеспечить структурированный и единообразный подход к определению приемлемости различных видов доказательств.

Действующий на данный момент Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» на определенном этапе позволил серьезно систематизировать отношения в сфере экспертной деятельности, но правоприменительная практика и развитие законодательства на стоят на месте, что привело к появлению неоднозначности в понимании существующих норм. Например, в согласовании статусов государственных и негосударственных экспертов, которые вполне по понятным причинам имеют неравно урегулированный статус в силу уже самого названия закона, не затрагивающего негосударственный блок экспертной деятельности. И профильные кодексы не снимают неоднозначность статусов различных участников, более того, они формируют определенный дисбаланс, не унифицируя требования к различным лицам, что стало основанием для более пристального анализа и пересмотра правовой базы. В связи с этим подготовленный и обсуждаемый законопроект, регулирующий судебно-экспертную деятельность, должен обеспечить единообразие подхода, прозрачность оценки качества работы экспертов и экспертных учреждений и дать возможность создать единый реестр экспертов, единые методики и др. Не все представители экспертного сообщества оцени-

вают стремление к унификации позитивно, опасаясь ограничения применения разнообразных экспертных подходов, однако это представляется весьма обоснованным ограничением, если существующие методы дают неверифицируемые результаты. Правовое единообразие позволит повысить доверие к работе данного института со стороны участников процесса и обеспечить высокий уровень качества самих экспертиз, повысив в результате и качество правозащитных механизмов.

Образовательная стандартизация идет преимущественно по направлению формирования специализированных направлений подготовки будущих экспертов. Это касается как унификации образовательных программ и введения специальных уровней подготовки, выступающих связующим звеном между теоретической подготовкой и практическим применением знаний в экспертной деятельности. Так, в России, США, Германии, Швейцарии и других странах существуют специальные направления подготовки и переподготовки экспертов по различным специальностям. Начало такого комплексного подхода во многом было положено в 1570 г., когда в Париже была образована Корпорация присяжных мастеров-письмоведов по исследованию подписей, позднее получившая патент на право производства экспертиз от Генриха IV.

Например, в России активно реализуется подготовка по специальности «Судебная экспертиза», идут ведомственные повышения квалификации и специализированная переподготовка по экспертным специальностям. Это дает возможность подготовить специалистов высокого уровня, владеющих не только специальными знаниями, но и разбирающихся в процессуальных особенностях, а квалифицированных специалистов, обладающих комплексными знаниями и навыками работы.

Таким образом, можем отметить, что основным драйвером изменений являются государственные реформы, которые упорядочивают отрасль судебной экспертизы и обеспечивают своевременные изменения, позволяющие поддерживать высокий уровень правозащитных механизмов. При этом немаловажную роль играет и согласованность с институтами гражданского общества имеющихся инициатив, поскольку роль судебного эксперта очень высока и, несмотря на правовую квалификацию, именно граждане определяют свой уровень доверия к работе эксперта. Одной из важных тенденций выступает повышение уровня открытости работы экспертов, что позволяет гражданам понять характер деятельности и доверять результатам экспертных исследований, повышая и уровень доверия к функционирующим институтам государства в целом.

К. Е. Дейнега

Челябинский государственный университет, г. Челябинск

Цифровое имущество как самостоятельный объект гражданских прав

Аннотация. В статье анализируются доктринальные подходы к определению категорий «цифровые права», «цифровое имущество». Автором определяется правовая природа цифрового имущества как особой разновидности объектов гражданского права, выдвигаются предложения по внесению изменений в гражданское законодательство.

Ключевые слова: цифровые права; цифровое имущество; токен; юридическая фикция; цифровая валюта.

Цифровизация сфер жизни общества, развитие цифровых технологий на современном этапе предопределяют фундаментальные изменения в правовом регулировании традиционного гражданского оборота. Формирование нового правового режима в данном случае связывается с регулированием отношений, которые складываются по поводу нематериальных объектов, существующих в цифровой среде.

Возникновение и стремительное распространение в обороте бестелесного цифрового имущества, а также усилия законодателя по формированию соответствующего правового регулирования обуславливают необходимость перед правовым сообществом осуществить доктринальные изыскания по вопросам определения правовой сущности цифрового имущества.

С момента включения в содержание гражданского законодательства норм о цифровых правах в цивилистической доктрине идут оживленные споры относительно правильности избранного подхода к определению правовой природы новых объектов гражданских прав.

Фактически законодатель термином «цифровые права» определил объекты, которые поименованы в доктрине как токены. В связи с этим такой подход законодателя подвергается научной критике до настоящего времени, поскольку любое субъективное право предполагает наличие определенного объекта, на который оно обращено, а также специального правового режима его осуществления. Однако действующие правовые нормы о цифровых правах фактически устанавливают возможность оборота традиционных гражданских прав посредством цифровой формы. При таких обстоятельствах в цивилистической доктрине ставится под сомнение необходимость выделения таких прав в качестве самостоятельного объекта (подвида имущественных прав).

Е. А. Суханов критически относится к избранному подходу о включении цифровых прав в структуру объектов гражданских прав, по-

скольку в данном случае не создается особый гражданско-правовой режим для введения таких объектов в гражданский оборот.

По мнению исследователя, цифровые права не являются новым и самостоятельным видом субъективного права, а лишь определяют новую цифровую форму для уже известных традиционных гражданских прав. При этом сам факт отражения таких прав в цифровой среде не меняет их правовую природу [10].

С. В. Сарбаш также подвергает критике избранный законодателем подход к определению цифрового права в качестве объекта гражданского права. Согласно мнению исследователя, цифровое право не создает какого-либо нового содержания, а представляет собой лишь форму, посредством которой происходит оформление любого существующего права: «Цифровизация как таковая и цифровизация экономики — лишь метод оформления, но не содержание имущественного отношения» [6].

Позицию вышеназванных исследователей разделяет А. В. Асоков, который отмечает, что цифровые права являются особым способом удостоверения (фиксации) имущественных прав. В связи с этим цифровые права во многом походят на бездокументарные ценные бумаги [6].

Схожего подхода придерживается Л. Ю. Василевская, которая указывает, что цифровые права не могут рассматриваться в качестве нового вида субъективных гражданских прав, поскольку они не отвечают критерию индивидуальности и не содержат в себе определяющих свойств принципиально нового права. В результате чего автор констатирует: «Цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующих наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к использованию цифрового способа их фиксации» [1, с. 15].

Р. И. Ситдикова и Р. Б. Ситдилов также склонны считать, что термин «цифровые» не формирует новый вид субъективных прав, а лишь формирует новый способ их фиксации и удостоверения — посредством определенной информационной системы, что в конечном счете означает, что категория цифровые права представляет собой разновидность юридической фикции [9].

Аналогичная точка зрения относительно определения цифровых прав отражена также в работах таких исследователей, как Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновна [8], М. Г. Терехов [11], Е. В. Демьяненко и А. В. Шпак [3] и др.

Стоит отметить, что позиция исследователей, которые не признают цифровые права в качестве самостоятельного объекта права, является наиболее распространенной, но не единственной.

Так Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселова отмечали, что токен, который является средством фиксации гражданского права в информационной системе, вместе с этим может признаваться в качестве самостоятельного объекта [2]. Для этого, как отмечают авторы, необходимо выявить специальные признаки токенов, которые позволят установить их правовой режим, который несомненно должен отличаться от иных известных объектов.

Л. А. Новоселова, отмечая ограниченный характер цифровых прав как объектов гражданских прав, определяет, что их ключевой особенностью является привязка к электронному маркеру — токену в соответствующей цифровой среде. По этой причине, согласно мнению автора, термин «цифровое право» является неточным, так как не определяет содержание такого права, а лишь «используется как заменитель технического термина токен, к которому привязана информация об имущественном праве» [6].

В соответствии с особенностями функционирования информационных систем, в том числе систем распределенного реестра, учет и оборот прав осуществляется посредством токенов.

Токен может быть определен в качестве единицы учета определенной информации как составной элемент определенной информационной системы. С технической стороны токены представляют собой программный код и не содержат каких-либо внешних материальных отличий.

В ходе исследования соотношения объекта права и фиксирующего его токена Л. А. Новоселова, О. А. Полежаев указывают, что данные категории однозначно имеют между собой юридическую связь, обладающую определенными характеристиками [7].

По мнению исследователей, в случае наличия указанной связи (интеграции) в достаточной степени возможно утверждать, что цифровой актив может выступать в качестве самостоятельного объекта права.

В зависимости от степени взаимосвязи с объектом права возможно качественное изменение сущности такого токена, так как фактически данный цифровой актив заменяет объект права, а последний утрачивает свою самостоятельную ценность.

Ввиду этого исследователи считают допустимым выделять токен в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

Данное мнение поддерживает Л. Г. Ефимова, которая указывает, что токенизированное цифровое имущество является неоднородным. В зависимости от того, как объект гражданского права соотносится с токеном, фиксирующим право на него, автор выделяет следующие виды цифровых объектов.

1. Токены, удостоверяющие права на объекты реального мира. В рассмотренном случае токен выступает способом фиксации в цифровой среде гражданского права на объект, который реально существует в объективном пространстве. В таком случае слияния (интеграции) токена и объекта гражданского права не происходит, а в качестве абсолютного права на объект выступает право собственности, которое удостоверяет токен.

2. Токенизированные объекты, не имеющие объективного воплощения в реальном мире. К числу данных автор относит цифровые валюты и виртуальные ценные бумаги. При этом рассматриваемые токены выступают в качестве самостоятельных объектов гражданских прав.

Фиксация токена за определенным лицом удостоверяет гражданское право данного лица на такой объект. При этом между таким правообладателем и иными третьими лицами формируются абсолютные правоотношения и, как следствие, у правообладателя возникает абсолютное право на этот объект. При этом Л. Г. Ефимова отмечает, что данное абсолютное субъективное право не может являться правом собственности в силу того, что данный объект не является вещью.

В таком случае Л. Г. Ефимова указывает, что токены также осуществляют креационную функцию, т. е. создают новое имущество и сливаются с ним [4].

3. Токены, удостоверяющие права на результаты интеллектуальной деятельности. В таком случае токены выступают как способ фиксации в информационной системе права на результат интеллектуальной деятельности. У правообладателя в данном случае возникает абсолютное право, по своей сути являющееся исключительным правом.

4. Токены, удостоверяющие права на объекты, схожие, но не являющиеся результатами интеллектуальной деятельности (объекты, созданные искусственным интеллектом). Такие токены надлежит рассматривать как способ фиксации таких прав. При этом у правообладателя возникает особое абсолютное право, которое нельзя рассматривать в качестве права собственности [5].

Таким образом, объединенная позиция Л. А. Новоселовой, О. А. Полежаева, Л. Г. Ефимовой указывает на то, что токены в информационной системе фиксируют как традиционные объекты права, так и новые, ранее неизвестные объекты.

При этом в первом случае токены осуществляют функции учета, удостоверения прав на традиционные объекты, определяют правомочия их владельца. Во втором случае за счет слияния токенов и удостоверяемых ими объектов формируется принципиально новый объект

гражданского права, которое в цивилистической доктрине предложено именовать как цифровое имущество.

Важно отметить, что действующее специальное законодательство и правоприменительная практика допускают выделение данного объекта гражданских прав, при этом в настоящее время речь идет о цифровых валютах как разновидности цифрового имущества.

Так, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержит в себе дефиницию цифровой валюты, под которой понимается совокупность электронных данных в виде цифрового кода или обозначение, содержащиеся в определенной информационной системе и способные выступать в качестве средства платежа и (или) инвестиции. При этом в силу прямого указания цифровая валюта не является денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства или международной денежной, или расчетной единицей.

Аналогичный подход к определению данной категории отражен законодателем в законопроекте № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах», вступление в силу которого запланировано на 1 июля 2026 г.

Также обращает на себя внимание Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона „О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича», в соответствии с которым гражданское законодательство допускает возможность рассматривать цифровую валюту в качестве объекта гражданских прав в виде иного имущества по смыслу ст. 128 ГК РФ.

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время в отечественном законодательстве формируется правовое регулирование отношений, связанных с оборотом цифрового имущества. При этом такое регулирование связывается с цифровыми валютами, которые являются основным, но не единственным видом цифрового имущества, в связи с чем дальнейшее развитие цифровых технологий может привести к возникновению новых ценностей, учет и фиксация которых будет производиться посредством цифрового кода.

В связи с этим представляется необходимым внести изменения в гражданское законодательство в части формирования правового института «цифровое имущество», а также введения данной категории в содержание ст. 128 ГК РФ в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

Библиографический список

1. *Василевская Л. Ю.* Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам // *Lex Russica*. — 2025. — № 9 (226). — С. 9–21.
2. *Гонгало Б. М., Новоселова Л. А.* Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // *Пермский юридический альманах*. — 2019. — № 2. — С. 179–192.
3. *Демьяненко Е. В., Шпак А. В.* Цифровые права: понятие, место в системе объектов гражданских прав // *Юрист-Правовед*. — 2021. — № 2. — С. 7–10.
4. *Ефимова Л. Г.* Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. — 2024. — № 9 (121). — С. 25–39.
5. *Ефимова Л. Г.* Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // *Банковское право*. — 2021. — № 5. — С. 7–20.
6. *Новоселова Л., Габов А., Савельев А. и др.* Цифровые права как новый объект гражданского права // *Закон*. — 2019. — № 5. — С. 31–54.
7. *Новоселова Л. А., Полежаев О. А.* О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // *Закон*. — 2020. — № 11. — С. 165–172.
8. *Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.* Цифровые активы: правовой анализ: монография. — М.: 4 Принт, 2020. — 304 с.
9. *Ситдикова Р. И., Ситдинов Р. Б.* Цифровые права как новый вид имущественных прав // *Гражданское право*. — 2018. — № 9. — С. 75–80.
10. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // *Вестник гражданского права*. — 2021. — № 6. — С. 7–29.
11. *Терехов М. Г.* Научный анализ законодательного определения понятия «цифровые финансовые активы» как объекта гражданских прав // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право*. — 2022. — № 2 (70). — С. 165–172.

Г. Э. Джураева, М. А. Задорина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Межведомственное сотрудничество в области развития туризма

Аннотация. Статья посвящена вопросам взаимодействия органов власти в области развития туризма. Рассматриваются уровни и формы межведомственного сотрудничества в сфере туризма. Особое внимание уделяется практике взаимодействия различных ведомств в целях развития туристической отрасли. Авторы приходят к выводу о необходимости интеграции органов власти дружественных стран для развития международных туристических программ и маршрутов.

Ключевые слова: межведомственное сотрудничество; туризм; туристский продукт; туристическая отрасль; интеграция.

Развитие туризма является одной из приоритетных задач для многих стран и регионов [1; 3]. Туризм затрагивает множество сфер, таких как культура, здравоохранение, безопасность, экология, экономика и транспорт [2]. Без взаимодействия ведомств, отвечающих за эти сферы, туризм не может развиваться эффективно.

Межведомственное сотрудничество нацелено на создание благоприятной среды для предпринимательской активности в туристической сфере, повышение качества национальных и региональных туристских продуктов, обеспечение безопасности туристов, гармоничного развития территорий с сохранением природного наследия, а также продвижение туризма на национальном и международном уровнях.

Эффективность межведомственного сотрудничества выступает решающим фактором, определяющим уровень развития туризма, обеспечения безопасности путешественников, сохранения культурного наследия, а в перспективе и улучшения имиджа страны на мировой арене. На федеральном уровне ключевыми координаторами межведомственного сотрудничества выступают федеральные министерства. Минэкономразвития России осуществляет общее управление развитием туристской сферы, Минкультуры России курирует вопросы сохранения культурного наследия, Минприроды России контролирует охрану окружающей среды и экотуризм, Минтранс России регулирует транспортное обслуживание туристов, а Минздрав России обеспечивает медицинское сопровождение и санитарную безопасность. Взаимодействие региональных властей осуществляется при участии региональных департаментов и министерств туризма, экономики, культуры, транспорта, а также и инвестиционных агентств. Они формируют региональную политику, содействуют бизнесу, обеспечивают сохранность культурных

объектов и транспортную доступность туристических объектов и территорий. На уровне муниципалитетов функционируют управления культуры и туризма, комитеты благоустройства и центры развития туризма, обеспечивающие повышение комфорта и привлекательности городской или сельской среды. Особую роль играют бизнес-сообщества, некоммерческие организации, научные учреждения и международные организации, способствующие развитию кадрового потенциала, исследований и международного сотрудничества.

Формы межведомственного взаимодействия разнообразны и включают в себя организационные структуры вроде комиссий и советов, рабочие группы и координационные штабы. В правовой форме это выражается через разработку совместных нормативных актов, соглашений, унификацию стандартов и классификаций туристских продуктов. Современные информационные и цифровые платформы позволяют оперативно обмениваться данными и планировать туристические маршруты, а финансовая поддержка реализуется посредством совместного финансирования, партнерства государства и бизнеса, а также выделения грантов.

Эффективное функционирование туристической отрасли невозможно без согласованных усилий всех уровней власти и заинтересованных ведомств. Именно поэтому важнейшую роль для развития туристической отрасли играют механизмы координации и взаимодействия между различными государственными структурами.

Центральное место в таком механизме занимает Правительственная комиссия по туризму России, работа которой направлена на выполнение координирующей функции, налаживание сотрудничества между федеральными ведомствами, региональными властями, научными учреждениями, общественными организациями и иными структурами в области формирования и исполнения основных направлений государственной стратегии развития туристической отрасли. В компетенцию комиссии входит регулирование бюджетных взаимоотношений, инвестирование средств в реализацию региональных национальных проектов и прочих государственных программ, направленных на развитие российского туризма.

В настоящее время в России действует Государственная программа «Развитие туризма», утвержденная Постановлением Правительства РФ № 2439. Основные цели государственной программы направлены на развитие инфраструктуры, поддержку бизнеса, внедрение цифровых технологий, а также международное продвижение отечественных туристических предложений. К приоритетным направлениям можно отнести укрепление правовой базы, финансовую помощь инвестиционным проектам и упрощение визовых процедур для зару-

бежных гостей. Для поддержки развития туризма программой предусмотрены разные формы финансовой помощи. Субсидируются региональные проекты по созданию инженерных сетей и транспортно-инфраструктурной среды, а также обустройство общественных зон и береговых линий различных водных объектов. В рамках государственной программы выдаются гранты на строительство модульных гостиниц (глэмпингов, кемпингов, микроотелей). Кроме того, программа предусматривает «обнуление» НДС для гостиничного бизнеса. Льгота распространяется на услуги размещения, аренды туристических объектов и сопутствующие услуги, такие как паркинг, спа, фитнес-центры и др. Также выделены налоговые каникулы для новых индивидуальных предпринимателей на второй год после регистрации.

Для развития медицинского туризма и экспорта услуг российское здравоохранение активно укрепляет межрегиональные и федеральные партнерские связи. В русле этой стратегии Самарская область, обладающая значительным потенциалом в ряде высокотехнологичных направлений медицины, делает важный шаг для выхода на международный рынок. В частности, Министерство здравоохранения Самарской области подписало стратегическое соглашение с «ВТБ Медицина» о сотрудничестве в сфере экспорта медицинских услуг и привлечения иностранных пациентов. Потенциал такого соглашения огромен и затрагивает разные сферы медицины — диагностику, акушерство, гинекологию, онкологию, хирургию, нейрохиргию и кардиологию. Необходимо отметить, что «ВТБ Медицина» выступает оператором федерального проекта по экспорту медицинских услуг и обеспечит Самарскую область доступом к своим технологиям продвижения на международном рынке, а также предоставит экспертную поддержку по организации медицинской помощи и управлению качеством сервиса. В Самарской области уже создана рабочая группа для разработки конкретных мер по привлечению пациентов из-за рубежа в рамках утвержденной концепции. Партнерство призвано сделать медицинские услуги области более доступными для иностранцев и способствовать развитию всей отрасли¹.

Благодаря налаженным связям и сотрудничеству региональных и местных властей в сфере туризма уже много лет существуют «Золотое кольцо России» и «Серебряное ожерелье» — два крупных межрегиональных туристических проекта, оказывающие значительное влияние на развитие внутреннего туризма и межведомственного взаимодей-

¹ *Министерство здравоохранения и ВТБ Медицина подписали соглашение о сотрудничестве* / Министерство здравоохранения Самарской области. — URL: <https://minzdrav.samregion.ru/2025/11/25/ministerstvo-zdravoohraneniya-i-vtb-mediczina-podpisali-soglaszenie-o-sotrudnichestve/> (дата обращения: 12.01.2025).

ствия. Они объединяют регионы, способствуют сохранению и популяризации культурного наследия, стимулируют рост малого бизнеса и модернизацию гостиничной инфраструктуры, а также играют весомую роль в формировании исторической идентичности и патриотического воспитания граждан.

В дополнение, взаимодействие государства и бизнеса выстраивается через систему консультаций, координацию стандартов и совместное продвижение туристских продуктов. К примеру, в Свердловской области функционируют более 20 туристско-информационных центров, созданы кластеры («Гора Белая», «Большая Сысерть»), объединяющие несколько муниципалитетов для комплексного развития инфраструктуры, привлечения инвестиций и роста численности туристов.

Следует заметить, что в 2025 г. состоялось несколько знаковых событий для развития сотрудничества в сфере туризма.

Во-первых, на совещании руководителей туристических администраций России, Китая и Монголии было объявлено о значительном росте взаимного турпотока (+7 %). Главной темой обсуждений стал проект «Великий чайный путь», который охватывает исторический торговый путь XIX века из Китая через Монголию и Россию вплоть до Москвы и Санкт-Петербурга. Проект включает разработку трансграничного туристического маршрута с единой логистикой и брендом, а для его успешной реализации необходимо активное участие бизнеса и региональных властей¹.

Во-вторых, в Москве прошло заседание Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Россией и Таджикистаном. В ходе заседания участники объявили об увеличении объема железнодорожных перевозок между странами на 16,5 % и существенный рост числа пассажиров (на 54,6 %), что говорит о развитии транспортных связей между странами. По итогам заседания были подписаны соглашения, включая программу экономического сотрудничества на 2025–2027 гг. с целью ведения взаимовыгодного диалога и координации усилий в приоритетных областях².

¹ Россия, Китай и Монголия запускают межгосударственный туристический маршрут «Великий чайный путь» / Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_kitay_i_mongoliya_zapustyat_mezhgosudarstvennyy_turisticheskiy_marshrut_velikiy_chaynyy_put.html (дата обращения: 10.12.2025).

² В Москве состоялось 21-е заседание Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Россией и Таджикистаном / Министерство транспорта Российской Федерации. — URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/12149> (дата обращения: 10.01.2026).

В-третьих, в Ташкенте состоялась международная туристическая ярмарка «Туризм на Шелковом пути». Выставка собрала тысячи участников и посетителей из множества стран, подтвердив свой статус важнейшей деловой площадки для заключения соглашений и изучения рыночных возможностей. Стоит отметить, что компания «Невские сезоны» и другие российские туроператоры много лет успешно используют площадку для развития сотрудничества с узбекскими партнерами. Наряду с деловой программой прошла ярмарка ремесел, где мастера из Узбекистана и других стран продемонстрировали множество самобытных изделий, подчеркнув вклад культурного наследия в развитие туризма¹.

Подводя итог, следует отметить, что межведомственное взаимодействие в сфере туризма способствует развитию многих отраслей народного хозяйства, обогащению культурного потенциала российских регионов. В то же время в условиях сложившейся международно-политической ситуации особое внимание необходимо уделять международной интеграции органов власти дружественных стран в сфере туризма для разработки совместных туристических программ и маршрутов в целях укрепления патриотического самосознания и сохранения исторической памяти.

Библиографический список

1. Акылбекова Н. И., Неевина Е. А. Концепция устойчивого развития туризма как направление его развития в Кыргызской Республике // Экономика. Управление. Образование. — 2018. — № 4 (7). — С. 78–83.
2. Назаров С. Д. Развитие внутреннего туризма в России как фактора экономического развития страны // Современная математика и концепции инновационного математического образования. — 2021. — Т. 8, № 1. — С. 467–471.
3. Рахмонова Г. А. Развитие новых видов туризма в регионах Узбекистана в условиях развития городов // Вестник науки и образования. — 2020. — № 10-3 (88). — С. 9–11.

¹ «Туризм на Шелковом пути» – катализатор развития отрасли / Новости Узбекистана. — URL: <https://nuz.uz/2025/11/28/turizm-na-shelkovom-puti-katalizator-razvitiya-otrasli/> (дата обращения: 10.12.2025).

О. А. Дурандина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Тенденции развития правового регулирования государственной поддержки семей с детьми в Российской Федерации

Аннотация. В статье определены основные тенденции развития правового регулирования государственной поддержки семей с детьми в Российской Федерации. Отмечается преобладание программно-целевой и адресной логики в части ключевых выплат; усложнение процедурных механизмов назначения пособий в связи с проверкой сведений о доходах и составе семьи; направленность на создание ориентированной на реальные нужды граждан правовой модели. Автором предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: правовое регулирование; государственная поддержка; современная модель правового регулирования.

Современная модель правового регулирования государственной поддержки семей с детьми в Российской Федерации развивается в направлении более гибкой и комплексной системы, ориентированной на индивидуальные потребности семьи. Она рассматривается не только как инструмент экономической поддержки, но выступает основой для формирования здоровых семейных ценностей. Как сложная и многоставная система, современная модель правового регулирования, ориентированная на создание условий для благополучия семей, стимулирование рождаемости и защиту прав детей.

Актуальность исследования определяется совершенствованием правовых механизмов защиты интересов семьи с детьми как приоритетной государственной политики в условиях изменяющейся социально-экономической и демографической ситуации в стране.

Она включает в себя комплекс законов и нормативных актов, программ и мер поддержки, таких как материнский капитал, льготы по налогам, бесплатные услуги в сфере здравоохранения и образования, а также меры социальной защиты. Ее структура опирается на несколько ключевых правовых элементов, обеспечивающих реализацию целей государственной политики (см. рисунок).

Основу всей системы образуют законодательные акты и нормативные документы. Например, Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» закрепляет основные принципы и виды поддержки, регулируя порядок их предоставления. Семейный кодекс Российской Федерации задает правовые основы семейных отношений и защиты прав детей. Также

важны законы о социальном обеспечении, бюджете, налогах и иных сферах, обеспечивающих поддержку.

Структура правового регулирования государственной поддержки семей с детьми в Российской Федерации

Нормативно-правовые акты формируют конкретные меры поддержки. Это постановления Правительства РФ, указы Президента, приказы министерств, регулирующие параметры выплат (например, размер материнского капитала), сроки, порядок обращения за пособиями, условия предоставления льгот.

Формы правовых гарантий и прав на получение определенных мер поддержки (например, право на материнский капитал или льготы по налогам), закреплены в законах, предоставляют семье юридическую защиту и возможность защищать свои интересы через судебные органы.

Правовые институты и механизмы реализации образуют комплекс процедур, обеспечивающих доступ к государственной поддержке: органы социальной защиты, Социальный фонд России, налоговые органы. Они реализуют государственные программы и контролируют их исполнение.

Участие России в международных соглашениях, таких как Конвенция о правах ребенка, обогащает ее правовую основу и обеспечивает соблюдение прав детей и семей на международном уровне.

Гарантии и защита прав семей и детей реализуются через правовые механизмы судебной защиты, обращения в суды для защиты своих прав и законных интересов.

Эти правовые элементы образуют системную, многослойную структуру, которая гарантирует и регулирует предоставление поддержки, защищает права семей с детьми, а также создает условия для реализации социально ориентированной политики. Они должны быть согласованы между собой, чтобы обеспечить эффективность, прозрачность и законность мер поддержки, а также соответствовать принципам социального государства.

В рамках исследования систему мер социальной поддержки в Российской Федерации целесообразно анализировать как совокупность юридически закрепленных инструментов, различающихся по основаниям предоставления и целевому назначению. На одном полюсе находятся универсальные меры, предоставляемые при наступлении юридического факта рождения ребенка и не требующие подтверждения нуждаемости. На другом полюсе находятся адресные меры, которые зависят от критерия нуждаемости и требуют оценки доходов, имущества и состава семьи. Между ними располагаются меры целевого характера, такие как материнский капитал, и меры, связанные со статусом семьи, например поддержка многодетных. В рамках публичного управления эффективность реализации такой системы зависит от согласованности норм, прозрачности процедур и достаточности информационного сопровождения.

Ключевым федеральным актом, формирующим основу системы пособий, является Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». В правоприменении этот закон обеспечивает типологию пособий, а детализация порядка назначения и выплаты реализуется через подзаконные акты, которые устанавливают перечни документов, правила учета доходов, сроки и алгоритмы взаимодействия органов, назначающих выплаты. В дальнейшем в регулировании усиливается тенденция к унификации и цифровизации процедур назначения пособий, поскольку требования адресности и проверяемости сведений требуют устойчивых процедур межведомственного обмена.

Существенным элементом современной системы социальной поддержки является правовой режим ежемесячного пособия «в связи с рождением и воспитанием ребенка» как единого подхода к поддержке семей с детьми при соблюдении условий нуждаемости [1]. Порядок назначения и выплаты данного пособия закреплен Постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2022 г. № 2330 «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка» [3]. С позиции публичного управления соблюдается необходимость баланса между социальной справедливостью, минимизацией не-

обоснованных выплат и недопущением исключения нуждающихся семей из-за процедурных барьеров.

С 1 января 2026 г. в регулировании единого пособия закреплены уточнения, связанные с оценкой доходов и оснований отказа. Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2025 г. № 1928 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2022 г. № 2330» вводит корректировки механизма расчета и назначения пособия и уточняет отдельные основания отказа, включая применение порогового требования к доходам. Он используется как ориентир в соответствующем правоприменительном механизме при оценке благосостояния семьи.

Отдельный пласт регулирования представляет поддержка в форме материнского (семейного) капитала. В 2026 г. его размеры определяются с учетом индексации и официально доводятся через уполномоченные органы и фонды, что обеспечивает единообразие правоприменения по стране. Для правового анализа существенны три обстоятельства: целевой характер средств, процедурные требования подтверждения направления использования и необходимость межведомственного взаимодействия при реализации целей расходования. В практической плоскости это обеспечивает связь семейной политики с жилищной политикой, образовательной политикой и сферой социальной реабилитации.

Общую систему пособий и механизма адресной поддержки развивают положения Федерального закона от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей». В научных публикациях данная связка рассматривается как часть трансформации семейной политики в сторону объединения выплат и повышения управляемости мер, что указывает на тенденцию к укреплению семейной поддержки через сочетание универсальных и адресных мер.

В 2024–2026 гг. нормативная база пополнилась новыми инструментами, направленными на поддержку работающих родителей, имеющих двух и более детей. Федеральный закон от 13 июля 2024 г. № 179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей» вводит институт ежегодной семейной выплаты как элемент поддержки семей с детьми и устанавливает юридические условия ее предоставления. Подзаконная детализация порядка реализации данной выплаты закреплена Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2025 г. № 2173 «Об осуществлении ежегодной семейной выплаты гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей», которым утверждены правила осуществления выплаты и организационные параметры ее назначения. С точки зрения правового регулирования это пример расширения спектра мер поддержки, где законодатель устанавливает право и основные условия,

а правительство определяет процедурный механизм, перечни сведений и порядок взаимодействия участников.

Особую роль в правовом регулировании занимают меры поддержки многодетных семей. Указ Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» закрепляет федеральный политико-правовой ориентир по поддержке многодетности и формирует рамочные подходы ко льготам и гарантиям. В правоприменении указы президента играют роль установления приоритетов и поручений, которые далее конкретизируются в федеральных и региональных актах, а также в программных документах.

Часть нормативного регулирования связана с особыми условиями предоставления поддержки отдельным группам семей и граждан. Постановление Правительства РФ от 29 октября 2022 г. № 1933 «Об особенностях предоставления некоторых мер социальной поддержки, а также оказания государственной социальной помощи, в том числе на основании социального контракта, семьям граждан, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации» вводит специальные правила и особенности предоставления отдельных мер, что обеспечивает адаптацию социальной политики к ситуации мобилизации. В правовом смысле это пример «особого режима» предоставления поддержки, который изменяет общие правила учета обстоятельств и может устанавливать льготные условия подтверждения сведений.

Отдельно следует выделить нормативный пласт, связанный с пенсионными правами и социальными пенсиями детей, поскольку он формирует косвенный, но существенный контур социальной поддержки семей. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 443-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 2 Федерального закона „О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией“ и Федеральный закон „О страховых пенсиях“» вводит изменения в правила учета периодов ухода за ребенком до 1,5 лет при исчислении страхового стажа, включая исключение ограничения «не более шести лет в общей сложности» и уточнение учета периодов при многоплодной беременности. Данные изменения, вступающие в силу с 1 января 2026 г., влияют на долгосрочную социальную защищенность родителей, прежде всего, матерей, поскольку повышают юридическую «стоимость» периода ухода за ребенком в пенсионных правах.

Нормативное регулирование социальных пенсий также претерпело изменения в конце 2025 г. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 449-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации“» устано-

вил новые правила назначения социальной пенсии для детей, рожденных после смерти отца при соблюдении специальных условий, а также скорректировал отдельные размеры социальных пенсий, в том числе детям-инвалидам.

Расширение круга специальных гарантий для отдельных категорий граждан закрепляет Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 435-ФЗ «О предоставлении социальных гарантий женщинам, удостоенным звания „Мать-героиня“», устанавливая меры социальной поддержки женщин, удостоенных звания «Мать-героиня» [2]. Данный блок регулирования демонстрирует статусный характер части мер поддержки и расширение набора инструментов, выходящих за рамки стандартных пособий. В более широком смысле это подтверждает, что семейная политика нормативно закрепляет не только поддержку в связи с нуждаемостью, но и поддержку социально значимых форм родительства как элемента государственной политики.

Региональный и муниципальный уровень нормативно-правового регулирования мер социальной поддержки семей с детьми конкретизирует федеральные гарантии применительно к условиям территории и обеспечивает перевод общих правовых норм в программные, финансовые и административные механизмы реализации. Важным элементом регионального регулирования в 2026 г. являются акты, устанавливающие финансовые параметры предоставления мер поддержки. Так, Постановлением Правительства Свердловской области от 30 октября 2025 г. № 581-ПП «Об установлении величины прожиточного минимума в Свердловской области на 2026 г.» утверждена величина прожиточного минимума в Свердловской области на 2026 г., которая используется при назначении ряда адресных выплат и мер социальной помощи. Кроме того, в конце 2025 г. были внесены изменения в постановление Правительства Свердловской области от 1 февраля 2012 г. № 65-ПП «О порядке и размере индексации отдельных видов социальных выплат, установленных законодательством Свердловской области», что подтверждает сохранение действующего механизма индексации региональных социальных выплат в 2026 г.

В целом, в развитии нормативно-правового регулирования государственной поддержки семей с детьми в Российской Федерации в 2025–2026 гг. прослеживается устойчивая тенденция:

- преобладания программно-целевой и адресной логики в части ключевых выплат;
- усложнение процедурных механизмов назначения в связи с проверкой сведений о доходах и составе семьи;
- увеличение перечня форм поддержки отдельных категорий семей с детьми;

— применение цифровых технологий при оказании социальных услуг в проактивном (упреждающем) формате.

Развитие современной модели правового регулирования государственной поддержки семей с детьми направлено на создание более современной, гибкой и ориентированной на реальные нужды социальной системы, где правовое регулирование не просто закрепляет меры поддержки, а служит инструментом для формирования благоприятных условий для развития семьи, материнства и детства. Это отражает стратегический курс на гармонизацию законодательства с социальными вызовами, модернизацию инструментов защиты и поддержки семейных ценностей, а также на укрепление роли государства как гаранта прав и благополучия граждан.

Библиографический список

1. *Гончарук О. А.* Финансовое обеспечение поддержки материнства в Российской Федерации: дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.10. — СПб., 2014. — 209 с.

2. *Корсаненкова Ю. Б.* К вопросу о правовой природе гарантий в праве социального обеспечения // Законодательство. — 2025. — № 5. — С. 41–47.

3. *Ткаченко А. А.* Понятие, статус и льготы многодетных семей в России (по Федеральному законодательству и законодательству конкретного субъекта Российской Федерации) // Аллея науки. — 2024. — Т. 1, № 10 (97). — С. 723–739.

Н. Д. Ермолаева, С. Б. Галяткина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы определения правового статуса эксперта в российском законодательстве

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы определения правового статуса эксперта как участника процесса в контексте различных видов судопроизводства. Автор выделяет существующие проблемы, анализируются и предлагаются возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: эксперт; специалист; участник процесса; правовой статус эксперта; процессуальный статус.

Современная система судопроизводства меняется, и с повышением ее открытости и прозрачности увеличивается общественный интерес к относительно закрытым ранее вопросам работы судов. Включение в процесс новых участников с учетом потребностей решения во-

просов, требующих дополнительной квалификации, приводит к необходимости и четкого определения их статуса, иначе стремление к повышению качества процесса судопроизводства может привести к обратным результатам.

Проблема определения правового статуса эксперта выступает одним из узловых вопросов адекватного функционирования современного судопроизводства, так как привлечение лиц с непонятным процессуальным статусом может формировать недоверие к работе всей правоохранительной системы. Наоборот, четкая система и иерархия всех участников процесса позволяет каждому гражданину понять смысл работы каждого элемента доказательства. На данный момент законодательство не поспевает за практикой: размыты правовые границы между экспертом и специалистом, между государственными и частными экспертами, между правами и обязанностями эксперта.

Первым компонентом, который требует анализа и обновления выступает само понятие «эксперт». Размытые границы статуса эксперта в разных процессах приводят к смешению правовых категорий, нечеткости квалификации статуса в гражданском, административном и уголовном процессах. Само понятие эксперта является достаточно неустойчивым: «в качестве эксперта может быть привлечено любое не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, обладающее специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, достаточными для проведения экспертизы и дачи экспертного заключения» (ст. 25.9 КоАП РФ); «эксперт — лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения» (ст. 57 УПК РФ). Стоит обратить внимание, что акцент с учетом структуры дефиниции в первом понятии делается на «любое не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо», а во втором — на «лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное ... для производства судебной экспертизы и дачи заключения». Это создает правовую неопределенность, сближая в первом случае эксперта и специалиста как участников процесса и не давая конкретного понимания адресату о четких требованиях к такому лицу.

В ряде исследований говорится и о равнозначности статуса экспертного заключения и консультативной резолюции специалиста [1], что вызывает определенные вопросы по оценке данных результатов исследований.

С учетом анализа требований к экспертам возникает и вторая проблема — разные требования к разным экспертам. И здесь целый спектр проблем: от двойственности регулирования статусов государственных и негосударственных экспертов до специфических требований к экс-

пертам различных специальностей. Это проблема во многом формируется благодаря неоднозначности Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который формально регулирует только государственную судебно-экспертную деятельность, оставляя частных экспертов в правовом вакууме. Несмотря на то, что государственные и негосударственные эксперты могут быть привлечены к большинству экспертиз на равных основаниях, для государственных экспертов установлены четкие процедуры аттестации и профессиональные требования, которые указывают на высокий уровень подготовки и подтверждают квалификацию. Для негосударственных экспертов требования минимальны: по сути, любой человек с дипломом о соответствующем образовании или переподготовке может называть себя экспертом. Это во многом и формирует предубеждение общественности против участия таких лиц в процессах, когда их заключение рассматривается наравне с иными объективными доказательствами. При этом правила отвода экспертов за некомпетентность законодательно прописаны слабо, особенно для частных специалистов [2].

Третья не менее важная проблема связана с использованием специальных знаний. Например, можно говорить о специфике в процессе уголовного судопроизводства, когда работа эксперта и специалиста идет по разным траекториям, и специальные познания применяются по-разному: при производстве экспертизы или при оценке обоснованности заключения эксперта без проведения исследования [3; 4]. Одним из аспектов этой проблемы также выступает и появление новых видов экспертиз, которые на данный момент не имеют необходимого корпуса квалифицированных профессионалов. Например, когда речь идет об этиковедческой и религиоведческой экспертизах, специалистов в таких узких направлениях объективно мало, что формирует нехватку специалистов, обладающих профильными специальными знаниями.

С 2025 г. активно обсуждается и дорабатывается масштабный законопроект, направленный на создание единого правового поля для всех экспертов, однако необходимо отметить, что не все представители экспертного сообщества оценивают такой подход позитивно, опасаясь завышения требований к экспертам и формирования узкой элитарной группы таких специалистов. Данную проблему как раз и должно, на наш взгляд, решить предложение ввести обязательную проверку квалификации для частных экспертов, уравнив их в статусе с государственными. Отказ негосударственных экспертов от прохождения аттестации со ссылкой на необъективность оценки, наличие собственных методик, невозможности контроля за экспертным мнением и прочее представляется, скорее, нежеланием подтверждать уровень своей подготовки. При этом

считаем необходимым создание единого государственного реестра судебных экспертов и организаций, который будет вести Минюст России, что может повысить доверие к самому институту судебной экспертизы и, возможно, повысить качество работы самих экспертов.

Таким образом, определение правового статуса эксперта должно позволить упорядочить деятельность данных участников процессов, повысить их ответственность за собственные действия, обеспечить компетентность привлеченных лиц из числа хоть государственных, хоть негосударственных экспертов. Эксперт должен содействовать осуществлению правосудия, не представляя интересы ни истца, ни ответчика, оставаясь независимым, обеспечивая реальную состязательность сторон и поддерживая высокий уровень профессиональной квалификации.

Библиографический список

1. *Вишталюк А. С.* Эксперт и специалист как участники уголовного процесса // Актуальные проблемы уголовно-процессуальной деятельности органов государственного пожарного надзора: сб. науч. тр. — СПб.: СПб УГПС МЧС России, 2025. — С. 41–45.
2. *Громова Н. С., Кивилева В. П., Ражанов В. Р.* Отвод эксперта в рамках федерального законодательства: сравнительно-правовой анализ // Эффективное обеспечение научно-технического прогресса: анализ задач и поиск решений: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 1 августа 2025 г.). — Уфа: Аэтерна, 2025. — С. 95–98.
3. *Казмиров М. А.* Правовой статус эксперта, специалиста в нормах уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующего использование специальных познаний — итоги трансформации законодательства // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 1 (200). — С. 414–416.
4. *Таркинский А. И., Таркинская Х. А.* Заключение специалиста: понятие, виды и особенности использования в судопроизводстве // Право и управление. — 2025. — № 1. — С. 101–105.

Т. А. Загвозкина

Центр по обеспечению деятельности Казначейства России, г. Москва

Правовые аспекты централизации государственных закупок на современном этапе совершенствования государственного менеджмента

Аннотация. В статье затронуты вопросы правовой составляющей в обеспечении функционирования экономических субъектов в ключевых сферах совершенствования государственного менеджмента и поиска ресурсов для расстановки приоритетов при расходовании средств федерального бюджета в современной ситуации, в частности в связи с проведением специальной военной операции. Автор анализирует правовые аспекты централизации государственных закупок и предлагаются пути их совершенствования.

Ключевые слова: государственные закупки; централизация; государственный менеджмент; регуляторная база; экосистемный подход.

Законодательство, нормативная правовая база в деятельности экономических субъектов являются и основанием функционирования, и консервативным фактором правового воздействия. Поэтому правовое регулирование должно быть достаточно динамичным и отражать особенности тенденций и изменений в экономике, обеспечивая тем самым встраиваемость экономических субъектов в новые реалии и возможность их функционирования.

В правовом регулировании существенное место занимают федеральные законы, акты правительства. При этом многие вопросы регулируются, детализируются на уровне подзаконных актов, локальных актов органов исполнительной власти, находят свое отражение в документах программно-целевого характера (концепциях, программах, прогнозах и т. д.).

Регуляторная база для органов власти является той составляющей фундамента, который позволяет успешно реализовывать, возлагаемые государством задачи.

Современные экономические условия в России (геополитическая напряженность, снижение темпов роста ВВП, цифровизация, оптимизация бюджетных расходов) требуют совершенствования управленческих моделей в государственном секторе и, соответственно, адаптации нормативной правовой базы.

Тенденции в совершенствовании системы управления в целях обеспечения эффективности использования средств федерального бюджета характеризуются такими явлениями, как оптимизация процессов, централизация функций, развитие и внедрение новых инструмен-

тов решения текущих задач, в частности использование возможностей искусственного интеллекта как альтернативы человеческим ресурсам.

В условиях данных тенденций очевидны преимущества экосистемного управления, как наиболее комплексного, предполагающего создание интегрированной среды, в которой различные инструменты и методы управления функционируют как единый организм, обеспечивая синергетический эффект и непрерывность информационных потоков.

В частности, сквозь призму экосистемности управления уместно рассматривать процессы централизации функций определенного множества субъектов.

Остановимся на таком явлении, как централизация обеспечивающих функций на базе учреждений, создаваемых для обеспечения деятельности органов исполнительной власти. Как пример, таким учреждением является Федеральное казенное учреждение «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России (ФКУ «ЦОКР»», которое изначально было создано в целях обеспечения деятельности данного ведомства в части административно-хозяйственного, административно-финансового, информационно-технологического обеспечения и другого обеспечения деятельности. С течением времени существенно расширился и функционал данного учреждения, и периметр обеспечения.

В последние годы федеральные органы власти неоднократно столкнулись с необходимостью проведения оптимизационных мероприятий, таких как реорганизация, упразднение, сокращение численности, передача полномочий, централизация функций и т. д.).

Так, с 2020 г. функции по ведению бухгалтерского учета и формированию отчетности, а также по расчету заработной платы, иных выплат и связанных с ними обязательных платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации и их перечислению были переданы от отдельных федеральных органов и их территориальных органов (СЦУ) Федеральному казначейству в рамках централизации. К 2026 г. централизованы полномочия более 20 федеральных министерств и ведомств, общее количество СЦУ составляет около 1 000, в максимальном значении в период с 2020 по 2026 г. составляло более 2 000 (уменьшилось в связи с реорганизацией)¹.

В результате централизации полномочий по ведению бюджетного учета и составлению отчетности между органами власти перераспределилась нагрузка по проведению внутреннего финансового аудита, сместив объем аудиторских процедур по подтверждению достоверности

¹ *О передаче* Федеральному казначейству полномочий отдельных федеральных органов исполнительной власти, их территориальных органов и подведомственных им казенных учреждений: постановление Правительства РФ от 15 февраля 2020 г. № 153.

отчетности на уровень уполномоченного на ведение централизованного учета органа власти, при сохранении необходимости выполнения ряда аудиторских процедур и на уровне СЦУ.

В 2020 г. был инициирован экспериментальный механизм объединения закупок отдельных товаров, работ, услуг для обеспечения потребностей федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) и их территориальных органов путем передачи их полномочий одному из них — Федеральному казначейству¹.

Проект завершен в 2024 г., после чего по настоящее время продолжается масштабирование и поэтапное внедрение централизации с вовлечением все большего количества субъектов: к 2024 г., помимо обеспечения потребностей самого Федерального казначейства и его территориальных органов, проводятся централизованные закупки отдельных товаров для четырех ФОИВ; в 2025 г. — планирование закупок еще для 10; в 2026 г. периметр централизации включает 20 ФОИВ (с общим количеством получателей бюджетных средств более 250), при этом централизация продолжит распространяться на большее количество ФОИВ.

Все эти процессы в жизнедеятельности соответствующих организаций обуславливают расширение границ существующих систем управления, создание новых систем, количество и характер участников которых определяется исходя из возникающих взаимосвязей, что требует экосистемного подхода к управлению и соответствующего нормативного правового регулирования.

За счет централизации функций, в том числе по переданным полномочиям, существенно расширился функционал ФКУ «ЦОКР».

Система взаимосвязей в рамках экосистемы Учреждения, которая представляет собой его окружение и включает внутренние связи внутри учреждения, взаимодействие с Федеральным казначейством, а также отношения с субъектами, находящимися во внешней среде (как по отношению к Федеральному казначейству, так и к Учреждению), была дополнена новыми.

В связи с передачей Учреждению полномочий по централизации в рамках экосистемы возникли новые связки систем: «ФКУ „ЦОКР“ — СЦУ», «ФКУ „ЦОКР“» — ФОИВ», требующие эффективного комплексного управления, подкрепленного регулируемыми нормами.

В частности, подчеркивая преимущества экосистемного управления в процессе централизации закупок, рассмотрим необходимость

¹ О возложении на федеральные казенные учреждения полномочий на планирование и осуществление централизованных закупок товаров, работ, услуг для федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства РФ от 19 июня 2020 г. № 892.

внесения изменений в положения отдельных документов, регулирующих процессы закупок в дополнение к основному законодательству.

Анализ норм положенности, устанавливаемых разными ФОИВ, подтверждает наличие существенных отличий в нормативах обеспечения товарами из расчета на одного государственного служащего в год.

Рассмотрим сравнение нормативов по ряду позиций товаров (см. таблицу).

Сравнение нормативов по ряду позиций товаров

Федеральное казначейство ¹		Министерство просвещения Российской Федерации ²		Министерство сельского хозяйства Российской Федерации ³		Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками ⁴	
Количество штук в год	Предельная стоимость за единицу товара, р.	Количество штук в год	Предельная стоимость за единицу товара, р.	Количество штук в год	Предельная стоимость за единицу товара, р.	Количество штук в год	Предельная стоимость за единицу товара, р.
Антистеплер							
1	50	1	607	1	240	1	100
Ручка шариковая							
5	50	12	489	10	105	8	75
Карандаш черномграфитный							
2	15	20	150	10	113	2	35
Блок для записок							
4	80	6	727	4	203	2	200
Блокнот А5							
2	70	6	545	10	675	2	350

¹ Об утверждении нормативных затрат на обеспечение функций центрального аппарата Федерального казначейства, территориальных органов Федерального казначейства и подведомственного Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России», не отнесенных к затратам в сфере информационно-коммуникационных технологий: приказ Казначейства России от 3 ноября 2021 г. № 300.

² Об утверждении нормативных затрат на обеспечение функций Министерства просвещения Российской Федерации: приказ Минпросвещения России от 11 апреля 2025 г. № 284.

³ Об утверждении нормативных затрат на обеспечение функций Министерства сельского хозяйства Российской Федерации: приказ Минсельхоза России от 20 мая 2025 г. № 345.

⁴ Об утверждении нормативных затрат на капитальный ремонт государственного имущества, дополнительное профессиональное образование работников, закупку товаров, работ и услуг в целях оказания государственных услуг (выполнения работ) и реализации государственных функций, на прочие затраты центрального аппарата и территориальных органов Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками: приказ Росалкогольтабакконтроля от 17 января 2024 г. № 18.

При отсутствии централизации каждый ФОИВ устанавливает свои нормативные затраты на обеспечение функций. В условиях централизации все ФОИВ оказываются в равных условиях, начиная с этапа планирования и заканчивая получением бюджетных ассигнований на обеспечение потребностей посредством осуществления государственных закупок. При этом заключение централизованных контрактов обеспечивает для ФОИВ равные условия и с точки зрения расходования средств в рамках полученных лимитов бюджетных обязательств. Однако все эти целевые эффекты могут быть достигнуты лишь в случае наличия норм, урегулирующих соответствующие вопросы.

Также требуется внесение изменений и в Постановление Правительства от 19 июня 2020 г. № 892 «О возложении на федеральные казенные учреждения полномочий на планирование и осуществление централизованных закупок товаров, работ, услуг для федеральных органов исполнительной власти» (вместе с «Правилами взаимодействия федеральных органов исполнительной власти (их территориальных органов) с федеральным казенным учреждением при планировании и осуществлении централизованных закупок типовых товаров, работ, услуг», «Правилами взаимодействия федеральных органов исполнительной власти (их территориальных органов) с федеральным казенным учреждением при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) нетиповых товаров, работ, услуг»), так как существуют верхнеуровневые аспекты, без регулирования которых выполнение процессов закупок в определенных ситуациях станет просто невозможным. В частности, министром финансов РФ А. Г. Силуановым с учетом проводимой правительством РФ системной работы по обеспечению сбалансированности федерального бюджета на 2026–2029 гг. было дано поручение об ускоренном переходе к осуществлению централизованных закупок для 49 ФОИВ — начиная с 1 января 2027 г. При этом действующей редакцией постановления был предусмотрен перечень из 20 ФОИВ. Для выполнения соответствующей задачи необходимо внесение изменений в постановление № 892 до начала формирования проекта федерального бюджета на 2027 г. и плановый период 2028 и 2029 гг.

Таким образом, правовая составляющая при реализации новаций в государственном секторе в современных условиях по-прежнему играет одну из первостепенных ролей и заслуживает внимания и практиков, и научного сообщества.

С. В. Иванова, В. П. Кивилева, А. В. Грабежов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Особенности и проблемы производства экономической экспертизы в сфере банкротства

Аннотация. В статье рассматриваются особенности производства экономической экспертизы в сфере банкротства, анализируются специфические требования к экспертам в отношении специальных знаний, выявляются существующие проблемы и предлагаются возможные решения.

Ключевые слова: экономическая экспертиза; банкротство; производство экспертизы; доказательство; комплексная экспертиза.

Современные изменения в рамках судопроизводства затрагивают различные сферы, и экономическая экспертиза также меняет свои характеристики. Производство экономической экспертизы требует набора различных специальных знаний, что наиболее ярко проявляется в делах о банкротстве. Экономическая экспертиза в данном направлении дает возможность отследить истинные причины краха компании или выявить недобросовестные действия по выводу активов, что необходимо в дальнейшем для правильного принятия решения в суде.

Главная задача экономической экспертизы в сфере банкротства связана с оценкой экономических процессов и действий управленцев, а не с констатацией факта неплатежеспособности организации. Очень важно понимать отличие аудиторских задач в этом направлении от экспертных. Эксперт не предлагает поиск выхода из сложной ситуации, как делает бизнес-аналитик, а оценивает результат действий субъектов правоотношений. Отличие будет и в работе судебного эксперта и арбитражного управляющего, проводящих экономический анализ. Спектр полномочий, имеющих у данных лиц, определяется их статусом. Например, управляющий может самостоятельно запрашивать документы для своей аналитической работы, судебный эксперт строго ограничен материалами, предоставленными ему назначающим лицом. В связи с этим стоит говорить о взаимосвязи задач, стоящих перед субъектом, его полномочиях и возможных выводах, не выходящих за пределы компетенции.

Одной из частых проблемных зон как раз выступает барьер компетенции: эксперт может установить факты и их экономические последствия, а правовую оценку дает суд, однако неопытное назначающее лицо может неверно сформулировать вопрос, что станет причиной невозможности решить поставленную задачу. Такой замкнутый круг часто решается экспертом через разъяснение понимания им экспертной

задачи, переформулировку вопросов, но это в дальнейшем становится предметом споров в суде.

Специфика этого вида экспертизы во многом определяется многообразием задач, стоящих перед экспертом. Спектр вопросов очень большой: от преднамеренного банкротства до привлечения к субсидиарной ответственности. Однако отсутствие единой методологии приводит к отсутствию единого, общепризнанного подхода к проведению финансово-экономического анализа в рамках банкротства, что формирует проблемы с верификацией получаемого результата исследования. Одним из наиболее ярких примеров выступает определение коэффициента текущей ликвидности, для которого в разных методиках установлены разные нормативные значения.

В данном случае важны компетенции эксперта не только в вопросах экономики, но и права. Так, он должен понимать смысл таких понятий, как фиктивное или преднамеренное банкротство. Эксперт в данном случае оценивает не только само финансовое состояние организации, но и реальную возможность расплатиться по долгам на момент подачи заявления о банкротстве (фиктивное банкротство). Также он должен иметь возможность оценить конкретные действия руководства (преднамеренное банкротство), чтобы понимать их обоснованность в конкретной ситуации развития бизнеса. Следовательно, эксперт должен иметь комплексную подготовку: и экономическую, и юридическую, и управленческую. В данной сфере допустимо рассмотреть вопрос о возможности производства комплексной экспертизы одним экспертом, имеющем подготовку по разным специальностям именно потому, что знания должны дополнять друг друга в рамках одновременной оценки анализируемой информации с разных позиций, а не последовательное решение задач в разных экспертных направлениях, что является целесообразным в иных комплексных исследованиях.

Особенность производства подобных экспертиз связана еще и с тем, что право ходатайствовать о назначении экспертизы есть у широкого круга лиц, участвующих в деле о банкротстве: должника, арбитражного управляющего, конкурсных кредиторов. Но эксперт работает не с абстрактными понятиями, а с документами, которые ему предоставлены, и от полноты и качества этих материалов напрямую зависят результат экспертизы. Проблема качества исследования в данном случае может быть связана не с компетенцией самого эксперта, а с характером предоставленных материалов. Но мы понимаем, что следовательно или суд не обладают экономическими знаниями и они могут собрать не все необходимые документы или собрать их не в том объеме, в котором это требуется для дачи заключения. Это приводит в тупик, который

тоже не всегда имеет решение на практике на основе существующих механизмов заявления ходатайств. Неполнота материалов же закладывает фундаментальную уязвимость самого заключения в процессе дальнейшего судебного разбирательства.

Таким образом, экономическая экспертиза по вопросам банкротства является достаточно современным инструментом в системе доказательств, но именно в связи с этим появляется и целый ряд не совсем разрешенных вопросов, требующих пересмотра действующих принципов. Эффективность использования этого инструмента напрямую зависит от решения фундаментальных проблем: разработки единой методики производства экспертизы, формирования стандартов качества предоставляемых эксперту документов следствием и судом, перехода на новый уровень подготовки специалистов, работающих в этой сфере. Совершенствование процесса производства экономической экспертизы в сфере банкротства позволит повысить качество работы организаций благодаря более понятным и прозрачным решениям судов, вынесенных на основании профессиональных заключений экспертов.

К. И. Корсун, Д. А. Половникова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

**Конституционно-правовые риски
дистанционного электронного голосования:
проблемы обеспечения тайны волеизъявления,
общественного доверия и легитимности выборов**

Аннотация. В статье исследуются конституционно-правовые риски внедрения дистанционного электронного голосования. Анализируются проблемы реализации принципа тайны волеизъявления в цифровой среде, факторы формирования общественного доверия к электронным выборам и угрозы легитимности избирательного процесса. На основе анализа российского законодательства и правоприменительной практики предлагаются пути минимизации выявленных рисков.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование; тайна голосования; общественное доверие; легитимность выборов; конституционно-правовые риски; цифровизация избирательного процесса.

Неотъемлемой чертой развития современной демократии стала цифровая трансформация избирательных процессов. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) начало активно внедряться в России с 2019 г. ДЭГ рассматривается как механизм повышения доступности волеизъявления и удобства для избирателей [1]. Однако наряду с пре-

имуществами цифровизация выборов порождает совокупность конституционно-правовых рисков, требующих научного обоснования.

Актуальность темы заключается в необходимости обеспечения баланса между технологическим развитием и непоколебимостью конституционных принципов избирательного права. Тайна волеизъявления, общественное доверие к процедуре голосования и легитимность избираемого органа власти представляют собой взаимосвязанные элементы, каждый из которых подвергается изменению при переходе к электронным форматам [3].

Принцип тайны голосования относится к основам избирательного права, которые обеспечивают свободу волеизъявления и защиту избирателя от внешнего давления. В российском законодательстве требование соблюдения тайны голосования закреплено на конституционном уровне.

Тайное голосование при электронном волеизъявлении должно обеспечиваться не только организационными, но и программно-техническими средствами, гарантирующими невозможность установления связи между персональными данными избирателя и результатом его волеизъявления [1].

Порядок ДЭГ, утвержденный Центральной избирательной комиссией Российской Федерации (ЦИК России), выступает нормативной основой проведения ДЭГ, в котором определены ключевые процедуры, включая анонимизацию — процедуру, которая обеспечивает с помощью программно-технических решений невозможность установления связи между персональными данными избирателя и результатом его волеизъявления¹.

Однако, как показывает анализ зарубежного опыта, заявленные технологии не всегда гарантируют реальную анонимность. Проблема заключается в том, что в отличие от бумажного бюллетеня, в котором анонимность обеспечивается физическим разрывом связи между избирателем и его выбором, в цифровой среде такой разрыв должен быть создан искусственно с помощью шифровальных методов. Специалисты отмечают, что даже при использовании современных технологий сохраняются риски раскрытия личности через анализ метаданных, времени голосования и цифровых следов избирателя.

Существенной особенностью ДЭГ является невозможность для избирателя самостоятельно убедиться в сохранении тайны его волеизъявления. Если на традиционном избирательном участке гражданин непо-

¹ *О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем: постановление ЦИК России от 8 июня 2022 г. № 86/716-8.*

средственно наблюдает отсутствие контроля, то при дистанционном голосовании он вынужден полагаться на гарантии организаторов [2].

Особую серьезность вызывает проблема контролируемого голосования. При традиционном голосовании уединение в кабине делает внешний контроль невозможным. При дистанционном голосовании избиратель может осуществлять волеизъявление в присутствии других лиц, которые могут наблюдать за процессом голосования. Даже современные платформы не могут полностью исключить ситуации, когда принуждение происходит в момент голосования, и избиратель не имеет возможности скрыто изменить свой выбор.

Общественное доверие к избирательной процедуре является необходимым условием признания результатов выборов и легитимности сформированных органов власти. В контексте ДЭГ проблема доверия приобретает особую серьезность в силу непрозрачности электронных систем для избирателей [2].

В научной литературе выделяются три контура обеспечения легитимности дистанционного электронного голосования [2]:

1) нормативный контур предполагает формирование оптимальной правовой базы, регламентирующей все этапы проведения ДЭГ — от регистрации избирателей до подсчета голосов;

2) инфраструктурный контур включает создание технической платформы, обеспечивающей безопасность, надежность и прозрачность голосования. Важным элементом выступает использование технологий блокчейна, позволяющих обеспечить неизменность данных [1];

3) коммуникативный контур охватывает деятельность по разъяснению гражданам принципов работы системы, демонстрации ее прозрачности и защищенности, что является инструментом снижения негативных эффектов информационного давления [2].

Легитимность выборов традиционно связывается с их соответствием волеизъявлению избирателей при соблюдении установленных процедур. В условиях ДЭГ к этим требованиям добавляется необходимость технологической верификации — возможности для всех участников процесса удостовериться в корректности подсчета голосов [3].

Эффективное применение ДЭГ возможно только при преодолении правовых, организационных и технических трудностей для реального обеспечения принципов избирательного права при электронном голосовании [1].

Потенциальные возможности для манипулирования результатами создает техническая сложность систем ДЭГ. Хакеры могут эксплуатировать слабость системы кибербезопасности для манипулирования данными. При этом угрозы могут исходить не только от внешних злоумышленников, но и от лиц, имеющих доступ к управлению системой.

Разработка надежных механизмов разделения доступа, исключающих возможность несанкционированного вмешательства к пользователям, остается серьезной проблемой.

Российское законодательство о ДЭГ находится в стадии активного формирования. Базовым документом выступает «Порядок дистанционного электронного голосования», утвержденный ЦИК России¹. Документ детально регламентирует процедуры идентификации и аутентификации избирателей, формирования ключей шифрования, подсчета голосов и установления итогов. Особенностью российского подхода является создание территориальной избирательной комиссии ДЭГ с участием политических партий и общественных палат [3].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии комплекса конституционно-правовых рисков, связанных с внедрением дистанционного электронного голосования.

Во-первых, по сравнению с традиционным голосованием, проблема обеспечения тайны волеизъявления требует иных технологических решений. Используемые механизмы анонимизации не могут гарантировать невозможность рисков «контролируемого голосования».

Во-вторых, общественное доверие к ДЭГ остается проблемным фактором. Непрозрачность электронных систем, сложность проверки результатов, уязвимость к информационным атакам создают риски делегитимации выборов независимо от корректности работы системы [2].

В-третьих, легитимность выборов в условиях цифровизации требует переосмысления традиционных критериев. Невозможность независимого пересчета голосов, сложность обнаружения манипуляций создают качественно новые вызовы [3].

Минимизация выявленных рисков возможна при комплексном подходе, который включает в себя совершенствование правового регулирования, развитие технологических решений с приоритетом прозрачности и верифицируемости, подготовку специализированных наблюдателей и системную работу по повышению цифровой грамотности избирателей.

Библиографический список

1. Сизько И. А., Филимонова Е. А. Дистанционное электронное голосование в России и за рубежом: проблемы и перспективы развития // Правовой порядок и правовые ценности. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 43–50.

¹ О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем: постановление ЦИК России от 8 июня 2022 г. № 86/716-8.

2. *Лукушин В. А.* Современные практики легитимации дистанционного электронного голосования в контексте обеспечения электорального суверенитета // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2025. — Т. 15, № 1. — С. 34–42.

3. *Цалиев А. М., Лолаева А. С.* Цифровизация избирательного процесса: глобальные тренды и российская практика // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2025. — № 2. — С. 222–229.

А. Н. Кузнецова

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Особенности профессиональной подготовки юристов для работы в сфере адвокатуры

Аннотация. В статье рассматриваются особенности профессиональной подготовки юристов, выявляются специфические характеристики профессиональных компетенций лиц, работающих адвокатами, определяются проблемы, существующие в подготовке на данный момент, и предлагаются возможные направления решения.

Ключевые слова: юрист; юридическое образование; компетенции юриста; юрист-адвокат.

Направления юридической подготовки являются востребованными в любой исторический период и в любом государстве. У людей, желающих стать юристами и получающих подобное образование, различные цели, но результат должен быть один — высоко квалифицированный специалист, разбирающийся в вопросах правоприменения и ответственно относящийся к действующим нормам. В связи с этим стоит говорить об особенностях подготовки таких специалистов, так как они должны обладать достаточно широким набором компетенций разного уровня. Необходимо оговориться, что подготовка юристов для адвокатуры — это еще более сложный и многоступенчатый процесс, так как он включает несколько обязательных уровней: сочетает фундаментальное образование, обязательную практическую стажировку и сдачу квалификационного экзамена. Важным является формирование не только определенного набора обязательных знаний и умений, связанных с их применением, но и готовность работать в этой сфере.

Разберем подробно специфику подготовки, разделив ее на три блока:

- фундаментальное образование;
- практический опыт;
- профессиональная пригодность.

Система подготовки должна строиться на принципе постепенного погружения в профессию, позволяя понять будущему специалисту собственные возможности.

Первый и обязательный этап — получение высшего юридического образования. Статус адвоката могут получить только лица с высшим юридическим образованием, поэтому необходимо иметь высокий уровень теоретической подготовки. Этот блок представляется наиболее понятным, так как существуют стандарты, разработаны программы и есть высоко квалифицированные специалисты, что позволяет получить такую подготовку. Остановимся более подробно на характеристиках педагогов. Это должны быть люди, которые владеют современными образовательными технологиями [3]. Дело в том, что многие ведущие вузы долгое время эксплуатировали принцип «пригласить практиков», не оценивая последствий подобного опыта для студентов. А опыт этот не очень позитивный, так как люди, не имеющие специального педагогического образования, не могут ничему научить других, они могут делиться опытом. Эти люди важны для второго этапа, но не для первого, так как у студента не будет нужной теоретической базы и должного уровня правосознания.

Второй компонент — получение опыта, обмен опытом, оценка этого опыта. Именно здесь студент должен под руководством наставника перейти от теории к практике. Это касается работы юридических клиник и работы с реальными кейсами, когда студент может сам понять, насколько он готов к подобной работе [2]. После получения диплома для вхождения в профессию необходимо будет еще пройти обязательную стажировку. Это ключевой этап, который является альтернативой двухлетнему стажу работы по юридической специальности. Основная цель — получение практических навыков, необходимых для самостоятельной работы. В рамках стажировки будущий адвокат учится готовить документы, консультировать, участвовать в судебных процессах (кроме уголовных дел) под ответственность куратора.

Результатом первых двух блоков выступает квалификационный экзамен, успешная сдача которого является основанием для присвоения статуса адвоката.

Однако важным представляется третий компонент подготовки — профессиональная пригодность. На наш взгляд, сюда входят профессиональные и психологические тестирования, реальная оценка возможности работы с людьми, проверка ораторских и коммуникативных навыков в реальном общении и пр. Дело в том, что работа адвоката имеет свои «подводные камни» и предполагает умение работать с совершенно разными людьми, не поддаваться стрессам, находить общий язык со всеми [4]. Это те навыки, которые даны не всем. Исследователи дока-

зали, что очень высок уровень профессионального выгорания в данной сфере деятельности [1], и с этим нужно уметь бороться, чтобы не навредить людям, с которыми работаешь.

Подготовка юриста для адвокатуры должно быть продуманной комплексной системой работы с человеком в различных аспектах его развития не только как специалиста, но и как личности. Каждый этап призван дать будущему адвокату необходимые знания, навыки и, что критически важно, понимание профессиональной этики и ответственности за свои действия.

Библиографический список

1. *Власюк И. В., Абрекова Н. Т., Селиванова Е. И.* Профессиональное выгорание адвокатов. — Волгоград: Сфера, 2023. — 77 с.
2. *Громова Н. С., Сорока К. И., Цыренова А. В.* Правовой статус и роль юридической клиники в подготовке юристов // Формирование и эволюция новой парадигмы инновационной науки в условиях современного общества: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 18 августа 2024 г.). — Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2024. — С. 113–115.
3. *Иванова С. В., Иванова Л. В.* Современные образовательные технологии — основа повышения качества профессиональной подготовки будущих специалистов // Профессиональное образование: проблемы, исследования, инновации: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24 ноября 2020 г.): в 2 т. — Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. — Т. 1. — С. 217–222.
4. *Светова Л. Н.* Психологические особенности профессии адвоката // Прикладная юридическая психология. — 2020. — № 1 (50). — С. 111–117.

Е. Н. Кулюшин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Юридическое значение электронных доказательств в административном судопроизводстве по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цифровой трансформации публичных правоотношений, что влечет возрастание роли электронных доказательств в деятельности судов по спорам из публичных правоотношений, регулируемых Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации. Автор анализирует текущее состояние вопроса и предлагаются правила работы с различными видами электронных доказательств для подтверждения своей правовой позиции перед судом.

Ключевые слова: электронные доказательства; электронные документы; цифровизация; административное судопроизводство.

Повсеместное распространение и всевозрастающее применение информационных технологий в различных видах деятельности способствовало возникновению и переосмыслению устоявшихся правил поведения в сфере публичных правоотношений («цифровая трансформация взаимодействия публичных органов власти с гражданами и организациями»).

В процессуальной деятельности судов при рассмотрении публично-правовых споров возрастает доля электронных доказательств, приобретаемых участниками спорных правоотношений в целях обоснования правовой позиции по делу и подтверждения своей правоты по итогам разрешения дел («цифровизация административного судопроизводства и доказывания»).

В связи с этим в доктрине и практике цивилистического процесса актуальными являются вопросы о юридическом значении электронных доказательств и необходимых условиях их принятия судами по публично-правовым спорам, о правилах приобщения и оценки электронных доказательств судом на предмет их достоверности, а также источника закрепления данных правил («юридическая обеспеченность правил»).

Рассмотрим данные вопросы с учетом действующего законодательства, процессуальной доктрины, судебно-административной практики по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ).

Сущность электронных доказательств и цель их приобщения в суды. В практике и процессуальной доктрине устоявшимся является

понимание сущности электронных (цифровых) доказательств в качестве информации сгенерированной, обработанной, сохраненной или переданной в цифровом виде, которая может быть принята судом в качестве достоверного доказательства, а также другие возможные копии оригинальной цифровой информации.

Следовательно, происхождение и существование электронных доказательств определяется их формированием (созданием) посредством программного обеспечения, которое применяется субъектами публичных правоотношений.

То есть доказательства в большинстве своем возникают вне судебного разбирательства и подвержены тенденции цифровизации в обществе [9].

Поэтому важным является их вовлечение в случае возникновения публичных споров с целью обеспечения принудительной защиты нарушенных или оспариваемых прав частных субъектов в отношениях с публичными органами.

Несмотря на то, что электронные доказательства активно используются для подтверждения своей правоты лицами, участвующими в деле практика признания таких доказательств достоверными, не является определенной [6].

Распространенные виды электронных доказательств в административном судопроизводстве. Наиболее распространенными видами электронных доказательств, приобщаемых в суды в доктрине и практике, выделяют:

- 1) электронные документы;
- 2) сообщения по электронной почте и из мессенджеров;
- 3) аудио и видеозаписи.

Рассмотрим условия, которые необходимы и достаточны для признания достоверными данных видов доказательств.

1. Электронные документы. Электронным документом является созданная и зафиксированная при помощи ЭВМ информация, которая подлежит обработке в информационной системе и передаче в информационной сети. Передача такой информации происходит с помощью электронных средств связи или на электронных носителях. В настоящее время для оформления юридически значимых фактов используют системы электронного документооборота (СЭД). Созданные посредством данных сервисов электронные документы по юридической силе приравниваются к бумажным документам. Такой подход нашел свое закрепление в доктрине [1] и в законодательстве¹.

¹ Об электронной подписи: федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ. — Ст. 6; Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. — Ч. 1.1 ст. 70.

Поэтому для придания доказательственной силы электронным документам суды применяют правила оценки их достоверности, которые аналогичны правилам оценки достоверности письменных доказательств, но с учетом некоторых особенностей.

Достоверность любого доказательства включает в себя точное, правильное отражение обстоятельств предмета доказывания по делу и соответствие данного доказательства действительности¹.

Именно от признания судом достоверности электронного документа зависит результат по делу в пользу того или иного лица.

С учетом анализа доктрины, судебно-административной практики, опыта применения электронного документооборота субъектами публичных правоотношений оценка достоверности электронных документов состоит из следующих действий:

1) проверки аутентификации и идентификации электронного документа, которая включает в себя:

а) установление уполномоченного субъекта, составившего электронный документ;

б) наличие или отсутствие обязательных реквизитов сторон;

в) наличие или отсутствие действующей электронной подписи (ЭП)²;

г) подписание электронного документа уполномоченным субъектом;

д) наличие или отсутствие подделки электронного документа.

2) проверки достоверности содержания электронного документа (т. е. исследование непосредственно текста электронного документа), которая включает:

а) точное соответствие фактических обстоятельств зафиксированному в тексте электронного документа;

б) возможность дальнейшего использования в качестве источника информации для последующей деятельности;

в) оформления в системах, которые обычно используются для данного типа документов (критерий достоверности работы цифровых систем) [2]. В случае сомнения в достоверности работы цифровых систем суд может назначить информационно-компьютерную экспертизу [5].

Таким образом, при проверке достоверности электронных документов для последующего придания доказательственного значения су-

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17 апреля 2019 г. № 72-КА19-1.

² Апелляционное определение СК по административным делам Калининградского областного суда от 26 ноября 2025 г. по делу № 33а-4927/2025.

дам следует осуществлять идентификацию владельца ЭП и установление отсутствия искажения информации в электронном документе. С учетом текущего развития информационных технологий имеются системы, которые обеспечивают надежность хранения информации о совершении юридически значимых действий без внесения искажений [11].

2. Электронные сообщения по электронной почте и сообщения из мессенджеров. Для признания достоверным электронных сообщений по электронной почте в доктрине и судебной практике сформулированы следующие условия:

- 1) идентификация отправителя и получателя сообщений;
- 2) подписание сообщений уполномоченными на то лицами при помощи электронной подписи;
- 3) установление аутентичности непосредственно электронного сообщения (отсутствие искажения) [7].

Дополнительным способом придания достоверности электронному сообщению по электронной почте является нотариальное заверение. Для подтверждения правоты в административном судопроизводстве для придания достоверности электронной переписки следует обращаться к нотариальной процедуре, поскольку протокол нотариуса является достаточным свидетельством достоверности сведений, содержащихся в переписке [10].

Для подтверждения достоверности переписки в мессенджерах дополнительно следует представить сведения о регистрации номера мобильного телефона, к которому привязан аккаунт в мессенджере, конкретному лицу. Но есть и исключение из данного правила, когда номер мобильного телефона находится в сети Интернет в режиме открытого доступа [3].

3. Аудио- и видеозаписи. Применительно к оценке аудио- и видеозаписи следует отметить, что наиболее остро стоит вопрос о достоверности информации, содержащейся на цифровых носителях, на которых представлена информация о фактических обстоятельствах [8]. Для признания достоверными аудио- и видеозаписи в доктрине и судебной практике сформулированы следующие условия:

- 1) идентификация лица, производящего аудио- и видеозапись;
- 2) идентификация времени производства аудио- и видеозаписи¹;
- 3) идентификация оппонента;

¹ Решение № 02А-0567/2025 Хорошевского районного суда г. Москвы; Апелляционное определение СК по административным делам Орловского областного суда от 4 сентября 2025 г. по делу № 33а-3050/2025.

4) невозможность изменения содержащейся информации в дальнейшем;

5) наличие расшифровки аудио- и видеозаписи [8]. Расшифровку можно подготовить самостоятельно. Она не требует специального заверения. Аудиозапись в суд нужно предоставить на электронных носителях, например CD-диске или флеш-накопителе [4].

Таким образом, юридическая сила электронных доказательств в административном судопроизводстве по КАС РФ должна быть обеспечена посредством единообразного регулирования оценки их достоверности в целях эффективности защиты нарушенных прав субъектами публичных правоотношений. Единообразное регулирование возможно посредством установления правил оценки достоверности в процессуальном законодательстве.

Библиографический список

1. *Вершинин А. П.* Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. — М.: Городец, 2000. — 247 с.

2. *Горелов М. В.* Некоторые вопросы исследования электронных документов как доказательств в гражданском судопроизводстве // Юрист. — 2005. — № 7. — С. 51–52.

3. *Зазулин А. И.* Цифровые доказательства в суде. Как правильно представлять в суд видео-и аудиозаписи и электронную переписку в качестве доказательств / INTELLECT Law Firm. — 2020. — 23 янв. — URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/tsifrovye_dokazatelstva_v_sude/ (дата обращения: 07.05.2026).

4. *Как* подготовить электронное доказательство в суд / Law. — 2024. — 28 мая. — URL: <https://www.law.ru/article/4099-elektronnye-dokazatelstva-v-sude-kakie-osobyie-riski-nujno-uchest-gotovyas-k-protssesu> (дата обращения: 07.05.2026).

5. *Лебедева Н. Н.* Электронный документ как доказательство в российском процессуальном праве // Право и экономика. — 2006. — № 11. — С. 114–119.

6. *Лядова Ю.* Электронные доказательства в арбитражном процессе // Закон.ru. — 2020. — 23 марта. — URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/23/elektronnye_dokazatelstva_v_arbitrazhnom_processe (дата обращения: 07.05.2026).

7. *Мандрюков А. В.* E-mail — в арбитраж // Актуальные вопросы в бухгалтерском учете и налогообложении. — 2012. — № 12. — С. 78–93.

8. *Никитина Ю.* Особый подход к цифровой форме // Адвокатская газета. — 2022. — № 1 (354). — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/osobyypodkhod-k-tsifrovooy-forme/> (дата обращения: 07.05.2026).

9. *Решетникова И. В.* Современные тенденции развития доказывания в арбитражном, гражданском и административном процессуальном праве // Закон. — 2005. — № 2. — С. 50–58.

10. Сапрыкина Е. А. Электронные документы как средство доказывания в административном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2017. — № 3 (30). — С. 148–154.

11. Тютюкова А. А. Арбитражный процесс и блокчейн: возможности и перспективы // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. — 2019. — Т. 5, № 2. — С. 289–293.

А. В. Курдюмов, К. Д. Смирнова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Аффилированность как инструмент ограничения конкуренции в сфере технического обслуживания и ремонта оборудования

Аннотация. В статье рассматриваются антиконкурентные практики в сфере технического обслуживания и ремонта оборудования, связанные с использованием механизмов аффилированности и корпоративной зависимости. Исследуются правовые аспекты аффилированности, практика применения антимонопольного законодательства и последствия для конкурентной среды.

Ключевые слова: аффилированные лица; ограничение конкуренции; вертикальная интеграция; антимонопольное регулирование; декартелизация экономики; барьеры входа на рынок.

В условиях изменения внешней бизнес-среды отечественных предприятий вопросы сохранения и повышения конкурентоспособности приобретают особое значение. Одной из ключевых проблем, препятствующих развитию конкурентной среды в этой отрасли, является использование крупными промышленными холдингами механизмов аффилированности и корпоративной зависимости для создания «закрытых» сервисных структур, обслуживающих исключительно внутренние потребности группы компаний

Антимонопольное законодательство Российской Федерации направлено на предупреждение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Однако практика создания дочерних сервисных организаций, полностью зависимых от материнской компании, создает правовую неопределенность: формально конкуренция не ограничивается, фактически — независимые игроки рынка лишаются доступа к значительному сегменту заказов. Как отмечает Ю. З. Бондарева, «в Законе о защите конкуренции новый правовой инструмент — правило „допустимости“ — направлен прежде всего на освобождение от установленных законом запретов тех действий, согла-

шений и сделок, которые не способны в значительной степени повлиять на ограничение конкуренции» [2, с. 34].

Как справедливо отмечает С. А. Баранов, «законодатель не дает четких развернутых дефиниций „аффилированности“, „аффилированного лица“; отсутствуют правовые основания признания лица аффилированным, законодательные критерии классификации аффилированных лиц» [1, с. 824].

Следует отметить, что законодатель в Гражданском кодексе РФ указывает на наличие взаимозависимости между участниками хозяйственных отношений, которая обусловлена наступлением последствий правового характера. Однако, как отмечают исследователи, дополнение ГК РФ нормой специализированного характера — 53.2. Аффилированность — внесло в действующий правовой массив еще больше неопределенности в понимании столь многогранного явления [4].

В. О. Даржай выделяет характеризующие сущность института аффилированности признаки, а именно: присутствие контроля одного лица над другим; возможность либо способность влияния на правовой статус, принятие лицом решений; установленный нормативно уровень взаимозависимости лиц, ее форма; наличие разнонаправленного интереса (образование конфликта) [3].

В то же время содержательная сторона аффилированности не нашла своего отражения в нормотворчестве. Как отмечает Д. К. Кириченко, на сегодняшний день правовая конструкция отношений, осложненных состоянием аффилированности участвующих в ней лиц, относится к числу слабо проработанных в нормах российского права [5].

ООО «ТМК ТехСервис» является наглядным примером использования механизма аффилированности для создания «закрытого» рынка услуг технического обслуживания и ремонта (ТОиР). Компания создана в 2006 г. как единый сервисный оператор для обслуживания оборудования заводов группы ПАО «ТМК», ее единственным учредителем выступает головная компания со 100 % долей участия.

Анализ деятельности ООО «ТМК ТехСервис» позволяет выявить следующие признаки ограничения конкуренции, соответствующие классификации Ю. З. Бондаревой, которая выделяет три группы антиконкурентных соглашений: эксклюзивные соглашения, соглашения аффилированных лиц и соглашения с «аккредитованными» контрагентами [2].

1. Эксклюзивный характер соглашений. Компания обслуживает исключительно предприятия ТМК, при этом около 80 % производственных мощностей задействовано для нужд группы. Как отмечается в исследовании А. М. Хабибулиной и В. А. Егорова, барьеры для входа

на рынок создаются через «ограничительную торговую практику», когда «фирмы, уже находящиеся на рынке, путем рекламирования своего товара завоевывают рынок и тем самым не дают новым производителям привлечь покупателей» [7, с. 193].

В случае с ООО «ТМК ТехСервис» речь идет не о рекламе, а о корпоративном закреплении рынка.

2. Вертикальная интеграция. Компания контролирует полный цикл — от производства запасных частей (через ремонтно-механические и фасоннолитейные цеха) до проведения всех видов ремонтов. Это создает замкнутый цикл, в который сторонние игроки не допускаются. Как отмечают исследователи, вертикальная интеграция и создание «внутренних» сервисных монополий являются одной из распространенных форм ограничения конкуренции [4].

3. Давальческая схема обеспечения. Материалы и запчасти для ремонтов приобретаются заводами группы и передаются сервисной компании по давальческой схеме. Это означает, что независимые ремонтные компании даже теоретически не могут конкурировать за выполнение работ на объектах ТМК.

Формально такая структура не нарушает антимонопольное законодательство, поскольку головная компания вправе выбирать способ организации сервисного обслуживания. Однако фактически это создает непреодолимые барьеры входа на рынок для независимых игроков.

Подобные практики приводят к системным негативным последствиям для развития конкуренции в отрасли ТОиР, которые Ю. Ф. Колесникова и Е. А. Чистяков связывают с переходом от свободной конкуренции к монополистической: «монополия может иметь негативное влияние на экономику и потребителей, так как она может приводить к высоким ценам, низкому качеству товаров и услуг, а также к ограничению инноваций» [6, с. 3].

Отсутствие конкурентного давления лишает стимулов к повышению качества и снижению стоимости услуг. В исследуемом случае это выражается в крайне низкой эффективности: при выручке 1,5 млрд р. чистая прибыль составляет лишь 1,2 млн р. (0,08 % рентабельности).

Создание «закрытых» сервисных структур ограничивает рынок труда для специалистов по ТОиР, снижая мобильность и профессиональный рост.

Отсутствие конкуренции замедляет внедрение инноваций и цифровых технологий. Как отмечают эксперты, при отказе от конкуренции в рамках рассматриваемых соглашений происходит замедление процессов развития страхового рынка, поскольку цена и основные параметры страховой услуги не формируются на основе рыночного механизма спроса и предложения [4].

На основе подходов, применяемых при анализе ограничительной деловой практики, следует выделить три группы антиконкурентных соглашений в сфере ТОиР: эксклюзивные соглашения (соглашения между промышленной группой и одной либо несколькими организациями); соглашения аффилированных лиц (заключаемые между материнской компанией и дочерней структурой); соглашения с аккредитованными организациями (наиболее распространенная форма ограничительных соглашений, когда компании группы допускают к обслуживанию только аккредитованные сервисные компании).

Для противодействия антиконкурентным практикам в сфере ТОиР предлагаются следующие меры.

Как обоснованно утверждает С. А. Баранов, целесообразным решением сложившейся ситуации и наиболее верным точки зрения законодательной техники представляется принятие единого закона уровня федерального, учитывающего все правовые нюансы деятельности и контроля аффилированных лиц в Российской Федерации, а также непосредственно касаясь и самих деталей таковой дефиниции [4]

Необходимо расширение понятийного аппарата Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» в части квалификации действий вертикально интегрированных структур как ограничивающих конкуренцию. В частности, следует рассматривать создание «внутренних» сервисных монополий как форму злоупотребления доминирующим положением на смежных рынках в случае, если доля группы компаний на рынке услуг превышает определенный порог.

Для компаний, входящих в крупные холдинги, рекомендуется постепенное перераспределение производственных мощностей в пользу работы на внешнем рынке. Как показывает анализ, даже 20 % выручки от сторонних клиентов у ООО «ТМК ТехСервис» подтверждает техническую возможность работы с независимыми заказчиками. Диверсификация позволит минимизировать риски от сильной зависимости и создаст конкурентную среду на рынке.

Целесообразно законодательное закрепление требования о проведении открытых конкурсных процедур для закупок услуг ТОиР крупными промышленными группами, при условии соблюдения требований к квалификации подрядчиков и безопасности производства. Это не только обеспечит доступ независимым компаниям, но и будет способствовать снижению себестоимости ремонтов.

Исследование показало, что механизмы аффилированности и вертикальной интеграции, используемые крупными промышленными холдингами для организации сервисного обслуживания собственного оборудования, создают скрытые барьеры для развития конкурентной среды на рынке ТОиР. На примере ООО «ТМК ТехСервис» продемон-

стрировано, как формально легитимные корпоративные структуры могут фактически монополизировать значительный сегмент рынка, ограничивая доступ независимых игроков.

Для противодействия таким практикам требуется комплексный подход, включающий: совершенствование антимонопольного регулирования; усиление контроля за аффилированностью в закупочных процедурах; стимулирование диверсификации деятельности «внутренних» сервисных операторов; переход на открытые конкурсные процедуры при закупках услуг ТООР.

Реализация предложенных мер будет способствовать декартелизации экономики, развитию конкурентной среды в сфере технического обслуживания и ремонта оборудования, а также повышению экономической эффективности как самих сервисных компаний, так и промышленных предприятий, потребляющих их услуги.

Библиографический список

1. Баранов С. А. Проблемы применения и возможные пути усовершенствования института аффилированных лиц в РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — № 2-1 (101). — С. 246–249.
2. Бондарева Ю. Э. К вопросу допустимости соглашений (первый опыт так называемых «групповых исключений») // Современная конкуренция. — 2009. — № 3 (15). — С. 33–41.
3. Даржсай В. О. Сущность аффилированности в гражданском праве // Юридическая наука и практика: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 27 июля 2024 г.). — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2024. — С. 24–28.
4. Карслян М. Л. Аффилированность в российском законодательстве // Актуальные проблемы современного законодательства: сб. ст. участников VIII Всерос. межвуз. науч.-практ. конф. (Москва, 21 апреля 2023 г.). — М.: МФЮА, 2023. — С. 167–176.
5. Кириченко Д. К. Проблемные вопросы понимания института аффилированности лиц в России // Проблемы развития современного общества: сб. науч. ст. 9-й Всерос. нац. науч.-практ. конф. (Курск, 23–24 января 2024 г.): в 3 т. — Курск: Университетская книга, 2024. — Т. 2. — С. 255–257.
6. Колесникова Ю. Ф., Чистяков Е. А. Причины перехода от свободной конкуренции к монополистической // Эпоха науки. — 2023. — № 33. — С. 101–103.
7. Хабибулина А. М., Егоров В. А. Барьеры для входа на рынок // Современное общество: проблемы, идеи, инновации. — 2014. — Т. 2, № 3. — С. 193–197.

В. А. Курдюмова, Ю. А. Старшова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Современные методы выявления антиконкурентных соглашений

Аннотация. В статье рассматривается динамика выявления антиконкурентных соглашений в Российской Федерации, анализируются современные методы их обнаружения и пресечения, включая использование цифровых технологий и экономического анализа.

Ключевые слова: антиконкурентные соглашения; Федеральная антимонопольная служба; ГИС «Антикартель».

Антиконкурентные соглашения по-прежнему остаются серьезной проблемой для рыночной среды в России. Такие договоренности создают серьезную угрозу конкуренции, наносят вред интересам потребителей, лишают производителей стимулов к снижению цен. Картельные сговоры сдерживают улучшение качества товаров и расширение их ассортимента, внедрение инноваций. В конечном счете это провоцирует рост цен на затронутых рынках и ухудшает общую экономическую ситуацию.

Среди многообразия антиконкурентных практик наиболее опасной и распространенной формой признается картель — соглашение, заключаемое между хозяйствующими субъектами, действующими в пределах одного товарного рынка и являющимися конкурентами по отношению друг к другу. Подобные договоренности могут проявляться в фиксации или поддержании определенного уровня цен, а также сопутствующих им элементов, таких как скидки, наценки и различные доплаты. Картельные сговоры нередко затрагивают и процедуры торгов, где участники согласованно воздействуют на формирование итоговой цены, будь то ее повышение, понижение или искусственное удержание на заданном уровне. Помимо ценовых аспектов, предметом картельных соглашений нередко становится раздел товарного рынка — по территориальному принципу, по объемам реализации или закупок, по номенклатуре предлагаемых товаров либо по кругу контрагентов (продавцов или покупателей). В ряде случаев участники сговора договариваются о сокращении либо полном прекращении производства отдельных видов продукции, а также об отказе от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями.

Все перечисленные действия направлены на ограничение самостоятельности участников рынка и подмену конкурентных механизмов согласованным поведением, что наносит существенный ущерб как отдельным хозяйствующим субъектам, так и состоянию конкуренции в целом.

В 2023 г. ФАС возбудила 287 дел об ограничивающих конкуренцию соглашениях и координации экономической деятельности. При этом было принято 224 решения о нарушении антимонопольного законодательства¹. За 2024 г. было возбуждено 315 дел и принято 245 решений о нарушении антимонопольного законодательства. За 2025 г. было возбуждено уже 385 дел и принято 246 решений о нарушении антимонопольного законодательства².

Исходя из данных, представленных на рисунке, можно сделать вывод, что за период с 2023 по 2025 г. количество возбужденных дел об ограничивающих конкуренцию соглашениях выросло в 1,34 раз, но при росте числа дел количество принятых решений о нарушении антимонопольного законодательства, снижается: в 2023 г. она составила 78,05 %, в 2024 г. — 77,78 %, в 2025 г. — 63,9 %. Такое постепенное снижение доли дел, закончившихся принятием решения о нарушении законодательства, может быть обусловлено расширением охвата проверок и ранней стадией фиксации сигналов потенциальных нарушений за счет автоматизированных инструментов.

Количество возбужденных дел
об ограничивающих конкуренцию соглашениях и принятых решений
о нарушении антимонопольного законодательства

¹ ФАС России подвела итоги антикартельной деятельности за 2023 г. / Федеральная антимонопольная служба. — URL: <https://fas.gov.ru/news/33116?Ysclid=mqtmw1-lrch537325663> (дата обращения: 10.06.2026).

² ФАС подвела итоги антикартельной деятельности за 2025 г. / Федеральная антимонопольная служба. — URL: <https://fas.gov.ru/news/34534> (дата обращения: 10.06.2026).

В 2026 г. ФАС обнаружила ряд соглашений, нарушающих законодательство о защите конкуренции. Был раскрыт сговор при закупках вычислительной техники. Установлено, что ООО «Бизнес Стандарт», ООО АКБ «Барьер» и ООО «Сэйвит Эдьюкейшн» заключили антиконкурентное соглашение, целью которого было поддержание цен на электронных аукционах. Речь шла о поставках и аренде электронно-вычислительной техники, а также о предоставлении лицензий на программное обеспечение. Общая стоимость контрактов превысила 236 млн р.¹ Еще один картельный сговор был обнаружен в сфере поставок компьютерной техники. Между ООО «Сибтехно», ООО «Успех», ООО «Внедрение», ООО «Технозапад», ООО «Программный каталог», ООО «Открытые системы», ООО «Байкал-техно» и одним индивидуальным предпринимателем были заключены соглашения с целью поддержания цен на торгах. Они касались поставки компьютерной техники, приобретения лицензий на использование программного обеспечения и его настройки. Общая сумма контрактов по этим торгам превысила 351 млн р.² С использованием возможностей ГИС «Антикартель» были доказаны признаки сговора между ООО «Дорстрой», ООО «Дорожник» и двумя индивидуальными предпринимателями. Соглашение было также заключено с целью поддержания цен. Общая сумма контрактов достигла 2,2 млрд р.³ Было возбуждено дело о картельном сговоре в области поставок медицинских изделий: ООО «БНК», ООО «Стоматторг Групп», ООО «Медтехника Групп», ООО «Альянс Мед» и индивидуальный предприниматель подозреваются в сговоре при участии в торгах на поставку лекарственных препаратов, медицинских изделий и оборудования для нужд государственных учреждений здравоохранения. Общая стоимость соответствующих контрактов составила более 340 млн р.⁴

Для выявления картельных сговоров специалистам в области пресечения антиконкурентных соглашений применяются новые методы. Ключевым направлением противодействия антиконкурентным практикам сейчас является автоматизация анализа больших объемов информации, позволяющая быстро и точно определить признаки картельных со-

¹ ФАС раскрыла картель при закупках вычислительной техники на сумму более 236 млн р. / Федеральная антимонопольная служба. — URL: <https://fas.gov.ru/news/34663> (дата обращения: 10.06.2026).

² ФАС выявила картель на поставку компьютерной техники на сумму 351 млн р. / Федеральная антимонопольная служба. — URL: <https://fas.gov.ru/news/34583> (дата обращения: 10.06.2026).

³ ФАС раскрыла дорожный картель на сумму 2,2 млрд р. / Федеральная антимонопольная служба. — URL: <https://fas.gov.ru/news/34642> (дата обращения: 10.06.2026).

⁴ ФАС выявила картель поставщиков медизделий на сумму 340 млн р. / Федеральная антимонопольная служба. — URL: <https://fas.gov.ru/news/34566> (дата обращения: 10.06.2026).

глашений между хозяйствующими субъектами. В этих целях создана и функционирует государственная информационная система «Антикартель», призванная обеспечить деятельность Федеральной антимонопольной службы по предупреждению, обнаружению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений. Работа данной платформы базируется на передовых цифровых решениях и технологиях искусственного интеллекта. Внедрение ГИС «Антикартель» дает возможность проводить всесторонний анализ поведения участников рынка, обрабатывать сведения обо всех закупочных процедурах в ежедневном режиме, значительно ускорить получение релевантной информации и уменьшить необходимость направления дополнительных запросов. Кроме того, система способствует экономии бюджетных ресурсов благодаря декартелизации государственных и муниципальных закупок и формированию прозрачных конкурентных условий для всех участников торгов¹.

Ведущим способом доказывания картельных соглашений остается экономический анализ всей совокупности обстоятельств и материалов дела. С его помощью устанавливается, могла ли сложившаяся рыночная ситуация возникнуть без сговора участников, а также определяется размер ущерба, нанесенного конкуренции и потребителям. В рамках экономического анализа применяются такие специализированные приемы, как мониторинг рынка — систематическое наблюдение, сбор и прогнозирование изменений рыночных показателей для оценки эффективности функционирования рынка и выявления нарушений; скрининг данных — алгоритмизированная обработка информации о поведении участников для выявления вероятных признаков антиконкурентных соглашений².

Наряду с экономическими инструментами востребованы социологические методы, позволяющие оценить масштаб латентных нарушений. Так, виктимологические опросы дают возможность определить долю потребителей или организаций, пострадавших от картельных сговоров, и скорректировать стратегию расследования. Метод экспертных оценок предполагает привлечение профессионального мнения специалистов, основанного на научных знаниях и практическом опыте: экс-

¹ Путин подписал закон о создании госинформсистемы «Антикартель» / Федеральная антимонопольная служба. — URL: <https://fas.gov.ru/srv/node/2260?ysclid=mqy-6mth362752400793> (дата обращения: 10.06.2026).

² Батанова К. Х. Понятие и методы оценки латентности картелей и иных антиконкурентных соглашений // Российское конкурентное право и экономика. — 2021. — № 3 (27) — С. 46–54.

перты анализируют рыночную ситуацию, оценивают вероятность наличия сговора и предлагают варианты реагирования¹.

К числу дополнительных инструментов выявления антиконкурентных практик относятся: систематический мониторинг открытых источников информации с целью обнаружения публичных заявлений участников рынка, способных привести к росту цен; анализ поступающих в антимонопольные органы заявлений и жалоб граждан и организаций; использование механизмов деятельного раскаяния, стимулирующих участников сговора добровольно сообщать о нарушениях в обмен на освобождение от ответственности или смягчение наказания.

И. А. Леонов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Неправомерное объединение лотов как форма ограничения конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок

Аннотация. В статье исследуется неправомерное объединение лотов как скрытая форма ограничения конкуренции в государственных закупках, автором анализируются нормативные основы формирования лотов, критерии правомерного и неправомерного объединения товаров, работ и услуг. На основе практики Федеральной антимонопольной службы и арбитражных судов за 2024–2025 гг. выявлены типичные злоупотребления и обоснована необходимость совершенствования правового регулирования и усиления антимонопольного контроля в этой сфере, выдвинуты предложения.

Ключевые слова: государственные закупки; конкуренция; объединение лотов; укрупнение лота; антимонопольные требования; ФАС России; судебная практика; ограничение конкуренции.

Формирование лотов является важным этапом организации государственных и муниципальных закупок, определяющим уровень конкурентности процедуры. На этом этапе заказчик решает, какие товары, работы или услуги включить в один лот, а какие выделить в отдельные закупки. Обоснованность и прозрачность формирования лотов влияет на возможность участия широкого круга поставщиков, включая малый и средний бизнес.

¹ Батанова К. Х. Понятие и методы оценки латентности картелей и иных антиконкурентных соглашений // Российское конкурентное право и экономика. — 2021. — № 3 (27) — С. 46–54.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Закон № 44-ФЗ) не содержит детальных правил объединения товаров, работ или услуг в лоты, предоставляя заказчику значительную свободу. Однако эта свобода ограничена запретом на объединение технологически и функционально несвязанных позиций, поскольку это может ограничить конкуренцию. Согласно позиции Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (ВАС РФ), объединение лотов служит инструментом рационального расходования бюджетных средств¹. Исходя из ч. 1 ст. 1 Закона № 44-ФЗ, к участию в торгах допускаются только те лица, которые соответствуют целям закупок, поэтому требования, исключающие тех, кто не соответствует этим целям, не считаются ограничением доступа и не нарушают ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Это противоречие создает условия для злоупотреблений.

Правовая природа лота и нормативное регулирование его формирования. В действующем законодательстве о контрактной системе отсутствует официальное определение термина «лот». В правовой доктрине и практике под лотом обычно понимается совокупность товаров, работ или услуг, объединенных заказчиком в единый объект закупки. Контракт заключается именно на тот комплект, на который и подается заявка участником.

Закон № 44-ФЗ не устанавливает конкретных правил объединения товаров, работ или услуг в лот, однако согласно п. 1 ч. 2 ст. 42 в извещении о закупке должно содержаться описание объекта закупки. Заказчик вправе формировать лот, объединяя различные позиции, руководствуясь принципом их технологической и функциональной взаимосвязи².

Основным ограничением для заказчика выступает антимонопольное законодательство. Часть 3 ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» запрещает ограничивать конкуренцию путем объединения в лот товаров, работ или услуг, не связанных между собой технологически или функционально. Кроме того, общие принципы контрактной системы — равноправие, справедливость, отсутствие дискриминационного доступа и необоснованных ограничений конкуренции — служат ориентиром при формировании

¹ Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 11017/10.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2021 г. № 307-ЭС21-14471 по делу № А52-5809/2019.

лотов. Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) отмечает, что наличие связи между объединенными в лот позициями определяется на основе конкретных обстоятельств закупки¹.

Таким образом, правовое регулирование формирования лотов строится на балансе: заказчику предоставлена значительная свобода в объединении объектов закупки, однако эта свобода ограничена антимонопольными нормами и общими принципами контрактной системы.

Формы неправомерного объединения лотов. Анализ правоприменительной практики ФАС России и арбитражных судов за 2024–2025 гг. позволяет выделить несколько типичных форм неправомерного объединения лотов.

Объединение технологически и функционально несвязанных объектов. Наиболее распространенная форма нарушения — включение в один лот товаров, работ или услуг, которые не связаны между собой технологически и функционально. Как отмечается в обзоре судебной практики ФАС России за I квартал 2025 г., недопустимо объединение разнородных объектов закупки, когда в один лот включаются как строительно-монтажные работы, так и поставка оборудования, что ограничивает круг потенциальных участников².

Показательным является дело, рассмотренное Арбитражным судом Московского округа в 2025 г., в котором ФАС России отказала в согласовании заключения контракта на реконструкцию участка федеральной трассы в Республике Башкортостан. Заказчик неправомерно объединил в один лот работы по строительству автомобильной дороги и переустройству магистральных газопроводов ПАО «Газпром»³. Суд округа указал, что эти работы относятся к разным товарным рынкам, не имеют родовых и технологических признаков общности и потому приводят к необоснованному ограничению числа участников закупки. Примечательно, что общая стоимость переустройства трубопроводов составила почти половину цены контракта, что свидетельствовало об искусственном укрупнении лота.

Аналогичное нарушение было выявлено в закупке администрации Южно-Сахалинска и МКУ «Управление капитального строительства», которые попытались объединить в одном лоте строительные ра-

¹ Письмо Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации от 2 марта 2026 г. № АТ/17095/26.

² Обзор судебной практики Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации в сфере государственных и муниципальных закупок за I квартал 2025 г. / Федеральная антимонопольная служба. — URL: <https://fas.gov.ru/p/videos/3359> (дата обращения: 14.02.2026).

³ Решение Арбитражного суда города Москвы от 20 июня 2025 г. по делу № А40-306909/24-146-2131.

боты и поставку оборудования для школы¹. ФАС расценила это как нарушение принципов конкурентности, и суды подтвердили законность позиции антимонопольного органа.

Территориально необоснованное укрупнение лота. Другая распространенная форма — объединение в один лот работ или услуг, которые должны выполняться на объектах, расположенных в разных, зачастую удаленных друг от друга территориях, без должного обоснования.

Классическим примером является дело ФГУП «Росморпорт», объединившего в один лот работы по ремонту дизельных двигателей в 21 городе России. Начальная (максимальная) цена договора составила почти 800 млн р., сумма обеспечения исполнения — около 40 млн р.² Суд признал такое объединение неправомерным, указав, что одновременное выполнение работ в сжатые сроки в 21 географически удаленном городе требует значительных ресурсов и логистических возможностей, что отсекает от участия большинство потенциальных поставщиков, особенно из числа малого и среднего бизнеса.

Верховный суд Российской Федерации неоднократно подтверждал, что формирование лотов должно осуществляться с соблюдением принципа единой территории оказания услуги. Так, в определении от 31 августа 2021 г. № 307-ЭС21-14474 суд признал необоснованным объединение в один лот несмежных районов муниципальных образований. А в деле о закупке услуг охраны для 153 отдельных зданий в Москве суд поддержал позицию ФАС о том, что объединение таких услуг в один лот приводит к необоснованному увеличению объема услуг, размера обеспечения заявки и контракта, а также цены контракта, что ограничивает участие субъектов малого и среднего предпринимательства.

Формирование «сборных» лотов с разнородными требованиями. Отдельную проблему представляет формирование лотов, в которых объединяются объекты закупки, требующие разных лицензий, допусков, свидетельств о членстве в саморегулируемой организации (СРО) или иных разрешительных документов. Как отмечает судебная практика, нельзя объединять в один лот услуги, которые требуют разных лицензий³.

¹ Обзор судебной практики Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации в сфере государственных и муниципальных закупок за I квартал 2025 г. / Федеральная антимонопольная служба. — URL: <https://fas.gov.ru/p/videos/3359> (дата обращения: 14.02.2026).

² Решение Арбитражного суда города Москвы от 20 июня 2025 г. по делу № А40-306909/24-146-2131.

³ Решение Арбитражного суда города Москвы от 17 марта 2025 г. по делу № А40-292066/2024.

Показательным является дело о закупке, в которой заказчик потребовал от участников состоять в двух СРО одновременно и в СРО в области строительства, и в СРО в области проектирования, — что привело к необоснованному ограничению круга участников¹.

Критерии правомерности объединения лотов: правовые позиции судов. На основе анализа судебной практики можно выделить критерии, по которым объединение лотов признается правомерным или неправомерным.

Технологическая и функциональная связь. Основной критерий правомерности объединения лотов — наличие технологической и функциональной связи между объединяемыми товарами или услугами. Как разъяснено в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, при проведении государственных (муниципальных) закупок допускается включение в один лот технологически и функционально взаимосвязанных между собой товаров, работ и услуг². При этом бремя доказывания такой связи лежит на заказчике.

Соразмерность и пропорциональность. Суды уделяют внимание соразмерности укрупнения лота целям закупки. Такое увеличение признается неправомерным, если оно необоснованно расширяет объем работ, размеры обеспечения заявки и контракта, ухудшая положение потенциальных участников и сокращая число претендентов.

Аналогичное мнение выразил Арбитражный суд города Москвы, подчеркнув, что укрупнение лота часто приводит к отказу в участии заинтересованных лиц, что уменьшает количество участников с разным набором характеристик и ограничивает конкуренцию³.

Ранее Верховный Суд Российской Федерации в своем определении от 26 февраля 2020 г. № 310-ЭС20-609 также отмечал, что размещение заказа укрупненными лотами нарушает принцип равнодоступности торгов, исключая отдельных участников и снижая уровень соперничества.

Наличие альтернативной возможности формирования лотов. Еще одним критерием является наличие у заказчика альтернативной возможности формирования лотов иным способом. В ранее рассмотренном деле «Почты России», объединившей в один лот услуги по уборке в семи объектах в Москве, суд отметил, что ранее заказчик проводил закупки по этим объектам раздельно, что подтверждало возможность не-

¹ *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2025 г. № 305-ЭС25-10936 по делу № А40-229973/2024.

² *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2024 г. № 305-ЭС24-7194 по делу № А40-87548/2023.

³ *Постановление* Арбитражного суда города Москвы от 8 апреля 2025 г. по делу № А40-54183/2024.

дробной закупки. После вмешательства ФАС России государственная компания вновь провела отдельные тендеры, на каждый из которых поступили заявки, что свидетельствовало о реальной заинтересованности и доступности этих закупок для малого и среднего бизнеса¹.

Несмотря на активную правоприменительную практику ФАС России и арбитражных судов, проблема неправомерного объединения лотов сохраняет свою остроту. Можно выделить несколько ключевых проблем.

Отсутствие формальных критериев в законодательстве. Закон № 44-ФЗ не содержит формальных критериев, которым должно соответствовать объединение товаров, работ и услуг в один лот. Понятие «технологическая и функциональная связь» являются оценочными, что порождает правовую неопределенность и затрудняет как правоприменение, так и предварительное планирование закупок заказчиками.

В качестве позитивного шага можно отметить разъяснения ФАС России по вопросам формирования лотов в дорожной сфере, где рекомендовано, чтобы начальная (максимальная) цена одного лота на содержание и ремонт автомобильных дорог в регионах I–III климатических зон не превышала 1,2 млрд р., а в субъектах Российской Федерации с населением свыше 1 млн чел. — не более 1,8 млрд р.² Однако такие разъяснения носят отраслевой характер и не решают проблему в целом.

Разграничение компетенции ФАС России и контрольных органов в сфере закупок. В практике возникают споры о том, какой орган правомочен оценивать правомерность объединения лотов. Часть 3 ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» относится к компетенции антимонопольного органа, однако на практике жалобы на неправомерное формирование лотов часто попадают в контрольные органы в сфере закупок, что порождает конкуренцию компетенций.

Необходимость внедрения риск-ориентированного подхода. Представляется целесообразным внедрение риск-ориентированного подхода к контролю за формированием лотов. Автоматизированные системы мониторинга закупок, такие как ГИС «Антикартель» и Единая информационная система в сфере закупок, могут быть настроены на выявление аномальных паттернов формирования лотов (чрезмерное укрупнение, территориальная разбросанность, разнородность объектов

¹ *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2024 г. № 305-ЭС24-7194 по делу № А40-87548/2023.

² *Письмо* Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации от 26 июля 2023 г. № МШ/59508/23.

закупки) и формирование «красных флагов» для последующей проверки антимонопольным органом.

Неправомерность объединения лотов представляет собой латентную, но широко распространенную форму ограничения конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок. Действующее правовое регулирование, основанное на оценочных категориях «технологической и функциональной связи» и общих принципах контрактной системы, создает правовую неопределенность и позволяет недобросовестным заказчикам злоупотреблять свободой формирования лотов.

Правоприменительная практика ФАС России и арбитражных судов за 2024–2025 гг. демонстрирует последовательную и жесткую позицию по данному вопросу: объединение технологически и функционально не связанных объектов, территориально необоснованное укрупнение лотов, формирование «сборных» лотов с разнородными требованиями признаются нарушением антимонопольного законодательства. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подтверждал эту позицию, отказывая в пересмотре дел, в которых антимонопольный орган усмотрел нарушения.

В целях совершенствования правового регулирования представляются целесообразными:

- 1) разработка формальных критериев правомерного объединения лотов с учетом отраслевой специфики;
- 2) внедрение риск-ориентированного подхода к контролю за формированием лотов с использованием автоматизированных систем мониторинга;
- 3) усиление ответственности заказчиков за неправомерное формирование лотов, в том числе в рамках административного законодательства.

А. С. Лылов, Р. С. Багин, К. Д. Смирнова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Частноправовые механизмы обеспечения финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов в условиях санкционного давления и валютной волатильности

Аннотация. В статье исследуются современные тенденции правового регулирования экономических отношений в условиях санкционного давления и высокой волатильности валютного курса. Авторы рассматривают возможности гражданского права как основного инструмента самостоятельной адаптации хозяйствующих субъектов к неблагоприятным внешним факторам. На примере реальной производственной организации ООО «ИНФИНЕТ», специализирующейся на выпуске коммуникационного оборудования, демонстрируется наличие значительного разрыва между формальной финансовой устойчивостью компании и низкой эффективностью использования правовых механизмов для улучшения ее финансового положения. Особое внимание уделяется форвардным контрактам, договорам факторинга, корпоративным инструментам, а также механизмам хеджирования валютных рисков. Рассматривается влияние принципов свободы договора, диспозитивности и добросовестности (ст. 1, 10, 421 Гражданского кодекса Российской Федерации) на возможность минимизации негативных последствий санкций и валютных колебаний. В работе подчеркивается возрастающая роль частного права в обеспечении финансовой устойчивости организаций в противовес публично-правовому регулированию. Анализируются проблемы правоприменительной практики, связанные с недостаточной правовой грамотностью менеджмента и информационной закрытостью компаний. Авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшей либерализации гражданского законодательства в сфере производных финансовых инструментов и цифровых активов, а также повышения уровня корпоративной правовой культуры. Предлагаемые частноправовые механизмы позволяют не только оперативно реагировать на текущие вызовы, но и формировать основу для долгосрочного устойчивого развития бизнеса в условиях экономической неопределенности.

Ключевые слова: частное право; экономические отношения; финансовое положение организации; договорные конструкции; производные финансовые инструменты; корпоративное управление; санкции; устойчивое развитие.

В современных условиях функционирования российской экономики, характеризующихся рекордным количеством санкций, разрывом логистических цепочек и высокой волатильностью национальной валюты, возрастает роль частноправовых механизмов регулирования экономических отношений [1; 3; 8]. Принципы свободы договора, диспозитивности и автономии воли участников гражданских правоотношений (ст. 1, 421 ГК РФ) позволяют хозяйствующим субъектам самосто-

тельно конструировать правовые средства защиты своего финансового положения.

Частное право выступает ключевым инструментом адаптации организаций к внешним вызовам. В отличие от публично-правового регулирования, оно предоставляет субъектам возможность гибкого выбора договорных конструкций, направленных на минимизацию рисков и оптимизацию финансовых потоков¹. На примере ООО «Инфинет», осуществляющего производство коммуникационного оборудования, можно проследить, как неиспользование потенциала частноправовых институтов приводит к снижению эффективности деятельности и ухудшению качества оборотного капитала.

Одним из наиболее востребованных направлений является использование производных финансовых инструментов в рамках гражданско-правовых договоров. Форвардные контракты позволяют фиксировать валютный курс на будущее, тем самым хеджируя риски удорожания импортных комплектующих [2; 9]. Применение таких конструкций соответствует положениям гл. 42 ГК РФ и способствует стабилизации себестоимости продукции даже при значительных колебаниях курса рубля.

В отличие от фьючерсных контрактов, форварды не являются стандартизированными и составляются с учетом конкретных требований сторон. В форвардных контрактах следует указывать следующие обязательные пункты:

- *предмет контракта*. Это реализуемый актив, который может быть как реальным товаром, так и финансовым инструментом (например, процентной ставкой);

- *количество актива*, подлежащего поставке, в удобных клиенту единицах;

- *дата поставки актива*, которая является твердо зафиксированной и не может быть изменена;

- *цена поставки (исполнения)* — сумма, которую платит покупатель актива продавцу, фиксируемая в условиях контракта и не подлежащая изменению.

- *форвардная цена* — текущая цена форвардных контрактов на соответствующий актив, устанавливаемая в момент заключения контракта [2].

Не менее важное значение имеют договорные механизмы управления дебиторской и кредиторской задолженностью. Институт факторинга (ст. 824–833 ГК РФ) позволяет организации ускорять поступление денежных средств, улучшая показатели ликвидности и платежеспособ-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. См. также: [4].

ности [5]. Заключение договоров с условиями о скидках за авансовую оплату или отсрочку платежей также относится к сфере частноправового регулирования и направлено на оптимизацию делового цикла.

В корпоративной сфере особое внимание следует уделить возможностям, предоставляемым законодательством об обществах с ограниченной ответственностью. Увеличение уставного капитала за счет дополнительных вкладов участников, заключение корпоративных договоров и использование альтернативных инструментов привлечения финансирования позволяют корректировать структуру капитала в интересах стейкхолдеров [6; 7].

Практическое задействие инструментов из табл. 1 иллюстрирует наблюдаемую в современных условиях тенденцию к повышению значимости частноправовых начал в регламентации хозяйственных отношений в период санкционных ограничений. Путем сужения сферы публично-правового воздействия государство наделяет участников оборота более широкими возможностями по выбору правовых способов охраны своих имущественных прав [3; 8].

Т а б л и ц а 1

**Частноправовые инструменты улучшения
финансового положения организации**

Проблема	Частноправовой инструмент	Правовое основание	Ожидаемый эффект
Валютные риски	Форвардные контракты	Статья 421, гл. 42 ГК РФ	Фиксация курса, снижение себестоимости
Низкая оборачиваемость дебиторки	Договоры факторинга	Статья 824–833 ГК РФ	Увеличение чистого денежного потока
Неоптимальная структура капитала	Корпоративные договоры, облигации	Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»	Повышение финансовой устойчивости
Рост операционных расходов	Договоры на контрактное производство	Статья 421, 779 ГК РФ	Снижение издержек за счет масштаба

Однако на практике многие организации недостаточно активно используют предоставленные гражданским законодательством возможности. Причины этого кроются как в информационной закрытости, так и в недостаточной правовой грамотности управленческого персонала в вопросах сложных договорных конструкций. Перспективным направлением развития законодательства представляется дальнейшее совер-

шенствование регулирования цифровых финансовых активов и производных инструментов с целью повышения их доступности для субъектов среднего бизнеса.

Особую актуальность в контексте частноправового регулирования приобретает проблема влияния международных санкций на автономию воли сторон. В условиях санкционных ограничений стороны вынуждены прибегать к антисанкционным оговоркам в договорах, предусматривающим альтернативные механизмы исполнения обязательств, замену валюты платежа или изменение порядка расчетов и сроков поставки товаров, оказания услуг¹. Судебная практика последних лет свидетельствует о расширении применения принципа свободы договора и признании юридической силы дополнительных договорных условий при условии их соответствия императивным нормам российского законодательства. При рассмотрении экономических споров арбитражные суды все чаще руководствуются принципом добросовестности участников гражданских правоотношений (ст. 10 ГК РФ) и положениями о существенном изменении обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Такой подход позволяет сторонам адаптировать договорные отношения к изменяющимся экономическим условиям без прекращения обязательств, обеспечивая тем самым стабильность гражданского оборота и снижение правовых рисков.

Одним из приоритетных направлений развития современного частного права является цифровизация имущественных отношений. Принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» создало правовые предпосылки для использования цифровых финансовых инструментов в инвестиционной деятельности, в том числе посредством выпуска цифровых финансовых активов (ЦФА). Применение данного механизма расширяет возможности привлечения капитала и представляет практический интерес для производственных предприятий, испытывающих дефицит долгосрочных финансовых ресурсов.

Существенные изменения происходят и в сфере корпоративного права. Заключение корпоративных договоров между участниками хозяйственного общества в соответствии со ст. 67.2 ГК РФ позволяет определить порядок реализации корпоративных прав, распределения прибыли, принятия управленческих решений и выхода участников из общества. Использование данного правового инструмента способствует снижению корпоративных рисков, защите прав участников об-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. См. также: [4].

щества, включая миноритарных, а также повышению устойчивости корпоративного управления.

Анализ финансового положения ООО «Инфинет» (табл. 2) показывает, что в период с 2020 по 2023 г. организация демонстрировала устойчивый рост выручки: ее объем увеличился с 835 717 тыс. р. до 1 014 610 тыс. р. Вместе с тем в 2024 г. данный показатель снизился до 909 378 тыс. р. Несмотря на сохранение удовлетворительных показателей финансовой устойчивости, выявленная динамика свидетельствует о воздействии неблагоприятных внешних факторов, включая снижение деловой и инвестиционной активности хозяйствующих субъектов, а также усиление конкурентного давления со стороны более дешевой импортной продукции, поставляемой из Китайской Народной Республики.

Т а б л и ц а 2

**Отчет о финансовых результатах ООО «Инфинет» за 2020–2024 гг.,
тыс. р.¹**

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Выручка	835 717	950 391	964 323	1 014 610	909 378
Себестоимость продаж	406 573	418 502	415 285	465 904	640 216
Валовая прибыль (убыток)	429 144	531 889	549 038	548 710	269 162
Коммерческие расходы	6 873	7 956	8 015	7 160	7 004
Управленческие расходы	286 513	306 047	357 969	392 324	273 503
Прибыль (убыток) от продаж	135 758	217 886	183 054	149 226	–11 345
Проценты к получению	899	3 349	242	274	—
Проценты к уплате	—	—	—	133	3 227
Прочие доходы	84 205	173 257	219 657	488 012	406 558
Прочие расходы	88 497	166 087	249 561	476 047	643 272
Прибыль (убыток) до налогообложения	132 365	228 405	153 392	161 332	–251 286
Налог на прибыль	23 196	48 234	–34 408	–33 549	48 976
Текущий налог на прибыль	—	—	–34 408	–33 549	–521
Отложенный налог на прибыль	—	—	—	—	49 497
В том числе постоянные налоговые обязательства (активы)	–3 277	2 556	3 730	—	—
Прочее	122	–89	–22	–31	–18
Чистая прибыль (убыток)	109 291	180 082	118 962	127 752	–202 328

Вместе с тем результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что снижение эффективности деятельности организации и ухудшение качества оборотного капитала обусловлены не только измене-

¹ List-Org — проверка контрагентов. — URL: <https://www.list-org.com/> (дата обращения: 11.05.2026).

нием внешнеэкономической конъюнктуры, но и недостаточным использованием современных гражданско-правовых механизмов управления предпринимательскими рисками. В частности, ограниченное применение гибких договорных конструкций и недостаточная проработка системы риск-менеджмента на уровне гражданско-правовых отношений снижают возможности своевременной адаптации предприятия к изменяющимся условиям хозяйственной деятельности и оказывают негативное влияние на результаты его финансово-экономической деятельности.

В дальнейшем развитие правового регулирования экономических отношений должно идти по пути упрощения процедуры использования сложных финансовых инструментов. Нужно совершенствовать правовое регулирование смешанных договоров, сочетающих элементы поставки, факторинга, также целесообразно развитие института рамочных соглашений, позволяющих оперативно адаптировать условия сотрудничества к изменяющимся внешним факторам.

Таким образом, частноправовые механизмы являются не только средством реагирования на текущие экономические вызовы, но и стратегическим инструментом обеспечения долгосрочной финансовой устойчивости организаций. Эффективное применение частноправовых механизмов требует повышения уровня правовой культуры управленческого персонала и дальнейшего совершенствования гражданского законодательства в соответствии с потребностями современной экономики.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в условиях санкционного давления и валютной нестабильности частное право играет определяющую роль в обеспечении финансовой устойчивости организации. Грамотное использование договорных конструкций, производных финансовых инструментов и корпоративных механизмов даст фирме возможность самостоятельно формировать стратегию развития, минимизируя негативное влияние внешних факторов. Также текущее финансовое положение исследуемой организации в целом можно охарактеризовать как нормальное. При этом в ходе анализа были замечены признаки его последовательного ухудшения. Неблагоприятный контекст и негативное воздействие внешних факторов создают почву для продолжения данной тенденции в ближайшие годы.

Дальнейшее развитие законодательства в этой сфере должно быть направлено на расширение возможностей участников экономических отношений при сохранении необходимых гарантий со стороны государства.

Библиографический список

1. Аринушкина О. А. Анализ финансовой устойчивости и платежеспособности организации // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — № 1-1 (107). — С. 6–10.
2. Атаева М., Дурдыева А. Форвардные контракты и правила их использования // Вестник науки. — 2023. — № 4 (61). — С. 25–27.
3. Григорьева Г. Т., Гаврилова О. А. Разработка мероприятий по улучшению экономического и финансового положения предприятия / Г. Т. Григорьева // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — № 1-1 (107). — С. 89–92.
4. Игонина Л. Л., Рошкетаяева У. Ю., Вихарев В. В. Финансовый анализ: учебник. — М.: Русайнс, 2026. — 232 с.
5. Международно́ый институт бизнес-анализа. BABOK: руководство к Своду знаний по бизнес-анализу. Версия 3.0: пер. с англ. — М.: Олимп-Бизнес, 2024. — 611 с.
6. Носова Т. П., Довтаев С.-А. Ш., Шевченко И. П. Теоретические основы проведения анализа финансово-экономического положения организации // Деловой вестник предпринимателя. — 2024. — № 2 (16). — С. 31–33.
7. Олейник А. Н., Шоль В. В., Ховятская Е. А., Святкина К. Н. Оценка финансового положения компании: теоретические аспекты и практические выводы // Вестник Академии знаний. — 2024. — № 1 (60). — С. 265–267.
8. Хузин Б. И. Управление финансовой устойчивостью организации в современных экономических условиях // Вестник евразийской науки. — 2024. — № 3. — URL: <https://esj.today/PDF/43ECVN324.pdf> (дата обращения: 10.05.2026).
9. Hull J. C. Options, futures, and other derivatives. — 11th ed. — Harlow: Pearson, 2022. — 920 p.

В. Б. Малкеров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Некоторые меры по профилактике коррупции

Аннотация. В статье анализируются некоторые причины распространения коррупционных проявлений в России. Автор проводит анализ изменений в трудовом статусе профсоюзов в период с начала 1990-х годов по настоящее время. Обосновывается гипотеза, что ослабление правомочий профсоюзов способствовало росту коррупции в сфере труда.

Ключевые слова: коррупция; коррупционные проявления; профсоюзная организация; работодатель; профилактика коррупции.

Коррупционные проявления в России являются довольно распространенным явлением, и данное обстоятельство объясняется многими причинами, которые свойственны всем (или многим) странам мира, так и имеют определенную национальную специфику. С точки зрения со-

циологии коррупция рассматривается как форма девиантного поведения, но, к сожалению, в современных реалиях подчас именно правомерное поведение встречает негативную оценку в той или иной социальной ячейке. Следует отметить, что именно в коллективах работников, в сфере наемного труда в ряде случаев вырастает и воспроизводится определенная полукриминальная этика, связанная с различными злоупотреблениями, хищениями, нарушениями руководителями трудовых прав отдельных работников и т. д. Воспроизводство и консервация данной полукриминальной этики связаны с тем обстоятельством, что в сложившихся социальных связях той или иной структуры, в том числе и в трудовых коллективах, во всех случаях формируются группы заинтересованных лиц, получающих определенные выгоды от сформировавшихся правил взаимодействий членов данного коллектива. При этом и руководители вышестоящих уровней часто также заинтересованы в полукриминальном комплаенсе и иногда являются и главными выгодоприобретателями. Как уже указывалось выше, причин распространения коррупционных явлений достаточно много, но в рамках данной статьи хотелось бы остановиться на некоторых особенностях Российской Федерации, обусловленных историческим развитием. Резкое изменение экономической формации, которая произошла в нашей стране, привела и к отказу от сложившихся моральных правил, духа коллективизма, характерного для советского экономического строя. Правовой и моральный нигилизм, неизбежный в данных обстоятельствах, дал возможность легко формировать иную форму морали, снисходительно относящейся, а подчас и одобряющую криминальные практики. В сфере наемного труда специфика ситуации заключалась в резком изменении статуса субъектов трудового права.

Прежде всего это касалось правового статуса профсоюзной организации. Формально роль профсоюзов в советское время была довольно существенной. Так, увольнение работника по Кодексу законов о труде РСФСР по инициативе работодателя было возможно только с согласия профсоюзной организации. Проекты локальных нормативных актов принимались только с согласия профсоюзной организации. Профсоюз был инстанцией при разрешении индивидуальных трудовых споров. Сначала работник обращался в комиссию по трудовым спорам, в случае несогласия с решением комиссии, прежде чем обратиться с иском в суд, работник должен был обратиться в профсоюзную организацию данного предприятия и, если профсоюз принимал решение в пользу работника, то уже работодатель должен был или выполнять решение профсоюзной организации, или добиваться его отмены уже в судебном порядке. Таким образом, профсоюзная организация предприятия, концептуально являясь представителем и выразителем интересов работника, фор-

мально была инстанцией, которая выносила решения по индивидуальным трудовым спорам между работником и работодателем. Конечно, некоторая несообразность данного правового регулирования не должна вводить в заблуждения по поводу всесилия прав работников на предприятии, поскольку и работодатель, и профсоюз фактически управлялись партийной организацией, и злоупотребление правом со стороны как отдельного работника, так и трудового коллектива в целом данная система не допускала. Однако она была чрезвычайно эффективна в тех ситуациях, когда нарушались трудовые права работников представителем работодателя, и последний руководствовался не государственными, а личными противоположными мотивами.

Если мы сравним права профсоюзной организации согласно ныне действующему трудовому законодательству и законодательству советского периода, то мы констатируем, что права профсоюза значительно сокращены. Так, согласно ст. 373 ТК РФ, профсоюзная организация не дает согласие, как раньше, на увольнение работника, а лишь только выражает мнение по некоторым основаниям увольнения работника по инициативе работодателя (при сокращении штата, несоответствии занимаемой должности и при системе нарушений). При этом работодатель не обязан выполнять пожелание профсоюза, а лишь принимает его во внимание. Согласно ст. 372 ТК РФ работодатель, при принятии локального нормативного акта, не получает, как раньше, согласие профсоюзной организации, а может лишь принять ее мнение к сведению. Таким образом, разрушение моральных устоев, сформированных в советскую эпоху, и снижение полномочий профсоюзных организаций, в том числе и в сфере контроля и надзора, создали благоприятную почву для формирования коррупционных схем в сфере трудовых отношений. Конечно, можно привести и многие другие обстоятельства, которые способствовали распространению коррупционных практик в нашей стране, но в рамках данной статьи анализируются лишь некоторые факторы, связанные со сферой наемного труда.

В научных трудах, посвященных анализу коррупции, приводится большое количество предлагаемых дефиниций понятию «коррупция». Явление это настолько комплексное и многогранное, что предлагаемые определения не могут дать исчерпывающую характеристику этому широкому понятию. Но, как справедливо отмечалось в научной литературе, в таком явлении, как коррупция, обязательно присутствует подкуп [1]. Очевидно, что и в трудовых правоотношениях данная составляющая присутствует.

Примерами коррупционных практик в сфере труда могут служить некоторые схемы хищений, искажение отчетности, протекционизм при

продвижении по службе и ряд других. Следует согласиться с точкой зрения, поддержанной и международными организациями, что позитивным результатом в борьбе с коррупцией могут добиться лишь те государства, которые смогут обеспечить системный подход в реализации антикоррупционных практик [2]. К данным мерам можно отнести и совершенствование законодательства о государственной службе, и улучшение надзорных и контрольных механизмов, культурно-воспитательную работу и другие механизмы. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться лишь на том инструментарии, который можно порекомендовать для борьбы с коррупционными проявлениями именно в сфере наемного труда.

К особенностям оценки уровня коррупции в России следует отнести то обстоятельство, что в антикоррупционной борьбе задействованы определенные субъекты, которые можно характеризовать как в недостаточной мере мотивированные на полное искоренение коррупции. С другой стороны, в научной литературе, в лучшем случае, звучат предложения о совершенствовании уже существующих инструментариев в борьбе с коррупцией. Например, официально выявление и раскрытие коррупционных преступлений возложено на правоохранительные органы. В связи с этим возникает вопрос, заинтересованы ли они объективно в низком уровне коррупции? Ведь чем ниже уровень коррупции в обществе, тем сложнее выявить и раскрыть коррупционное преступление. С точки зрения автора, необходимо шире задействовать те механизмы, которые бы вовлекали в борьбу с коррупционными проявлениями тех субъектов, которые непосредственно заинтересованы в ликвидации актов коррупции. Это прежде всего рядовые граждане. Ведь именно они не получают те материальные и иные блага, которые они бы получили, если бы не коррупционные акты.

В сфере трудовых правоотношений можно рекомендовать расширение контрольных компетенций общественных организаций, прежде всего тех, которые реально, а не формально представляют интересы трудового коллектива. Действующее законодательство приоритет по защите прав работников оставляет за профсоюзом. Логика в этом есть. Но, с другой стороны, это обстоятельство побуждает работодателя формальными и неформальными механизмами поставить под контроль профсоюзную организацию, навязывая волю всему трудовому коллективу при формальном участии профсоюзов.

В ст. 31, 37 ТК РФ приоритет на ведение коллективных переговоров со стороны работодателя отдан профсоюзным организациям, объединяющим более 50 % работников. Позиция законодателя понятна. Если уже существует организация, представляющая более половины ра-

ботников, то именно и она должна представлять работников, иначе это может внести хаос и дезорганизацию при проведении процедуры проведения коллективных переговоров. В ряде ситуаций это оправдано. Но если большая профсоюзная организация находится под контролем работодателя, то это искажает волю трудового коллектива, способствует снижению контрольных функций профсоюза и тем самым усиливает коррупционные предпосылки. С точки зрения автора, ст. 37 ТК РФ следует изменить. Приоритет на ведение коллективных переговоров может остаться у профсоюзной организации, объединяющей более 50 % работников, но при условии, если другие профсоюзные организации не смогли провести или отказались от проведения общего собрания по избранию представителей по ведению коллективных переговоров.

Библиографический список

1. *Лопашенко Н. А.* Коррупция: методология исследования как научная основа антикоррупционной политики // Антикоррупционная политика в современной России = Anticorruptional policy in modern Russia: монография / под ред. А. В. Малько. — Саратов: СГЮА, 2006. — С. 40–75
2. *Хабриева Т. Я.* Избранные труды: в 10 т. — М.: РАН, 2018. — Т. 10. — 463 с.

И. Э. Мартыненко

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь

Военно-мемориальное право: от концепции к реализации в законодательстве и практике¹

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения формирующейся концепции военно-мемориального права. Автор доказывает социальную и правовую обусловленность систематизации законодательства в этой сфере. Вносятся конкретные предложения по усилению защиты объектов истории и культуры, связанных с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., за счет увеличения представленности таких памятников во всемирном наследии. Предлагается концептуально новый подход, увязывающий сохранность объектов военно-исторического наследия с укреплением национальной безопасности.

Ключевые слова: концептуализация; мемориальное законодательство; право; учебный процесс; совершенствование законодательства; конституционные изменения.

В 2020–2026 гг. отчетливо сформировалась концепция военно-мемориального права (истoki которой можно найти в научных работах послевоенного периода, когда впервые заговорили о необходимости увековечения памяти героев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., что и было масштабно произведено в СССР, сохранилось в Беларуси и России) как система научных взглядов и подходов к организации правовой защиты объектов военно-исторического наследия (памятников, ансамблей, достопримечательных мест, воинских захоронений, мемориалов жертвам войн).

Обусловлено это событиями последних лет — недружественными действиями ряда государств (и их коалиций), а также частично возрождающейся идеологией неонацизма. И вот в целях противодействия этим негативным для человечества течениям в союзном государстве создана система законодательства [3], которая может именоваться (в нашем авторском понимании. — примеч. *И. М.*) как военно-мемориальное, в основе которой соответствующая концепция.

В указанный выше период произведены серьезные конституционные изменения, обеспечивающие развития законодательства по новому вектору. По сути своей на конституционном уровне получила закрепление новая государственная функция защиты исторической правды: ст. 15 Конституции Республики Беларусь дополнена новым положе-

¹ Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г25-079).

нием, а именно: государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. В определенной степени схожее положение содержится в ст. 67.2 Конституции РФ, которое провозглашает, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Включение в текст Конституции понятий «память» (историческая. — примеч. *И. М.*), «историческая правда» и положения о необходимости их защиты являются логическим развитием принципа ответственности государства [2] за сохранение историко-культурного и духовного наследия, с возложением обязанности государства противодействовать всякого рода попыткам фальсификации истории. Эти поправки являются официальной реакцией на постоянные устремления и желания пересмотра и умаления героизма советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [5]. Основной Закон в результате приобрел свойства программного документа, воспитательно-мотивирующие установки и ярко выраженное социально ценностное наполнение [4]. Эти поправки закрепили сложившееся взаимопонимание государства и его граждан по отношению к базовым ценностям.

Итак, как уже понятно, в системе мемориального законодательства главенствующее положение занимает Конституция. Положения Основного закона выражают право на историческую память (конституционное право), которое принадлежит как отдельно взятому гражданину, так и имеет коллективное измерение (т.е. право народа — советского народа), что позволяет говорить о возможности и необходимости использования всего юридического инструментария (иск в суд, возбуждение уголовного дела, установление юридически значимого факта) защиты правды о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., памяти о подвиге народа и Победе в войне, прославляющих эту правду и память в монументах (это и есть мемориализация).

В России и Республике Беларусь важными нормативными правовыми актами в данной сфере являются законы, регулирующие охрану и восстановление объектов культурного наследия, которые устанавливают порядок государственного учета памятников военно-исторического наследия. Так, в Беларуси на государственный учет принято 5 690 историко-культурных ценностей, включая применительно к нашей теме 1 217 памятников истории, многие из которых считаются объектами военно-исторического наследия. К этой же сфере относятся воинские захоронения, которые локализуются по всей территории современной Беларуси, доказывая, какие потери понесла армия и сколь тяжелыми были бои во время войны (изучение учетных документов показывает, что в Государственный список историко-культурных ценностей

Республики Беларусь включены 1 078 воинский захоронений — примеч. *И. М.*).

В контексте защиты исторической памяти мы рассматриваем установленные законодательством меры ответственности [1] за посягательства на объекты и памятники, связанные с Победой в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а также посвященные жертвам фашизма или борьбе с фашизмом места захоронения участников борьбы с фашизмом (памятники, мавзолеи, стелы, обелиски и иные сооружения). Многолетнее исследование проблемы показывает, что ежегодно в стране выявляется не много фактов надругательства над памятниками, установленными в целях увековечения подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Но тем не менее такие случаи есть (в Беларуси ежегодно регистрируется порядка 1–3 преступлений, связанных с надругательством над памятниками защитникам Отечества). Научно-правовой мониторинг [1] свидетельствует, что осквернение воинских мемориалов из националистических побуждений приурочивается к памятным датам (начало Великой Отечественной войны, День Победы и др.). В основном такие преступления совершают молодежные группы антисоциальной направленности, ведомые лидерами непризнанных политических организаций. Именно поэтому установлена ответственность за надругательство над памятниками защитникам Отечества и жертвам войн. И теперь мы подходим к новому принципиальному решению и к выводам.

1. Полагаем, что можно пойти по пути представления национальных памятников, посвященных событиям Великой Отечественной войны, в международном правовом и культурном пространстве: учитывая высокую (мировую) историческую значимость для настоящего и будущих поколений мемориальных комплексов «Брестская крепость-герой» и «Хатынь», рассматривая их как неоспоримый символ героизма и мужества советского народа, подвига сопротивления оккупантам, продолжаем отстаивать идею, неоднократно озвученную нами на международных конференциях и в научной печати, о номинации подобных (на территории Беларуси и России достаточно символов героизма, чтобы ими гордиться — это и мемориальный комплекс «Буйничское поле», и мемориальный комплекс «Курская дуга») мемориалов в Список всемирного и природного наследия, формируемый ЮНЕСКО на основании Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия» 1972 г. (и в этой части, конечно же, учитываем, что Секретариат ЮНЕСКО 30 мая 2024 г. уже включил а Предварительный список, как это предусмотрено, объект — Memorials to the Heroes of the Great Patriotic War: Brest Fortress and Mamayev Kurgan). Ожидается, что к 2028–2029 гг. данная номинация пройдет необходимую экспертную оценку и будет принята.

В развитие вопроса предлагаем пополнить наше (общее) культурное пространство новыми формами и практиками коммеморации, в числе которых, как представляется, может быть воссоздание полей сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и включение их в круг патриотических мероприятий.

2. Предлагаем целях усиления уголовно-правовой защиты исторической правды и памяти о героическом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны обсудить перспективы введения ответственности за ложное толкование определенных исторических событий этого периода: (например, наиболее часто подвергающийся негативной оценке период начала германского вторжения на территорию СССР и неготовности страны к отражению врага; о жизни на оккупированных территориях, о коллаборантах и др.), приводящее к умалению роли советского народа в Победе в Великой Отечественной войне, а также отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором.

3. Обеспечение ответственности за преступления геноцида, совершенные в годы временной оккупации территории Советского союза во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. рассматриваем как одну из мер правовой защиты исторической правды о событиях тех лет, героическом прошлой наших братских стран — Беларуси и России. Предлагаем еще одно (новое в этом контексте) решение: конституционную новеллу — норму, обязывающую государство принимать меры по возвращению в страну культурных ценностей, вывезенных с ее территории в разные исторические периоды, в данном случае в результате оккупации во время Великой Ответственной войны (т. е. когда такое возвращение не состоялось (например, в порядке реституции, в том числе компенсаторной, а также репарации либо репатриации) и ущерб от гибели памятников, культурных ценностей возмещен не был), что придаст системе законодательства об охране военно-исторического наследия более заверченный характер.

4. Учитывая, что историческая память выступает в качестве основы формирования устойчивых ценностей патриотизма и гражданственности, считаем, что необходимо ввести в учреждениях образования юридического профиля дисциплину, в рамках которой с учетом новых вызовов и угроз должны быть разделы «Юридическая защита исторической памяти», «Ответственность за геноцид советского народа», как это сделано в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы, где магистрантам, в том числе и иностранным гражданам, преподается упомянутый выше курс (Правовая охрана историко-

культурного наследия: национальный и международный аспекты. Учебная программа учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальностей 7-06-0421-01 «Юриспруденция», содержащая новые положения о защите исторической памяти и правды. И этот опыт может быть позаимствован.

Итак, 2026 г. ознаменован 85-летием начала участия советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С этого момента начался отсчет героического воинского и трудового подвига, который должен быть мемориализирован. Реализация упомянутого выше конституционного положения о защите исторической правды и памяти о героическом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны предполагает также принятие иных мер, в том числе корректировку нормативных актов, установив, что попытки пересмотреть историю Великой Отечественной войны, фальсификация исторической правды относятся к угрозам национальной безопасности. Как итог — дополнение документов стратегического характера, обеспечивающих национальную безопасность как Республики Беларусь, так и Российской Федерации, а также союзного государства.

Библиографический список

1. *Мартыненко И. Э.* Правовая охрана историко-культурного наследия на национальном и международном уровнях: монография. — 2-е изд. — М.: ИНФРА-М, 2026. — 296 с.
2. *Миклашевич П. П.* Конституционное измерение общественных процессов: главный редактор журнала «Государство и право» в научном диалоге с Председателем Конституционного суда Республики Беларусь, заслуженным юристом Республики Беларусь Петром Петровичем Миклашевичем / беседовал А. Н. Савенков // Государство и право. — 2025. — № 1. — С. 7–13.
3. *Семенников А. Г., Задорожная И. В.* Мемориальное законодательство России: теория и практика // Вестник военного права. — 2021. — № 2. — С. 66–70.
4. *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. — 2020. — Т. 90, № 5. — С. 403–414.
5. *Юсубов Э. С.* Историческая правда о подвиге народа при защите Отечества в свете конституционных поправок 2020 г. // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2025. — № 57. — С. 79–89.

Г. М. Морозова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовые аспекты информационно-цифровой безопасности в условиях киберугроз

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основы информационно-цифровой безопасности: осуществлена группировка современных киберугроз, представлена система нормативно-правового регулирования информационной безопасности в Российской Федерации, сформулированы проблемы, вызовы и перспективы защиты в цифровой среде.

Ключевые слова: информационно-цифровая безопасность; киберугрозы; мессенджеры; МАХ; система нормативно-правового регулирования информационной безопасности.

В условиях стремительного развития цифровых технологий, глобализации цифровых процессов и роста киберугроз правовые аспекты цифровой безопасности крайне актуальны, требуют постоянного совершенствования законодательства и адаптации правовых механизмов к новым реалиям.

Правовые аспекты информационно-цифровой безопасности охватывают совокупность мер по защите личности, общества и государства от информационно-коммуникационных угроз. В Российской Федерации данная сфера регулируется Конституцией, федеральными законами, подзаконными актами и стратегическими документами.

Так, ст. 71 Конституции РФ относит к ведению Федерации обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных.

В соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации понятие «информационная безопасность» рассматривается как состояние защищенности личности, общества и государства от информационных угроз, гарантирующее реализацию конституционных прав и свобод граждан¹.

Теоретические подходы к осмыслению современных угроз расширяются за счет концепций социетальной (акцентирующей внимание на устойчивости социальных групп, их идентичности и культурных традиций) и онтологической безопасности (связанной с чувством экзистенциальной стабильности и доверия к окружающему миру). Именно мессенджеры стали каналом проникновения новых угроз в повседневную

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646.

жизнь. Только за полгода ущерб от кибермошенников превысил сотни миллиардов рублей, а количество предотвращенных терактов, координировавшихся через зарубежные мессенджеры, исчисляется сотнями.

Анализ киберугроз позволил выделить три группы (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Основные группы современных киберугроз

Группа киберугроз	Краткая характеристика	Проявления
Методы социальной инженерии	Претекстинг, фишинг, вишинг, схема «Fake Boss»	Во II квартале 2025 г. только в Telegram зафиксировано более ста таких атак, причем каждая десятая сопровождалась использованием дипфейков
Распространение вредоносного программного обеспечения	Троянец Mamont, троян NFCGate	Троянец Mamont, перехватывающий SMS-подтверждения от банков в 2025 г. увеличил число заражений в десятки раз, а троян NFCGate позволяет красть данные банковских карт
Деструктивный контент и вербовка	Информация, негативно влияющая на психику и поведение индивидов, способствующая противоправным действиям, а также привлечение лиц к противоправным деяниям	По данным МВД, количество преступлений с использованием цифровых технологий в 2024 г. достигло 765 тыс., увеличившись более чем на 13 % ¹

Формируя информационно-цифровую безопасность, государство создает систему нормативно-правового регулирования (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Система нормативно-правового регулирования информационной безопасности в Российской Федерации

Нормативно-правовой акт	Направления регулирования
Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	Определяет принципы ограничения доступа к информации, устанавливает обязанности операторов информационных систем по защите данных, регулирует вопросы предотвращения нарушений в сфере информационно-коммуникационных технологий

¹ Тельманов Д. Киберпреступления в России достигли пика с 2020 г. // Взгляд: деловая газета. — 2025. — 27 янв.— URL: <https://vz.ru/news/2025/1/27/1310949.html> (дата обращения 07.05.2026).

Нормативно-правовой акт	Направления регулирования
Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»	Закрепляет принципы законности и минимизации обработки персональных данных. Обязывает операторов принимать меры для защиты сведений от неправомерного доступа, уничтожения или изменения
Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»	Регулирует защиту информационных систем и сетей, критически важных для функционирования базовых отраслей экономики и общественной жизни. В 2025 г. внесены изменения, обязывающие использовать российское программное обеспечение и программно-аппаратные комплексы на значимых объектах
Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»	Направлен на борьбу с кибермошенничеством. Вводит запрет на использование мессенджеров для коммуникации с гражданами для государственных органов, банков и операторов связи, обязательную маркировку входящих звонков, запрет на передачу SIM-карт третьим лицам без личного присутствия, возможность установки самозапрета на оформление новых договоров об оказании услуг связи. Устанавливает «период охлаждения» для операций через банкоматы
Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»	Усиливает ответственность по ст. 187 УК РФ («Незаконные действия с платежными картами») и вводит новые составы преступлений, связанные с передачей и использованием электронных средств платежа в корыстных целях

В 2024 г. Распоряжением правительства РФ № 4154-р от 30 декабря 2024 г. «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» утверждена Концепция государственной системы противодействия киберпреступлениям, предусматривающая создание цифровой платформы для оперативного обмена информацией между правоохранительными органами, Банком России, кредитными организациями и операторами связи, а также акцент на профилактику преступлений и повышение цифровой грамотности населения.

При этом создается правовая база для национального мессенджера МАХ. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации

(о создании национального мессенджера МАХ)» вводит понятие цифрового ID — электронного аналога документов, приравнивая его предъявление к физическому.

С сентября 2025 г. МАХ включен в список программ, обязательных для предустановки на устройства.

Архитектура безопасности МАХ строится на иных подходах по сравнению с зарубежными аналогами. Вся серверная инфраструктура размещена в России, что исключает трансграничные утечки.

Разработчики минимизировали запрашиваемые разрешения: МАХ требует 63 разрешения против 71 у Telegram и 85 у WhatsApp. Интеграция с сервисом «Госуслуги» через Цифровой ID позволяет верифицировать аккаунты, делая создание фейковых профилей государственных ведомств невозможным. Для корпоративных пользователей внедрено решение VKey, исключающее использование паролей и основанное на биометрической аутентификации.

Круглосуточный Центр безопасности работает по гибридной модели: нейросетевые фильтры выявляют аномальную активность, сложные случаи передаются модераторам. Скорость реакции на жалобы — 3–5 мин, тогда как в зарубежных платформах она может растягиваться на сутки. Эффективность подтверждается цифрами: к концу 2025 г. ежедневная аудитория МАХ достигла 46 млн чел., заблокировано 700 тыс. подозрительных аккаунтов, удалено более миллиона вредоносных файлов, предотвращено хищение на сумму свыше 300 млн р.¹

Сравнительный анализ с зарубежными аналогами выявляет принципиальное различие в философии безопасности.

Если WhatsApp и Telegram делают ставку на сквозное шифрование, оставляя пользователя один на один с угрозами, то МАХ предлагает встроенные инструменты защиты: проверку репутации звонящего на базе Kaspersky Who Calls, биометрическую аутентификацию, оперативное взаимодействие с правоохранительными органами. Результатом становятся не просто блокировки аккаунтов, а реальные задержания преступников и возврат похищенных средств — то, что для зарубежных платформ из-за юрисдикционных барьеров недостижимо.

Как показывает практика, любая система имеет определенные уязвимости. Для решения проблем требуется комплексный подход (технические, социально-психологические и прочие меры)².

¹ 40 задержанных мошенников и 700 заблокированных аккаунтов — мессенджер МАХ опубликовал итоги 2025 г. // RB.RU. — 25 декабря 2025. — URL: <https://rb.ru/news/40-zaderzhannyh-moshennikov-i-700-zablokirovannyh-akkauntov-messendzher-max-opublikoval-itogi-2025-goda/> (дата обращения: 08.05.2026).

² Вяткина А., Осипова А. Актуальные киберугрозы: I–II кварталы 2025 г. // Positive Technologies. — 2025. — 3 дек. — URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/aktual-nye-kiBERugrozy-i-ii-kvartaly-2025-goda/> (дата обращения: 07.05.2026).

В более широкой перспективе МАХ имеет все шансы стать ядром экосистемы доверенных сервисов — банковских, медицинских, образовательных — в едином защищенном контуре.

Ключевое преимущество — предсказуемость правовой среды и отсутствие риска внезапной блокировки по решению иностранного регулятора.

Правовые проблемы, вызовы и перспективы защиты информационно-цифровой безопасности связаны с быстрым развитием технологий, трансграничностью информационных потоков, автоматизацией процессов и новыми формами общественных отношений (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Проблемы, вызовы и перспективы защиты в цифровой среде

Проблемы и вызовы	Перспективные направления
«Догоняющий» характер законодательства — скорость появления новых мошеннических схем опережает адаптацию правового регулирования.	Опережающее правовое регулирование. Усиление международного сотрудничества в сфере правовой помощи по киберпреступлениям.
Сложности преследования преступников, действующих из-за рубежа.	Создание учебных программ для подготовки специалистов в области кибербезопасности.
Нехватка квалифицированных кадров в сфере киберследствия и цифровой криминалистики.	Внедрение упрощенных процедур взыскания ущерба с виновных лиц.
Проблемы правоприменения (затягивание сроков расследования, формальное приостановление дел).	Масштабная просветительская кампания для повышения цифровой грамотности населения
Низкий уровень цифровой грамотности	

Также важно развивать технические решения (антифрод-системы, биометрические технологии, системы мониторинга транзакций) и совершенствовать механизмы контроля за соблюдением законодательства.

Таким образом, правовые аспекты информационно-цифровой безопасности требуют постоянного анализа, обновления законодательства, международного сотрудничества и работы над совершенствованием механизмов защиты прав и интересов личности, общества и государства в условиях цифровой трансформации.

В. А. Руколеев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Состояние межведомственного электронного взаимодействия в современных условиях

Аннотация. В статье рассмотрены примеры из судебной практики, располагающие к размышлениям о качестве межведомственного электронного взаимодействия. Автор анализируется уровень развития процессов электронного обмена сведениями с позиций степени готовности штата субъектов взаимодействия к работе с цифровыми инструментами и технического состояния самих цифровых инструментов, выявляются проблемы и предлагаются их решения.

Ключевые слова: электронное взаимодействие; сведения; информация; электронная форма; публичные функции; публичное управление; информационная система; обмен сообщениями.

В условиях цифровизации и автоматизации процессов публичного управления межведомственное электронное взаимодействие является не просто технологическим инструментом, а фундаментальным принципом осуществления публичных функций. Сущность межведомственного электронного взаимодействия состоит в преодолении ведомственной разобщенности и создании единого информационного пространства, в котором субъекты взаимодействия смогут обмениваться сведениями в электронной форме [2]. Взаимодействие происходит между органами власти как одного уровня, так и разных уровней. Налажено взаимодействие между органами власти и организациями, выполняющими публично значимые функции [1].

Межведомственное электронное взаимодействие базируется на программных и технических средствах единого электронного сервиса. С их помощью обеспечивается корреляция информационных систем субъектов при обмене сведениями. Действует технология гарантированной доставки электронных сообщений, фиксируются факты движения. Электронные сообщения подразделяются на типы: запрос; ответ; отмена. Возникновение технической ошибки при передаче сообщения, препятствующей его доставке адресату, фиксируется. Оповещение о технической ошибке сопровождается текстовым описанием возникшей ошибки и ее кодом. Исходя из вероятности сбоев в работе системы межведомственного электронного взаимодействия, а также отмены запроса (неполучение адресатом), адресанту рекомендуется отслеживать получение сообщения. В некоторых случаях это является обязанностью. К примеру, по смыслу ч. 1, 2 ст. 6 и ч. 4 ст. 14 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производ-

стве» (Закон № 229-ФЗ) судебный пристав-исполнитель обязан отслеживать исполнение выданных им постановлений (требований). Чаще обмен сведениями для принудительного исполнения актов органов власти и их должностных лиц ведется посредством системы межведомственного электронного взаимодействия. Тем не менее на практике имеют место случаи бездействия. Рассмотрим примеры.

Гражданину Ф. И. О. на праве собственности принадлежала одна четвертая доли жилого помещения (квартиры). В апреле 2020 г. в отношении гражданина возбуждено исполнительное производство по взысканию административного штрафа. Позднее, а именно в октябре 2020 г., в рамках этого исполнительного производства судебным приставом-исполнителем было вынесено постановление о запрете регистрационных действий в отношении его доли в праве общей долевой собственности на квартиру. В Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) внесена запись об ограничении прав и обременениях на объект недвижимости. Через несколько месяцев исполнительное производство в отношении гражданина Ф. И. О. окончено на основании п. 9 ч. 1 ст. 47 Закона № 229-ФЗ, т. е. в связи с истечением срока давности исполнения акта по делу об административном правонарушении. Судебным приставом-исполнителем издано постановление о снятии запрета на совершение регистрационных действий, которое якобы направлено в территориальный орган Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) в форме электронного документа посредством системы межведомственного электронного взаимодействия. Гражданин Ф. И. О. умер, наследником является дочь. Реализовывать наследственные права по распоряжению наследственным имуществом она не могла по причине того, что запрет на совершение регистрационных действий фактически не снят. Ее представитель направил жалобу на бездействие должностного лица — судебного пристава-исполнителя руководителю территориального органа Федеральной службы судебных приставов (ФССП). На обращение ответ не последовал. Это явилось поводом для обращения в суд с административным иском к территориальному органу ФССП. Судом было установлено, что на момент подачи искового заявления запрет на совершение регистрационных действий в отношении доли в праве общей долевой собственности на квартиру не снят. Также судом установлен факт вынесения судебным приставом-исполнителем постановления о снятии названного запрета и направления его через систему межведомственного электронного взаимодействия в территориальный орган Росреестра. Однако соответствующее постановление не было обработано адресатом, так как не поступило в электронном виде. Доказательств получения адресатом доку-

мента материалы дела не содержат, не получило подтверждения данное обстоятельство и в ходе судебного заседания. Судом отмечено, что законодательство об исполнительном производстве возлагает на судебного пристава-исполнителя обязанность отслеживать исполнение направляемых им постановлений. Запись в ЕГРН погашена лишь после подачи искового заявления. Судебный пристав-исполнитель нарушил срок направления постановления в регистрирующий орган, предусмотренный ч. 8 ст. 80 Закона № 229-ФЗ. Его бездействие, выразившееся в несвоевременном направлении постановления о снятии запрета на совершение регистрационных действий, признано незаконным¹. В суд второй инстанции ФССП подана апелляционная жалоба. Орган власти просит отменить решение суда и вынести по делу новое решение об отказе в удовлетворении требований истца. В жалобе указано, что судебным приставом-исполнителем нарушений законодательства не допущено, должностное лицо действовало в пределах возложенных на него полномочий, права и законные интересы истца не нарушались. Должностное лицо, по мнению ответчика, не обязано проверять получение постановления и его исполнение регистрирующим органом. В письменных возражениях территориального органа Росреестра делается акцент на отсутствие оснований для отмены решения суда первой инстанции. Решение суда первой инстанции оставлено без изменений². Кассационная инстанция аналогичным образом подтвердила его законность и обоснованность³.

Другой пример. В производстве суда города N находится гражданское дело по иску гражданина Ф. И. О. к ООО «N» о признании права собственности на ряд жилых помещений (квартир). Определением Арбитражного суда N области приняты обеспечительные меры в виде ареста на спорные квартиры, а позднее выдан исполнительный лист. На основании этого судебным приставом-исполнителем возбуждено исполнительное производство в отношении должника ООО «N» в пользу взыскателя — гражданина Ф. И. О. В ходе производства вынесены постановления о наложении ареста на имущество должника и о запрете регистрационных действий в отношении объектов недвижимости. В установленный срок последнее постановление в форме электронного документа не поступило в регистрирующий орган. ООО «N» заключены сделки по отчуждению ряда квартир третьим лицам.

¹ *Решение* Ленинского районного суда г. Смоленска от 29 августа 2024 г. по делу № 2а-585/2024.

² *Апелляционное определение* Смоленского областного суда от 6 мая 2025 г. № 33а-1031/2025.

³ *Кассационное определение* Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 октября 2025 г. № 88а-24552/2025.

Гражданин Ф. И. О. обратился в суд с исковым заявлением к судебному приставу-исполнителю о признании его бездействия незаконным. Судом установлено, что соответствующее постановление было направлено в Росреестр посредством системы межведомственного электронного взаимодействия. В подтверждение предоставлен снимок экрана из программного комплекса, в котором отражена дата отправления, исходящий номер отправления и статус «отправлено». В системе нет указаний на наличие ошибки при отправлении. В судебном заседании представитель регистрирующего органа пояснила, что постановление в течение трех дней не поступало и поступило только спустя год. Также представителем было отмечено об отсутствии в перечне поступивших постановлений обсуждаемого постановления. Из пояснений ФССП постановление не принято электронным сервисом из-за неизвестной ошибки. Было сказано о не наличии описания возникшей ошибки в руководстве пользователя. К компетенции органа власти вопросы о работе программного комплекса не отнесены. Суд пришел к выводу, что законодательством не предусмотрена обязанность судебного пристава-исполнителя повторно направлять постановления без уведомления об ошибке. Контроль за фактическим исполнением постановления регистрирующим органом безоснователен. Должностным лицом были приняты достаточные меры по ограничению регистрационных действий. Требования гражданина Ф. И. О. не удовлетворены¹. Вышестоящая инстанция не согласилась с подобными выводами. Из апелляционного определения следует, что снимок экрана из программного комплекса не констатирует выполнение требований законодательства. Отображаемый статус «отправлено» не может свидетельствовать об успешной загрузке сообщения и получения его адресатом. Должностное лицо не выявило факт получения постановления регистрирующим органом, не получило от него подтверждение об исполнении постановления. Судебный пристав-исполнитель ограничился формальным вынесением постановления. Обязанность по направлению постановления в форме электронного документа не реализована. А значит отчетливо прослеживается незаконное бездействие судебного пристава-исполнителя. Решение суда первой инстанции отменено, взамен него принято противоположенное решение². Суд кассационной инстанции оставил апелляционное определение в силе³.

¹ Решение Орджоникидзевского районного суда г. Новокузнецка от 28 декабря 2023 г. № 2а-1594/2023

² Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 10 апреля 2024 г. № 33а-3042/2024.

³ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31 октября 2024 г. № 88А-23234/2024.

Таким образом, рассмотренные примеры из судебной практики подталкивают к размышлениям о качестве межведомственного электронного взаимодействия. Развитие процессов электронного обмена сведениями зависит от степени готовности штата субъектов взаимодействия к работе с цифровыми инструментами. Состояние же самих цифровых инструментов, способных обеспечивать безопасное и стабильное взаимодействие, также имеет немалое значение.

Библиографический список

1. *Новеллы в государственном строительстве после конституционных поправок 2020 г.*: монография / под. ред. А. Т. Карасева. — М.: Проспект, 2024. — 184 с.

2. *Трофимец И. А.* Топология межведомственного информационного взаимодействия в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния // Административное право и процесс. — 2026. — № 1. — С. 43–46.

А. Н. Семин, Е. С. Орлова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Регламентация закупочного бизнес-процесса как инструмент повышения эффективности управления в оптовой торговле

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты регламентации закупочного бизнес-процесса в организации неспециализированной оптовой торговли. Предлагается организационно-регламентная модель совершенствования закупочно-тендерного процесса, включающая классификацию процедур, единый реестр статусов и скоринговую оценку поставщиков.

Ключевые слова: закупочный бизнес-процесс; регламентация; тендерные процедуры; управление поставщиками; цифровизация; эффективность закупок.

В условиях усложнения логистических цепочек, расширения электронных закупочных процедур и роста требований к документальному сопровождению контрактов закупочная деятельность перестает быть вспомогательной функцией предприятия. Для организации оптовой торговли закупки становятся исходным звеном формирования маржинальности, договорной дисциплины и способности своевременно исполнять обязательства перед заказчиками.

Как справедливо отмечают К. Ш. Алиева, Ю. А. Тин и В. С. Лосев, моделирование и оптимизация бизнес-процессов организации при-

обретают особое значение в условиях повышения требований к операционной эффективности [1]. Закупочный бизнес-процесс представляет собой устойчивую последовательность управленческих, аналитических, договорных, учетных и логистических действий, посредством которых предприятие обеспечивает себя товарами, работами и услугами, необходимыми для последующей коммерческой реализации.

Особенность закупочного процесса в неспециализированной оптовой торговле состоит в широкой номенклатуре и неоднородности товарных позиций. Компания данного профиля работает с разными группами товаров, поставщиками, условиями поставки, сроками годности и требованиями к хранению. Поэтому закупочное решение требует не только ценового сравнения, но и оценки надежности поставщика, регулярности поставок, качества товарной документации и рисков последующего исполнения контракта [2].

В научной литературе бизнес-процесс обычно трактуется как упорядоченная совокупность взаимосвязанных операций, преобразующих входы в результат, значимый для внутреннего или внешнего потребителя. Применительно к закупкам входами выступают потребность в товаре, заявка клиента, тендерная документация, прогноз спроса, данные о запасах и коммерческие предложения поставщиков. Выходами становятся заключенный договор, поставленный товар, исполненное обязательство перед клиентом и финансовый результат сделки [4].

Регламентация является базовым инструментом оптимизации закупочного процесса, поскольку без закреплённого порядка действий цифровые решения и аналитические методы остаются фрагментарными.

Наиболее значимый результат регламентации состоит в переводе закупочной деятельности из персонализированного режима в процедурный. Персонализированный режим возникает тогда, когда порядок действий зависит от опыта конкретного сотрудника и устных договоренностей. Процедурный режим предполагает наличие единого стандарта, позволяющего сопоставлять заявки, оценивать сроки, выявлять отклонения и перераспределять задачи без потери управляемости.

Анализ деятельности ООО «Химпром» — организации, осуществляющей неспециализированную оптовую торговлю бытовой химией, дезинфицирующими средствами и хозяйственными товарами, позволяет выявить ключевые проблемы закупочного бизнес-процесса. В 2023–2025 гг. закупочно-тендерная активность предприятия приобрела значительно более высокий денежный масштаб по сравнению с ранним периодом участия в конкурентных процедурах по Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Если за 2016–2022 гг. совокупная сумма выигран-

ных процедур составила 5,67 млн р., то только за 2023 г. объем отыгранных закупок достиг 88,28 млн р.

Одновременно выявлены процессные ограничения: внутреннее согласование заявки может занимать до 5–7 дн.; информация рассредоточена между ЕИС, электронными площадками, «1С», таблицами, корпоративными чатами и личными реестрами; выбор поставщиков по части позиций сохраняет субъективный характер; связь тендерного расчета со складскими остатками требует усиления.

Для преодоления выявленных ограничений предлагается организационно-регламентная модель совершенствования закупочно-тендерного процесса, основанная на трех принципах. Первый принцип — единая ответственность за прохождение заявки, означающая, что по каждой закупочной процедуре фиксируется владелец процесса, контролирующий движение заявки от отбора тендера до закрытия результата. Второй принцип — нормирование времени по стадиям: для стандартных процедур устанавливается предельный срок обработки, для сложных — отдельный маршрут согласования. Третий принцип — однократная фиксация данных, когда информация о закупке вносится в единый реестр один раз и используется всеми участниками процесса без повторного ручного переноса.

Предлагаемая модель включает несколько взаимосвязанных элементов. Классификация закупочных процедур по уровню сложности позволяет дифференцировать маршрут согласования: простая малая закупка с типовым товаром и понятным поставщиком требует короткого согласования, тогда как закупка с новым поставщиком, крупной суммой либо жестким сроком поставки должна проходить расширенную проверку.

Единый регламент движения заявки закрепляет последовательность операций, сроки, ответственных лиц и критерии перехода между стадиями. Каждая стадия завершается конкретным результатом: первичный отбор — присвоением категории процедуры; расчет — заполненной калькуляцией; согласование — решением «участвовать или отказаться»; подача заявки — подтверждением регистрации на площадке.

Единая форма калькуляции закупочно-тендерной процедуры включает начальную максимальную цену контракта, закупочную стоимость товара, транспортные расходы, комиссию электронной площадки, расходы на обеспечение исполнения контракта, плановую маржу и минимально допустимый порог участия. Такая унификация позволяет сократить зависимость результата от индивидуального опыта сотрудника и снизить риск заключения контракта с низкой либо отрицательной экономической отдачей [3].

Единый электронный реестр закупочно-тендерных процедур заменяет разрозненное движение информации между таблицами, личными реестрами и сообщениями в корпоративных чатах. В реестре отражаются номер процедуры, заказчик, предмет закупки, категория сложности, срок подачи заявки, ответственные лица, сумма закупки, расчетная маржа, статус согласования, результат участия и стадия исполнения.

Скоринговая оценка поставщиков основана на пяти критериях: цена, срок поставки, наличие товара, документальная дисциплина и надежность по истории взаимодействия. По итогам оценки поставщик получает интегральный балл. Поставщики с высоким баллом включаются в приоритетный перечень, со средним — допускаются к закупке при дополнительной проверке, с низким — используются только при отсутствии альтернатив.

Увязка тендерного расчета со складскими остатками предполагает фиксацию одного из трех статусов товарного обеспечения: товар есть на складе; товар подтвержден поставщиком; товар требует поиска поставщика. Для каждого статуса устанавливается разный уровень риска и разный порядок согласования.

Система контрольных точек встроена в процесс таким образом, чтобы ошибка выявлялась до возникновения обязательства перед заказчиком. Ключевыми контрольными точками являются: соответствие закупки профилю компании; проверка требований документации; подтверждение цены и срока поставки; расчет маржинальности; решение об участии; подтверждение готовности товара; контроль отгрузки; контроль оплаты.

Как отмечает Д. А. Царевский, цифровая среда сама по себе не устраняет управленческих разрывов. При отсутствии единого регламента, закреплённых сроков и понятных критериев выбора поставщика даже развитая информационная инфраструктура может воспроизводить дублирование данных и зависимость от ручных согласований [5]. Поэтому регламентация закупочного бизнес-процесса выступает необходимым условием эффективного использования цифровых инструментов.

Для оптовой торговой организации важнейшим экономическим параметром закупочного процесса выступает соотношение закупочной цены, операционных затрат и ожидаемой маржинальности. В такой логике минимальная закупочная цена не всегда означает экономически оптимальное решение. Поставщик с более высокой ценой, но устойчивыми сроками и полным комплектом документов может быть выгоднее поставщика с низкой ценой и высоким риском срыва поставки.

Особое значение регламентация приобретает для предприятий, участвующих в тендерных процедурах по федеральным законам от 5 ап-

реля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Здесь закупка связана не только с обычной потребностью в товаре, но и с необходимостью предварительного расчета возможности участия, проверки требований заказчика, подготовки заявки и контроля сроков исполнения контракта. Ошибка на этом этапе способна привести к выигрышу экономически невыгодного контракта либо к отказу от процедуры, которая могла обеспечить положительный финансовый результат.

Проведенное исследование показывает, что регламентация закупочного бизнес-процесса в неспециализированной оптовой торговле выступает ключевым инструментом повышения управляемости закупок, сокращения внутренних издержек и укрепления устойчивости исполнения контрактных обязательств. Предложенная организационно-регламентная модель, основанная на классификации процедур, едином реестре статусов, формализованном расчете маржинальности и скоринговой оценке поставщиков, позволяет устранить основные ограничения действующего процесса: длительное согласование, информационную рассредоточенность и субъективность выбора контрагентов.

Библиографический список

1. Алиева К. Ш., Тин Ю. А., Лосев В. С. Моделирование и оптимизация бизнес-процессов организации // Вестник Тихоокеанского государственного университета. — 2023. — № 1 (68). — С. 143–152.
2. Ветрова А. Д., Панина У. Е., Довгаль Н. А. Оптимизация управления запасами торгового предприятия с помощью ABC/XYZ-анализа // Вестник Академии знаний. — 2024. — № 6 (65). — С. 191–194.
3. Лавров А. С. Повышение эффективности управления закупками в организации на основе инновационных технологий // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2023. — № 1-1 (95). — С. 162–165.
4. Мороз Д. Н., Прокопенко М. Л., Ринас Н. А. Применение методов моделирования для оптимизации бизнес-процессов в информационных системах // Журнал монетарной экономики и менеджмента. — 2025. — № 1. — С. 282–286.
5. Царевский Д. А., Валинурова А. А., Привалов А. Н., Данилова С. В. Совершенствование бизнес-процессов организации на основе внедрения современных информационных технологий // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. — 2024. — № 3 (61). — С. 72–80.

Ю. А. Старшова, А. В. Курдюмов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

**Фиктивное и преднамеренное банкротство
как антиконкурентные практики:
проблемы правовой квалификации
и судебно-экспертной диагностики**

Аннотация. В статье исследуются проблемы правовой квалификации и судебно-экспертной диагностики фиктивного и преднамеренного банкротства как антиконкурентных практик, направленных на недобросовестное устранение хозяйствующих субъектов с рынка. Рассматривается нормативно-правовое регулирование института банкротства в Российской Федерации, анализируются правовые признаки фиктивного и преднамеренного банкротства, а также методические подходы к их выявлению в рамках судебной экономической экспертизы.

Ключевые слова: фиктивное банкротство; преднамеренное банкротство; антиконкурентные практики; судебная экономическая экспертиза; несостоятельность; субсидиарная ответственность; оспаривание сделок; защита конкуренции.

В условиях развития рыночной экономики институт банкротства является механизмом правового регулирования предпринимательской деятельности и обеспечения стабильности гражданского оборота. Вместе с тем практика последних лет свидетельствует о том, что институт несостоятельности все чаще обращается недобросовестными контрагентами в целях неоправданного давления на конкурентов, ухода от расчетов по принятым обязательствам и вывода ликвидных активов за пределы конкурсной массы.

По сведениям Единого федерального реестра сведений о банкротстве, в 2025 г. в арбитражных судах Российской Федерации находилось на рассмотрении более 218 тыс. дел о банкротстве, что подтверждает высокую востребованность данного правового механизма и одновременно наличие системных рисков его злоупотребления¹. При этом особенно сложным для правоприменения остается обнаружение признаков фиктивного либо преднамеренного банкротства, поскольку подобные действия, как правило, тщательно маскируются под обычную хозяйственную деятельность и нередко опосредованы цепочками многоступенчатых финансовых операций, существенно затрудняющих достоверную оценку реального имущественного положения должника.

¹ Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. – URL: <https://bankrot.fed-resurs.ru> (дата обращения: 28.04.2026).

В связи с этим особую актуальность приобретает совершенствование правовых и методических инструментов противодействия данным антиконкурентным практикам.

Основополагающее значение в регулировании отношений, связанных с банкротством, имеет Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», определяющий несостоятельность как признанную арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Преднамеренное банкротство, согласно ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), представляет собой совершение руководителем или учредителем действий, заведомо влекущих неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов. Фиктивное банкротство, предусмотренное ст. 197 УК РФ, определяется как заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности. Как справедливо отмечает С. А. Карелина, фиктивное банкротство представляет собой заведомо ложное объявление организации о собственной неплатежеспособности при фактическом наличии возможности удовлетворения требований кредиторов, тогда как преднамеренное банкротство связано с умышленным совершением действий, направленных на ухудшение финансового состояния организации и доведение ее до состояния устойчивой неплатежеспособности [1].

Основное различие между этими двумя видами заключается в том, что при фиктивном банкротстве должник фактически способен исполнить обязательства, но искусственно создает видимость неплатежеспособности, тогда как при преднамеренном банкротстве должник умышленно ухудшает свое финансовое положение с целью уклонения от исполнения обязательств.

В соответствии с Временными правилами проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденными Постановлением Правительства РФ № 855 от 27 декабря 2004 г., к числу основных признаков преднамеренного банкротства относятся заключение экономически необоснованных сделок, повлекших ухудшение финансового состояния должника, отчуждение имущества по цене существенно ниже рыночной, вывод активов через аффилированные структуры, сокрытие имущества, перечисление денежных средств аффилированным лицам при отсутствии встречного исполнения обязательств.

Признаки фиктивного банкротства включают наличие у организации реальной возможности погашения обязательств, достаточность

имущества для удовлетворения требований кредиторов, отсутствие объективных причин ухудшения платежеспособности, а также сокрытие активов или занижение их стоимости в отчетности. В контексте антиконкурентных практик особую опасность представляют случаи использования процедур банкротства для устранения конкурентов, проявляющиеся в искусственном создании кредиторской задолженности у конкурента через аффилированные структуры, инициировании процедуры банкротства на основе сомнительных требований, скупке требований кредиторов для получения контроля над процедурой и использовании банкротства как инструмента рейдерского захвата.

В силу сложности финансовых схем, используемых при совершении фиктивного и преднамеренного банкротства, установление его признаков требует применения специальных экономических знаний. Судебная экономическая экспертиза является процессуальной формой использования таких знаний в целях исследования финансовохозяйственной деятельности организации и установления обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения дела судом. Правовые основы проведения судебной экспертизы определяются Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также Арбитражным процессуальным кодексом РФ, согласно ст. 82 которого суд вправе назначить судебную экспертизу для разъяснения вопросов, требующих специальных знаний.

В рамках экспертного исследования используются три основных подхода. Коэффициентный подход базируется на расчете и интерпретации системы финансовых коэффициентов, характеризующих ликвидность, платежеспособность, финансовую устойчивость и рентабельность организации.

Модельный подход предполагает использование экономико-математических моделей прогнозирования банкротства, включая модель Альтмана, Бивера, Лиса и Савицкой. Наибольшее распространение получила пятифакторная модель Альтмана, позволяющая количественно оценить вероятность банкротства предприятия. Экспертно-аналитический подход основан на профессиональной оценке действий руководства, сделок и финансовой отчетности организации, позволяя выявить признаки фиктивного и преднамеренного банкротства, которые не всегда отражаются в коэффициентах или моделях.

Анализ судебной практики показывает, что наиболее эффективным является комплексный подход, сочетающий все три метода. В деле № А40-154909/2015 судебная экономическая экспертиза позволила установить факты систематического вывода активов должника через

аффилированные организации, что послужило основанием для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности¹.

Признание банкротства фиктивным или преднамеренным влечет серьезные правовые последствия. В соответствии со ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», сделки, совершенные должником в течение трех лет до принятия заявления о признании его банкротом, могут быть признаны недействительными при наличии признаков неравноценного встречного исполнения или причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Согласно ст. 61.11 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», лица, контролирующие должника, несут субсидиарную ответственность по обязательствам должника в случае, если банкротство наступило вследствие их действий или бездействия. В данном случае вступает в силу механизм защиты прав кредиторов посредством субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Административно-правовые последствия предусмотрены ст. 14.12 Кодекса об административных правонарушениях РФ, устанавливающей ответственность за фиктивное или преднамеренное банкротство в виде административного штрафа для должностных лиц в размере от 5 до 50 тыс. р., а для юридических лиц — от 50 до 500 тыс. р. Уголовно-правовые последствия включают ответственность по ст. 195–197 УК РФ: неправомерные действия при банкротстве (до пяти лет лишения свободы), преднамеренное банкротство (до шести лет лишения свободы) и фиктивное банкротство (до пяти лет лишения свободы).

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить ряд системных проблем, связанных с выявлением и квалификацией фиктивного и преднамеренного банкротства. В настоящее время в Российской Федерации отсутствует единая унифицированная методика проведения судебной экономической экспертизы по делам о фиктивном и преднамеренном банкротстве. Как следствие, эксперты используют различные подходы к анализу финансовой отчетности, что ведет к разрозненности экспертной практики, различиям в выводах при анализе сходных ситуаций и снижению доказательственной ценности экспертных заключений.

Существенной проблемой остается сложность доказывания причинно-следственной связи между действиями руководства и наступившей неплатежеспособностью. Для квалификации действий как предна-

¹ Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.04.2026).

меренного банкротства необходимо доказать, что ухудшение финансового состояния организации наступило именно вследствие действий ее руководства, а не под влиянием внешних экономических факторов [2]. Установление такой причинно-следственной связи является одной из наиболее сложных задач судебной экономической экспертизы.

Современные способы доведения организаций до банкротства отличаются высокой степенью сложности и включают использование аффилированных структур, транзитных денежных потоков, фиктивных сделок и других элементов, затрудняющих выявление признаков недобросовестного поведения. На практике эксперты часто сталкиваются с отсутствием первичной бухгалтерской документации, банковских выписок, регистров бухгалтерского учета и иных документов, необходимых для проведения полноценного финансового анализа.

Одной из наиболее серьезных проблем является смешение экономических и юридических выводов в экспертных заключениях. Эксперт не вправе давать правовую квалификацию действиям должника, устанавливать умысел или квалифицировать действия как преступление, однако на практике такие формулировки нередко встречаются в экспертных заключениях, что становится основанием для их оспаривания.

На основе проведенного анализа представляется целесообразным предложить следующие направления совершенствования. В сфере нормативно-правового регулирования необходима разработка и утверждение единой обязательной методики проведения судебной экономической экспертизы по делам о фиктивном и преднамеренном банкротстве.

Учитывая сложность современных схем преднамеренного банкротства, требуется развитие специализации экспертов в области банковских операций, корпоративных схем, налоговых аспектов банкротства и анализа аффилированности. Организация внутреннего рецензирования подготовленных экспертных заключений способна стать действенным механизмом повышения качества судебно-экспертных исследований, позволяя своевременно обнаруживать недочеты и пробелы в аргументации до момента передачи заключения в судебные инстанции.

В отношении судебной практики представляется оправданной разработка унифицированных подходов к диагностике фиктивного и преднамеренного банкротства, предполагающая обобщение сложившихся методов оценки экспертных заключений, алгоритмов установления причинно-следственной связи между действиями должника и наступившей неплатежеспособностью, а также критериев квалификации поведения как недобросовестного. Дополнительно целесообразно интенсифицировать процессуальное взаимодействие между судом и экспертом, в частности на этапе предварительного определения круга вопросов, выноси-

мых на экспертное разрешение, с привлечением профильных специалистов в целях корректной постановки задач в границах экспертной компетенции.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что результативное противодействие обозначенным злоупотреблениям возможно лишь при условии реализации системного подхода, объединяющего дальнейшее развитие нормативно-правового регулирования, стандартизацию методического сопровождения судебно-экономических экспертиз, систематическое повышение профессионального уровня экспертов и формирование последовательной судебной практики.

Особое значение в этом процессе имеет судебная экономическая экспертиза, являющаяся ключевым инструментом объективного установления финансового состояния организации и выявления признаков искусственного ухудшения платежеспособности.

Библиографический список

1. *Карелина С. А.* Правовое регулирование планирования в процессе несостоятельности (банкротства) // Арбитражный и гражданский процесс. — 2008. — № 7. — С. 38–41.
2. *Синицын Н. А., Карпухина А. А.* Судебная финансово-экономическая экспертиза в арбитражном процессе в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 12-2 (51). — С. 72–74.

Т. В. Сысоева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Ответственность адвокатов при выборе позиции защиты: публичные и частноправовые аспекты

Аннотация. В статье исследуется круг проблем, связанных с уголовной ответственностью в отношении адвокатов при выборе позиции защиты. Автор отмечает, что деятельность адвоката при выборе позиции — это ключевой этап защиты, который предопределяет все дальнейшие действия, и предлагает пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: адвокат; преступление; ответственность; доверитель; позиция защиты.

Адвокатура в нашей стране — это институт гражданского общества, который не входит ни в одну структуру государственных органов, абсолютно независимое сообщество лиц, получивших статус адвокатов.

Важное значение данного института подчеркивает известный современный процессуалист В. А. Семенцов, по мнению которого адвокатура, как наиболее квалифицированная организация юридической помощи, несет основную нагрузку по ее оказанию [2].

Осуществляя свою деятельность, адвокаты подчиняются только закону. Главной целью адвокатской деятельности является оказание помощи своему доверителю всеми незапрещенными законом средствами. В связи с этим возникает вопрос, какие средства будут законными? Иногда в погоне за оправдательным приговором адвокат использует метод «все средства хороши для достижения желаемого результата», а также термин «победителей не судят». Но так ли это? Будет ли считаться дело выигрышным, если использовались различные незаконные методы? Думаю, что ответ очевиден.

Деятельность защитника при выборе позиции — это самый важный этап защиты, который включает анализ доказательств и, как итог, формирование правовой позиции, которая предопределяет все дальнейшие действия адвоката. Основные аспекты деятельности адвоката при выборе позиции включают различные активные действия, такие как изучение материалов дела, опрос лиц, предположительно владеющих информацией по делу, сбор доказательств и документов, анализ соответствия реальных обстоятельств по делу нормам процессуального и материального права, а также анализ смягчающих и отягчающих обстоятельств по делу.

Позиция защитника должна согласовываться с мнением доверителя, она не может противоречить позиции доверителя однако защитник должен действовать активно для опровержения или смягчения обвинения в целях формирования наиболее правильной линии защиты, которая должна основываться только на законе.

Адвокат, согласно законодательству об адвокатуре и адвокатской деятельности приносит присягу, т. е. дает клятву защищать своего доверителя всеми не запрещенными законом средствами, соблюдая Конституцию, все законы нашей страны и кодекс профессиональной деятельности адвоката. Именно с этого дня гражданин получает статус адвоката и становится членом Адвокатской палаты. Присяга — это фундаментальная база профессиональной ответственности адвоката перед обществом и законом.

Разберем часто встречающуюся на практике ситуацию. Адвокат вступает в дело и при ознакомлении с материалами понимает, что доказательственная база очень слабая и без признательных показаний подзащитного вряд ли будет достаточной для предъявления ему обвинения. Деятельность защитника в этом случае должна быть направлена

на поиск доказательств невиновности своего доверителя, выдвижения альтернативных версий.

Так как адвокат является правовым советником, будет ли законным совет адвоката своему доверителю не признавать вину, хотя в частной беседе с ним он признался в совершении преступления? Чтобы ответить на данный вопрос необходимо обратиться к законодательным актам нашей страны.

Итак, основной закон Российской Федерации — Конституция (ст. 51) прямо указывает на то, что каждый имеет право не свидетельствовать против себя самого и своих близких. Данное право можно использовать на любом этапе допроса или следственных действий. Отказ от дачи показаний по этой статье не является признанием вины.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ), подозреваемый имеет право не свидетельствовать против себя самого и своих близких, отказаться от дачи показаний. Аналогичным образом п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ предоставляет обвиняемому право давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. Подозреваемый (обвиняемый) не несет уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, поскольку на него распространяются положения ст. 51 Конституции РФ. Постановления Пленума Верховного Суда РФ неоднократно подчеркивали важность соблюдения конституционных прав обвиняемых и подозреваемых при производстве следственных действий.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) предусматривает уголовную ответственность за дачу ложных показаний, а также за отказ от дачи показаний только для свидетелей и потерпевших (ст. 306, 307 УК РФ). Уголовный кодекс РФ факт непризнания вины подсудимым даже не относит к обстоятельствам, отягчающим ответственность (ст. 63 УК РФ). Данная правовая норма носит исчерпывающий характер.

Проанализировав действующее законодательство на предмет того, будет ли законным совет своему доверителю не признавать вину, можно сделать вывод, что деятельность адвоката в этом вопросе будет абсолютно законной.

Адвокат может посоветовать своему доверителю признать свою вину в полном объеме, не признавать свою вину полностью, признать свою вину частично, отказаться от дачи показаний, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ. Данные действия, согласно закону, будут расцениваться как выбранная позиция защиты, главное, чтобы она была согласована и одобрена доверителем.

Однако, если адвокат при этом пытается подкрепить непризнательную позицию своего доверителя свидетельскими показаниями либо показаниями потерпевшего, склонив их к даче ложных показаний

в суде, то такая адвокатская деятельность, безусловно, будет признана не законной. Потому, как говорилось выше, для свидетелей и потерпевших предусмотрена уголовная ответственность за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний. При доказанности данных фактов против самого адвоката может быть возбуждено уголовное дело по ст. 309 УК РФ за подкуп или принуждение к даче показаний или по ч. 2 ст. 303 УК РФ за фальсификацию доказательств по делу.

В связи с этим хотелось бы акцентировать внимание на том факте, что ответственность для адвоката наступит только в том случае если он знал, что свидетели будут давать ложные показания, так как сам их и подстрекал к этому. Если же доверитель предоставил адвокату неправдивые сведения по поводу несовершения им преступления и сам подговорил свидетелей и потерпевших дать ложные показания в свою пользу, то к ответственности адвоката привлечь нельзя, так как на нем не лежит обязанность устанавливать истину по делу.

Рассмотрим противоположную позицию защиты, когда адвокат, выслушав своего доверителя и ознакомившись с материалами дела, пришел к выводу, что доказательственная база крепкая и будет лучше для его доверителя, чтобы он дал признательные показания.

Как известно, признание вины, раскаяние в содеянном, явка с повинной, помощь в раскрытии преступления признаются законом как смягчающие обстоятельства (ст. 61 УК РФ), а в некоторых случаях даже могут быть признаны исключительными обстоятельствами по делу (ст. 64 УК РФ).

Поэтому деятельность адвоката в этом случае должна быть направлена на выявление всех смягчающих вину доверителя обстоятельств. Согласно ст. 61 УК РФ, перечень обстоятельств, смягчающих вину, содержащийся в этой норме, не является исчерпывающим. Задача адвоката — найти все возможные обстоятельства, которые помогут смягчить наказание. А также провести активную работу по нейтрализации отягчающих обстоятельств.

Однако, если по жалобе доверителя на адвоката будет установлено, что адвокат неверно оценил ситуацию по поводу имеющихся доказательств по делу и в интересах доверителя, лучше было бы выбрать непризнательную позицию, имеются все основания для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, вплоть до лишения его статуса. Как отмечает Е. О Басурина, дисциплинарная ответственность — это вид юридической ответственности адвоката, наступающей за нарушение требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката [1].

Понятно, что при решении вопроса о выборе дисциплинарного наказания (замечание, предупреждение или лишение статуса адвоката)

будут учитываться все обстоятельства, в частности, имел ли адвокат умысел навредить своему подзащитному или речь идет о грубой неосторожности адвоката, об ошибке, возникшей в результате неверного анализа материалов дела.

На практике встречаются ситуации, когда несмотря на правовые советы адвоката — защитника, подсудимый настаивает на своей, противоположной от мнения адвоката позиции. Может ли в этом случае адвокат занять свою позицию, отличную от воли доверителя? Согласно законодательству об адвокатуре и адвокатской деятельности, адвокат не в праве занимать позицию, противоположную позиции своего доверителя (ст. 6). В качестве исключения из этого правила прописан только один случай, когда подзащитный признает свою вину, а адвокат уверен в том, что он себя оговаривает. Например, водитель нарушил правила дорожного движения, в результате чего погиб человек. Подзащитный берет всю вину на себя, хотя за рулем был не он, а его жена. В этом случае адвокат имеет право говорить о невиновности своего подзащитного.

В случае, если подзащитный настаивает на своей невиновности, даже если адвокат считает, что все доказательства имеются для привлечения его к ответственности, адвокат обязан занять позицию, идентичную позиции своего доверителя. Попытаться его убедить в своей правоте, объяснить своему доверителю возможные правовые последствия такой позиции.

Например, виновный совершил кражу чужого имущества, данное преступление квалифицируется по ст. 158 УК РФ. Части 1 и 2 этой статьи относятся к категории небольшой и средней тяжести и при признательной позиции данное уголовное дело может быть рассмотрено в особом порядке. В этом случае назначенное наказание не может быть более двух третей от максимального наказания, от всех процессуальных издержек подсудимый освобождается. В противном случае, если виновный не признает свою вину, он не может ходатайствовать о рассмотрении дела в особом порядке и, соответственно, перечисленные «льготы» на него не распространяются.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что при выборе позиции защиты адвокат должен тщательно проанализировать все имеющиеся материалы дела, действовать исключительно в рамках закона, так как малейшее отступление может привести к тому, что адвокат сам попадет в орбиту действий правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Басурина Е. О. Дисциплинарная ответственность адвоката в правозащитной деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. — М., 2013. — 220 с.
2. Семенов В. А. Конституционные основы правозащитной деятельности в аспекте организации бесплатной юридической помощи // Юридические вести Кубанского государственного университета. — 2021. — № 4. — С. 7–15.

Н. А. Тряпочкин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Признание фактов в рамках ст. 65 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации по спорам физических лиц с Федеральной налоговой службой

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения отдельных положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, которые на практике остаются нерешенными. Автор анализирует один из таких пробелов — применение ст. 65 в делах, посвященных спорам граждан, например с Федеральной налоговой службой. Предлагаются возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: Федеральная налоговая служба; признание фактов; процессуальный оппонент; тяжущиеся; административное судопроизводство; признание; освобождение от доказывания.

Признание фактов как цивилистический процессуальный институт, еще два столетия назад приковавший к себе внимание весьма видных русских ученых-юристов [2] на сегодняшний день словно перестал интересовать научное сообщество. Огромное количество проблем при ближайшем обращении к содержанию его положений независимо от источника (Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ), Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ)) по какой-то необъяснимой причине остаются неразрешенными, в том время как сам он продолжает функционировать [3]. Заметим, что мы совершенно сознательно избегаем формулировок по типу «активно применяется», поскольку данные судебных статистик не позволяют в этом убедиться — подобные «моменты» в деятельности судов просто не освещаются.

Одним из вопросов, который, очевидно, необходимо обсудить, является применение положений ст. 65 КАС РФ, содержащей описание и процедуру механизма освобождения лиц, участвующих в деле, от до-

казывания отдельных фактов, в отношении которых в ходе исследования доказательств по делу прозвучало признание.

Само по себе признание факта при сведении его качественных характеристик и описания к минимуму представляет из себя следующее.

Положим, что один из тяжущихся, истец или ответчик, заявляет о необходимости исследовать отдельно взятый факт, полагая важным убедиться в его истинном характере. Процессуальный оппонент вместо каких-либо возражений не только не желает его опровергать, но и, возможно, внезапно для всех присутствующих выражает свое согласие со словами противоположной стороны и подтверждает подлинность, например, произошедшего события. Тем самым он совершает акт распоряжения своей волей, адресуя его суду, и освобождает соперника от обязанности использовать какие-либо доказательства для подтверждения конкретного события. Суд, убедившись в отсутствии пороков воли, волеизъявления или добросовестного заблуждения «утверждает» произошедшее, занося соответствующие «данные» в материалы дела [5].

Здесь и начинается самое интересное. Признание фактов при более подробном рассмотрении имеет ряд весьма специфических характеристик, будь то предмет (доказательство, событие, правовая квалификация), субъект (только материально заинтересованный), конечный адресат (суд), которые, как ни странно, и создают те самые проблемы. Наша проблема может вкратце звучать так — непонятно, применима ли вообще ст. 65 КАС РФ в делах по спорам физических лиц, например, с Федеральной налоговой службой (ФНС России).

Начнем с того, что КАС РФ, будучи, видимо, «нелюбимым ребенком» ГПК РФ, унаследовал от своего «родителя» нормы практически в первозданном виде. Законодатель выделил ряд положений из особенной части ГПК РФ, снабдил их слегка обновленной общей частью, тем самым ознаменовав «рождение» нового закона. Сказанное вполне применимо и к положениям об освобождении от доказывания, содержащихся в упомянутой выше статье. Безусловно, разница есть, однако она минимальна (фактически же сводится лишь к наличию возможности заключить соглашение по обстоятельствам дела (ч. 1 и 2 ст. 65 КАС РФ)).

Далее, при «переносе» содержания ст. 68 ГПК РФ в ст. 65 КАС РФ, автор закона так и не поставил точку в издавна существовавшей, если ее вообще можно считать таковой, дискуссии о том, кто может заявлять признание фактов применительно к таким научным понятиям, как материальный и процессуальный истец. Это буквально «спор Шредингера», поскольку дискуссия с одной стороны должна быть, а с другой — никем никогда развита не была — то ли ее задел просто решили игнорировать, то ли никто ее просто не заметил [1]. Изначально предполагалось, что

заявлять о признании факта может лишь субъект, материально заинтересованный по отношению к предмету спора. Отсюда, например, прокурор признание заявлять не может [6]. По этой же логике с учетом фактического переноса положений дореволюционного законодательства о заявлении признания в ГПК РФ 2002 г. было негласно постановлено, что органы государственной власти (ОГВ) и органы местного управления (ОМС) этого права лишены, поскольку все выступают в качестве процессуального субъекта. Однако и мы уже поднимали однажды данный вопрос о том, как быть в той ситуации, когда представитель органа не может отрицать предъявленный к исследованию факт [5].

Например, прокурор не может не соглашаться с тем, что субъект, чьи трудовые права он отстаивает в процессе, находился в соответствующих отношениях с ответчиком, который долго не выплачивал своему работнику заработную плату. Врать он тоже не может, следовательно, пускай и не совершая (хотя это тоже обсуждаемо) активных действий, соглашаясь с данным фактом, он в действительности совершает его признание. Таким образом, признание поступает именно от процессуального истца.

Что мы получаем на практике — дискуссия о возможности органов государственной власти совершать признание изначально даже не была начата, соответственно, не развита в дальнейшем. Отсюда, по крайней мере нам, не до конца понятно, отстранился ли законодатель сейчас от своей позиции о невозможности ОГВ и ОМС заявлять признание или нет.

Следует предположить, что он от нее отошел, поскольку в спорах между физическими лицами и органами государственной власти к последним могут быть предъявлены требования о компенсации материального и морального вреда, а следовательно, они имеют непосредственное отношение к предмету спора и выступают материально заинтересованной стороной конфликта. Тем не менее это не дает нам ответа на вопрос об их возможности заявлять признание, поскольку, даже определившись с их реальным статусом тяжущегося, последний тут же «бьется» о правило о распределении бремени доказывания.

Логика построения гл. 22 КАС РФ, в частности положений ч. 9, 11 ст. 226, явно свидетельствует о том, что бремя доказывания законности своих действий лежит на органе государственной власти, поскольку именно последний должен подтвердить, что оспариваемые действия (бездействие) или решение соответствуют положениям закона. Слабая сторона в лице истца, физического лица, доказывает лишь сам факт нарушения и соблюдение сроков обращения в суд.

Таким образом, здесь просто нет места признанию фактов, поскольку бремя доказывания распределено так, что при подтверждении

события одним из субъектов, согласно закону, не требуется его удостоверение со стороны другого. Например, физическое лицо не может обращаться к механизму признания факта в момент, когда ФНС России доказывает суду законность совершенного им действий со ссылкой на конкретные положения какого-либо закона. То же самое применимо и в отношении ФНС России, когда физическое лицо занято, например, подтверждением соблюдения сроков обращения в суд. Признание фактов, в каком бы то ни было виде, здесь просто не нужно. Отсюда также нет необходимости выяснять, кто имеет материальную заинтересованность по отношению к предмету спора, а кто — процессуальную (оба субъекта в данном случае имеют материальную заинтересованность).

Следующий не менее странный момент связан уже лишь с ФНС России, как ответчиком. Часть 5 ст. 65 предполагает, что в случае обнаружения пороков воли или волеизъявления суд возвращается к доказыванию конкретных обстоятельств, а в отношении заявленного признания выносит соответствующее определение об отказе в принятии. То есть законодатель не отрицает факт того, что представитель органа государственной власти может заявлять признание факта под влиянием какого-то, например, внешнего фактора? Как такое вообще может быть при условии того, что та же деятельность ФНС России предполагает ведение строгой внутренней отчетности, в том числе по совершаемым сотрудником действиям, каждое из которых оформляется отдельно взятым актом и регулируется законом — Налоговым кодексом Российской Федерации? Понятно, что отдельно взятый сотрудник, независимо от органа, может совершить действия, противоречащие норме закона, однако в теории в содержании ч. 5 ст. 65 это практически открыто презюмируется.

Отсюда непонятен сам смысл этого положения по отношению к ОГВ или ОМС, поскольку вся их деятельность задокументирована, и максимум, что можно из этого «выжать» — это неверное толкование закона (если не углубляться в исследование действительных обстоятельств, приведших к принятию конкретного решения). Из всего перечня присутствующих в ст. 65 негативных внешних факторов, полагаем, что единственным вариантом в данной ситуации будет являться то, что законодатель именует добросовестным заблуждением, которое, видимо, следует понимать как неправильное толкование закона отдельно взятым специалистом органа государственной власти. Скрытие обстоятельств, угроза, насилие являются уголовно наказуемыми деяниями, если совершаются должностным лицом в отношении граждан или, наоборот, в отношении самого сотрудника государственного органа.

Поэтому видится разумным полагать, что ч. 5 ст. 65, если мы все же настаиваем на том, что она применима в рамках споров физических

лиц с ФНС России, является единственной действующей частью статьи об освобождении от доказывания. Однако было сказано выше, что в подобного рода делах нет ни одной общей группы фактов, которые бы требовали подтверждения доказательств от обеих сторон спора, а следовательно, и та оставшаяся здесь ч. 5 ст. 65 также совершенно бесполезна при рассмотрении судами конкретной категории споров по гл. 22 КАС РФ.

Что из себя представляет то самое добросовестное заблуждение тоже не до конца понятно. Высказанные выше соображения относительно того, что это неверное толкование права со стороны сотрудника ОГВ или ОМС, лишь наше возможное допущение и не более того.

Библиографический список

1. *Васьковский Е. В.* Избранные работы польского периода: пер. с польск. — М.: Статут, 2016. — 637 с.
2. *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России: собственность, обязательства и средства судебного хранения: юридические очерки. — СПб.: Тип. 2 отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1877. — Т. 1. — 447 с.
3. *Тряпочкин Н. А.* Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы. — М.: Статут, 2024. — 122 с.
4. *Тряпочкин Н. А., Кулюшин Е. Н.* К вопросу о признании прокурором фактов в арбитражном и административном судопроизводствах // Право, политика, управление: риски в условиях суверенизации экономики: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 9 октября 2025 г.). — Екатеринбург: УрГЭУ, 2026. — С. 117–120.
5. *Тряпочкин Н. А., Кулюшин Е. Н.* Признание фактов в административном судопроизводстве: дифференциация с гражданским и арбитражным судопроизводствами // Юридическая наука. — 2023. — № 10. — С. 117–120.
6. *Юдельсон К. С.* Судебное признание как основание освобождения от доказывания в советском гражданском процессе // Методические материалы, вып. 2. — М., 1948. — С. 62–78.

А. С. Федотова

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Проблемные аспекты взаимодействия норм публичного и частного права в сфере экономики

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия норм публичного и частного права в контексте развития современных правоотношений в сфере экономики, выявляются проблемы в различных направлениях, анализируются причины и предлагаются направления их решения.

Ключевые слова: публичное право; частное право; коллизии; межотраслевое регулирование.

Нормы права являются основными регуляторами отношений во всех сферах жизни, включая и экономику. Современные общественные отношения строятся на приоритете правового решения возникающих конфликтов. Но как быть в ситуации, когда между самими действующими правовыми нормами возникает конфликт? Такая ситуация возникает наиболее часто, когда речь идет о пересечении норм публичного и частного права при регулировании одного типа отношений. Это возможно в различных сферах: начиная от семейных отношений [1], регулирования информационной среды [3; 5] и заканчивая вопросами экономики [6].

Проблема несогласованности норм публичного и частного права при регулировании экономических отношений возникает из-за изначально разных целей, стоящих перед этими двумя сферами права. Дело в том, что нормы частного права призваны защищать индивидуальные экономические интересы и регулировать равноправные отношения участников рынка (договоры, собственность), нормы же публичного права, напротив, защищают интересы всего общества, устанавливая обязательные правила и ограничения (налоги, лицензирование, технические регламенты). Это приводит часто к тому, что нормы, устанавливающие те или иные права, оказываются в прямой зависимости от тех норм, которые устанавливают ограничения при реализации существующих прав. В реальной экономической жизни индивидуальные и общественные интересы постоянно пересекаются, и именно в точках их соприкосновения возникают основные коллизии.

В результате анализа правовых актов, практики их применения и научных позиций был выделен ряд наиболее частых проблемных зон, которые будут рассмотрены далее.

Во-первых, можно отметить существующий конфликт санкций и правовых последствий. Так, нарушение публично-правового запрета не всегда однозначно определяет последствия в частном праве. На практике это связано с тем, что применение публично-правовой нормы (например, лишение компании права работать без лицензии) не означает автоматического наступления частноправовых последствий (например, немедленное расторжение действующих договоров и возврат всех сумм). Можно отметить и ситуацию, когда нарушение валютного или санкционного режима не всегда означает автоматическое прекращение гражданских обязательств сторон. В данном случае есть два вида рисков, когда добросовестные предприниматели попадают в ситуацию неопределенности, с одной стороны, не имея возможности предсказать, к каким гражданско-правовым последствиям приведет их налоговое, валютное или иное публично-правовое нарушение, а с другой — не обладая механизмом защиты от мошенников, злоупотребляющих своими права, пользуясь подобными коллизиями.

Во-вторых, стоит упомянуть существование коллизий норм равной юридической силы, что формирует «правовой тупик». Значительная часть проблем возникает из-за того, что противоречия могут существовать между законами одного уровня. Согласно Конституции РФ, такие сферы, как финансовое, валютное, таможенное регулирование и основы ценовой политики находятся в исключительном ведении Федерации. Это значит, что коллизии между нормами Гражданского кодекса (частное право) и, например, Налогового кодекса (публичное право) являются достаточно распространенными [4]. Важно, что в подобном случае классический принцип верховенства закона не может быть применен.

В-третьих, сложности возникают в тех сферах, где публичные и частные интересы переплетены наиболее тесно. Например, государственно-частное партнерство, когда возникает проблема четкой границы между определением публичного и частного интереса, что влияет на специфику распределения рисков и выгод между государством и бизнесом.

Нельзя не отметить и тот факт, что публично-правовое начало проявляется в гражданском и арбитражном процессе, когда в делах участвуют государственные органы. Это приводит к дуализму статусов участников, формируя двойственную природу оценки самих правовых явлений.

В-четвертых, наоборот, проблема возникает там, где нет четкого понимания сферы интересов, она остается как бы не востребованной. Например, права самозанятых лиц. С одной стороны, защита их прав относится к категории их гражданских прав, однако с другой — обя-

занностью государства [2]. Но государство не может навязать защиту собственных прав, что формирует конфликт между необходимостью создания социальных гарантий для указанных субъектов и невозможностью их обеспечения в том случае, если гражданин сам не заинтересован в этом.

Таким образом, ученые-правоведы признают, что в XXI веке четкие границы между частным и публичным правом размываются, активно идут процессы конвергенции и взаимопроникновения, что формирует сложности при реализации существующих прав и формировании поля для контроля за исполнением обязанностей. В рамках научных подходов определяется проблема определения допустимых пределов такого взаимовлияния и поиска эффективного сочетания частно-правовых и публично-правовых средств в механизме правового регулирования. При этом такой поиск открывает достаточно широкий круг перспектив для развития правовых институтов, что дает возможность формировать новые правовые подходы и разрабатывать систему подходов междисциплинарного уровня. В качестве одного из примеров такого подхода выступает инструмент межотраслевого правового регулирования правоотношений, возникающих на грани публичного и частного права. Примером является законодательство о защите прав потребителей, где гражданско-правовые механизмы регулирования договорных отношений сочетаются с публично-правовыми гарантиями для достижения единой цели.

Несогласованность механизмов публичного и частного права представляет собой проблему, приводя к конфликту правовых последствий при нарушениях, коллизиях законов равной силы, сложностям в смешанных правовых институтах. При этом развитие правовых отношений не стоит на месте, и сложно себе представить, что действующие институты не будут меняться, особенно в контексте объединения полей общественных и индивидуальных интересов. Основной путь решения видится в поиске баланса через межотраслевое регулирование, которое должно исключить возникающие коллизии и позволить повысить эффективность действующих норм. Это, безусловно, потребует от профессионального сообщества пересмотра действующих позиций и повышения квалификации для нового взгляда на формирующиеся правовые отношения.

Библиографический список

1. Бондаренко И. В., Махиборода М. Н., Фроловская Ю. И. Юридическая коллизия норм частного и публичного права при разрешении вопроса о снижении брачного возраста // Закон и право. — 2022. — № 12. — С. 99–102.

2. Громова Н. С., Иванова С. В., Кивилева В. П. Социальные гарантии самозанятых лиц в Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Кад- ровик. — 2025. — № 10. — С. 105–110.

3. Мусалов М. А. Цифровая эпоха: проблемы и особенности взаимодействия публичного и частного права // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 1 (229). — С. 134–137.

4. Попенко М. С., Спириадис Р. Р. Соотношение налогового и граждан- ского права через призму договора залога // Эпомен. — 2019. — № 34. — С. 244–250.

5. Северин В. А. Информационное право как комплексная отрасль права и наука // Пробелы в российском законодательстве. — 2025. — Т. 18, № 2. — С. 61–66.

6. Шамова И. В. Финансовые вопросы правового регулирования имуще- ственных отношений: обеспечение баланса частных и публичных интересов // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы VII Между- нар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 19–20 мая 2023 г.). — Тамбов: Державинский, 2023. — С. 554–556.

В. А. Цибилов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы соблюдения бюджетного законодательства при организации закупок в сфере оборонно-промышленного комплекса

Аннотация. В статье анализируется проблема эффективности ис- пользования бюджетных средств государственными заказчиками при осу- ществлении закупок в сфере государственного оборонного заказа. Авто- ром определяются проблемы соблюдения бюджетного законодательства и предлагаются пути решения существующих несоответствий.

Ключевые слова: гособоронзаказ; оборонно-промышленный ком- плекс; монополия; затратный метод ценообразования; единственный по- ставщик.

Президентом России В. В. Путиным в марте 2026 г. органам госу- дарственной власти поставлена задача повысить эффективность сис- темы ценообразования в государственном оборонном заказе (ГОЗ), используемой государственными заказчиками (в первую очередь, Ми- nobороны России) и кооперациями исполнителей¹. Выполнение дан-

¹ Президент России Владимир Путин выступил на расширенном заседании колле- гии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — URL: <http://www.scrf.gov.ru/newsallnews/3999/> (дата обращения: 05.05.2026); Путин поручил сделать эффективнее систему ценообразования Минобороны. — URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/26628701> (дата обращения: 05.05.2026).

ной задачи предполагает повышение прозрачности в определении состава затрат, понесенных в процессе производства конкретного изделия.

В настоящий момент кооперации исполнителей государственных оборонных контрактов включают, главным образом, предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), многие из которых работают исключительно для производства военной продукции по ГОЗ, выступают в государственных закупках как единственные поставщики, использующие затратный метод определения цен на свою продукцию, что создает предпосылки для монопольного завышения таких цен.

ОПК и ГОЗ тесно связаны. Официального определения ОПК нет. Однако путем объединения правовых норм, содержащихся в подп. «к» п. 8 Военной доктрины 2014 г., подп. 2 п. 3 ст. 21 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» и на основании Постановления Правительства РФ от 20 февраля 2004 г. № 96 «О сводном реестре организаций оборонно-промышленного комплекса» можно данное определение сформулировать следующим образом.

Оборонно-промышленный комплекс — это структурный элемент военной организации государства, включающий совокупность юридических лиц, которые состоят в сводном реестре организаций ОПК и создают современные комплексы вооружения, военной и специальной техники в интересах укрепления обороноспособности страны и безопасности государства, реализуют преимущества Российской Федерации в условиях конкуренции и сохраняют позиции на российском и мировом рынках высокотехнологичной промышленной продукции. Непосредственно в сфере ОПК реализуется государственная программа «Развитие оборонно-промышленного комплекса». Ее ответственным исполнителем является Минпромторг России.

Государственный оборонный заказ — это установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами. ГОЗ регулирует порядок формирования заказов, выбора исполнителей, исполнения контрактов и меры контроля. Основной заказчик по ГОЗ — это Министерство обороны Российской Федерации. Силовое ведомство является ответственным исполнителем государственной программы вооружения и государственной программы «Обеспечение обороноспособности страны».

ОПК обеспечивает производство оборонной продукции, а ГОЗ является инструментом закупок у предприятий ОПК, одновременно обеспечивая путем осуществления таких закупок рентабельность производства.

Государственное регулирование цен на продукцию по ГОЗ осуществляется в целях эффективного использования бюджетных средств (ст. 34 БК РФ). Принцип эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

Однако в этом принципе скрывается в определенной доле противоречие. С одной стороны, оценить степень экономности при закупках по ГОЗ вполне возможно путем определения состава затрат и порядков ценообразования на предмет того, насколько данные затраты соответствуют перечню затрат, установленных приказом Минпромторга от 8 февраля 2019 г. № 334 «Об утверждении порядка определения состава затрат, включаемых в цену продукции, поставляемой в рамках государственного оборонного заказа». С другой стороны, достаточно сложно определить степень результативности закупок по ГОЗ. Необходимы четкие критерии результативности и возможность сравнения качества закупаемой продукции у различных поставщиков, подрядчиков, исполнителей. Как было ранее сказано, закупки по ГОЗ в большей степени осуществляются у единственного поставщика, и возможность такого сравнения фактически отсутствует. Результативность закупок вооружения военной и специальной техники (ВВСТ), в том числе разработки перспективных образцов ВВСТ также можно оценить только по результатам применения вооружения (военной, специальной техники) в боевых действиях¹. К примеру, прежде чем приступить к производству беспилотных средств в промышленных масштабах, необходимо провести апробацию экспериментальных образцов, оценить их боевую эффективность и затем внести в них конструктивные изменения, запустить в производство. Такие работы имеют высокую степень неопределенности конечного результата и перманентно сопровождаются перерасходом бюджетных средств.

¹ *Какие* испытания проходит техника до поступления на вооружение в войска. — URL: https://rg.ru/2020/08/23/kakie-ispytaniia-prohodit-tehnika-do-postupleniia-na-vooruzhenie-v-vojska.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 05.05.2026).

Финансовые показатели и в целом финансирование закупок по ГОЗ осуществляется в разрезе государственных программ Российской Федерации. Предельные объемы финансирования в процессе осуществления закупок не должны быть превышены, а правила ценообразования не должны быть нарушены. В свою очередь, федеральными органами государственной власти, осуществляющими и участвующими в государственном регулировании сферы ОПК, должны создаваться оптимальные условия для рационального размещения и своевременного выполнения ГОЗ. В процессе регулирования должен быть достигнут баланс интересов государственного заказчика и головного исполнителя вместе со всеми членами кооперации исполнителей. С одной стороны, заказчик будет стремиться к достижению экономии бюджетных средств и результативности закупок, а с другой стороны, исполнители всех уровней будут заинтересованы в повышении доли прибыли.

Следует отметить, что ценообразование в ГОЗ — это отдельная, исключительно сложная область. Она требует от специалиста глубоких знаний не только экономики, но и технологии производства. Отчетность по ценам и себестоимости регламентируется отдельными приказами Минпромторга, в частности приказом № 334, и является предметом контроля правоохранительных органов и ФАС. Основная задача — обосновать, что цена контракта не превышает сложившийся уровень рыночных цен и соответствует фактическим затратам на производство. На практике это означает необходимость ведения и постоянного обновления базы данных цен на сырье, материалы и комплектующие, используемые в производстве. Источниками такой информации являются контракты с поставщиками, данные биржевых торгов, официальные статистические сборники, экспертные оценки. Согласно Постановлению Правительства России от 2 декабря 2017 г. № 1465 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» специалисты применяют установленные методы обоснования цены, основным среди которых является затратный метод, используемый единственными поставщиками продукции военного назначения.

В настоящий момент ситуация в сфере ценообразования в ГОЗ выглядит следующим образом. В системе ГОЗ отдельно взятая организация, исполняющая оборонный контракт, не оказывает существенного влияния на размер цены. В сложных системах вооружения, состоящих от 20 до 70 тыс. комплектующих, головные исполнители и их дочерние компании производят не более 30 % таких комплектующих. К примеру,

при производстве новейшего самолета Су-57 задействовано множество организаций, в том числе из состава ГК «Ростех» и Объединенной авиастроительной корпорации. Основных компаний всего около 10. Они расположены в различных регионах страны и закупают товары (сырье, компоненты оборудования и пр.), работы, услуги у партнеров, действующих на территории всей страны.

На долю соисполнителей и субподрядчиков (посредников) приходится наибольшее количество нарушений. В связи с этим осуществление государственного контроля (прокурорского надзора) за соблюдением установленного порядка ценообразования представляет собой технически достаточно сложную процедуру. Вместе с тем определением непосредственного исполнителя, вычитанием из конечной стоимости «накруток» и удорожаний посредников можно установить действительную стоимость товаров (работ, услуг) по ГОЗ, которая ранее действиями посредников могла быть необоснованно завышена.

Таким образом, наиболее проблемным вопросом в сфере обеспечения эффективности использования бюджетных средств при организации в сфере ОПК является обоснование состава затрат, осуществляемое при применении затратного метода ценообразования, которые включаются в себестоимость продукции оборонного назначения. Для того, чтобы исключить необоснованное завышение стоимости такой продукции специализированным государственным органам следует подготовить проекты нормативных правовых актов, касающихся нормирования произведенных предприятием ОПК расходов, в первую очередь общехозяйственных (премии работников всех категорий, закупка материальных средств с избыточными потребительскими свойствами и т. п.), которые в определенной доле могут закладываться в себестоимость продукции, вызывая ее необоснованное с позиции установленных правил ценообразования завышение. Существенное значение для решения технических проблем осуществления контрольной и надзорной функций приобретает дальнейшая цифровизация закупочных процедур и расчетов с момента приобретения сырья до момента изготовления самой продукции во всей системе кооперации исполнителей ГОЗ.

Правовой статус студенческого самоуправления в Российской Федерации: проблемы, перспективы и пути совершенствования

Аннотация. Статья представляет собой комплексный анализ правового статуса органов студенческого самоуправления в Российской Федерации. В ней детально рассматриваются нормативно-правовые основы, лежащие в фундаменте деятельности органов студенческого самоуправления, исследуются специфические особенности их регулирования на федеральном и локальном уровнях, а также идентифицируются актуальные проблемы и предлагаются пути совершенствования правового поля, способствующие эффективному развитию студенческих инициатив и их интеграции в управление образовательными организациями.

Ключевые слова: студенческое самоуправление; правовой статус; нормативно-правовое регулирование; молодежная политика.

Студенческое самоуправление (ССУ) является не просто формой организации досуга или досуговой деятельности студентов, но и одним из важнейших механизмов формирования их гражданской позиции, развития инициативы, лидерских качеств и чувства социальной ответственности. В условиях непрерывной модернизации системы высшего образования, ориентированной на подготовку конкурентоспособных специалистов и активных членов общества, вопросы, касающиеся правового статуса органов ССУ, их легитимности, реальных полномочий и ответственности, приобретают особую остроту.

Проведение глубокого анализа существующей нормативной базы, а также изучение практических аспектов функционирования студенческих организаций позволяет не только оценить текущий уровень правового регулирования, но и определить стратегические направления для дальнейшего совершенствования правового статуса студенческих объединений. Актуальность данного исследования подкрепляется тем фактом, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных социологическим и педагогическим аспектам студенческой жизни, правовые исследования в области ССУ остаются относительно малочисленными, что создает пробел в понимании юридических основ этой важной сферы.

История студенческого движения в России богата и многогранна. Она охватывает дореволюционный, советский и постсоветский периоды, каждый из которых наложил свой отпечаток на формы и содержание студенческого самоуправления.

Дореволюционный период (1755–1917 гг.): с момента основания первых университетов в России начали формироваться студенческие сообщества. Несмотря на отсутствие формального законодательного закрепления, эти сообщества зачастую действовали на принципах самоорганизации, автономии и взаимопомощи, становясь основой для развития студенческой культуры и самосознания.

Советский период (1917–1990 гг.): студенческие организации были интегрированы в общую систему общественного устройства. Их деятельность, как правило, находилась под строгим партийным и государственным контролем, с преобладанием идеологической направленности и формальной структуры. Функции ССУ часто сводились к выполнению директив вышестоящих органов.

Постсоветский период (с 1991 г. по настоящее время): распад СССР ознаменовал начало формирования новых, более демократичных форм студенческого самоуправления. Этот процесс активно поддерживался законодателями, что привело к появлению федеральных законов и различных нормативных документов, направленных на регулирование данной сферы.

Ключевым документом, определяющим основы организации и деятельности органов самоуправления в образовательных учреждениях, является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Статья 37 данного закона посвящена именно правам обучающихся, в том числе праву на участие в управлении образовательной организацией. Важное значение также имеет Постановление Правительства РФ от 14 февраля 2008 г. № 71 «Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования Российской Федерации», которое косвенно регулирует возможности для самоорганизации студентов.

Письмо Минобрнауки России от 2 октября 2002 г. № 15-52-468/15-01-21 «О развитии студенческого самоуправления в Российской Федерации» стало одним из первых шагов к системному подходу в этой области, хотя и носило рекомендательный характер.

В рамках развития правового регулирования Министерство образования и науки РФ активно готовило методические рекомендации. Так, Письмо Министерства образования и науки РФ от 14 февраля 2014 г. № ВК-264/09 «О методических рекомендациях о создании и деятельности советов обучающихся в образовательных организациях» стало значимым шагом. В нем были предложены подходы к формированию и функционированию советов обучающихся, детализирующие их полномочия и организационную структуру. Принятые в 2014 г. Положение о студенческом совете и Положение об объединенном совете

обучающихся (как примеры, в зависимости от конкретного вуза) определяют их правовой статус, задачи и порядок деятельности.

Однако с момента принятия этих документов прошло значительное время, а государственная политика в отношении молодежи претерпела существенные изменения, что требует переосмысления правовой базы ССУ. Важнейшими актуальными актами, формирующими новую парадигму, являются следующие.

Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» задает общие рамки для реализации государственной молодежной политики, создавая условия для развития гражданской активности и самореализации молодых людей, к которым, безусловно, относятся и студенты.

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Хотя этот указ напрямую не касается ССУ, он определяет ценностный вектор развития общества, который может найти отражение в деятельности студенческих организаций, ориентированных на патриотическое воспитание и формирование нравственных ориентиров.

Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» и Национальный проект «Молодежь и дети». Данные документы ставят амбициозные задачи, такие как создание условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности, увеличение доли молодежи, участвующей в проектах профессионального, личностного развития и патриотического воспитания (до 75 % к 2030 г.), а также повышение уверенности молодых людей в возможностях самореализации в России (до 85 % к 2030 г.).

Эти новые законодательные инициативы и стратегические документы подчеркивают, что студенческое самоуправление является одним из ключевых инструментов, способствующих не только формированию активной студенческой среды в университетах, но и успешной реализации государственных задач в области молодежной политики и патриотического воспитания. Таким образом, создание устойчивой и адекватной нормативно-правовой базы для развития студенческого самоуправления является не просто желательным, а необходимым условием для достижения указанных национальных целей.

Правовой статус органов студенческого самоуправления: анализ сущности и структуры. На основании всестороннего анализа действующих нормативных актов и сложившейся практики, можно выделить следующие основные правовые характеристики органов студенческого самоуправления в Российской Федерации.

Основа деятельности: создание и функционирование органов ССУ осуществляется в соответствии с уставами образовательных учреждений, а также с положениями, разработанными и утвержденными самими обучающимися (при согласовании с администрацией вуза). Важнейшим требованием является соответствие деятельности органов ССУ уставу образовательной организации и общей нормативно-правовой базе Российской Федерации.

Правовая природа: органы ССУ не являются юридическими лицами (за исключением случаев, когда они иницируют создание самостоятельных юридических лиц, например студенческих объединений, клубов по интересам, спортивных команд и т.д.). Их правовой статус определяется как совокупность прав и обязанностей, делегированных студенческому сообществу в рамках управления образовательной организацией.

1. Формирование, структура и полномочия.

Процедура избрания: органы ССУ формируются, как правило, на основе демократических выборов процедур. Это могут быть прямые выборы представителей студенческих групп, факультетов, курсов или же делегирование представителей от первичных студенческих объединений. Четкое закрепление процедуры выборов в локальных актах вуза является залогом легитимности.

Полномочия: спектр полномочий органов ССУ может варьироваться, но в общем случае включает:

— *представительство интересов студентов:* активное участие в диалоге с администрацией университета, представление позиции студентов по всем вопросам, касающимся их образовательной, научной, культурной, спортивной и общественной жизни;

— *участие в управлении вузом:* присутствие представителей ССУ в коллегиальных органах управления университетом (ученый совет, студенческий совет, наблюдательный совет и т. д.), возможность вносить предложения, участвовать в обсуждении и принятии локальных нормативных актов, затрагивающих права и интересы студентов (например, правил внутреннего распорядка, положений о стипендиальном обеспечении, правилах проживания в общежитии и т. д.);

— *разработка и реализация инициатив:* инициирование и организация различных проектов, мероприятий, направленных на улучшение условий обучения, быта, досуга студентов, а также на развитие их творческого, научного и спортивного потенциала.

— *защита прав студентов:* оказание юридической, консультационной и иной помощи студентам в случае нарушения их прав, взаимодействие с органами государственной власти и общественными организациями для защиты интересов студенчества.

2. Ответственность и отчетность.

Подотчетность: органы ССУ несут ответственность перед студенческим сообществом, которое их избирает, а также перед администрацией образовательной организации. Регулярные отчеты о проделанной работе, финансовой деятельности (при наличии бюджета) и планах на будущее являются неотъемлемой частью прозрачного функционирования.

Проблемы прозрачности: на практике часто наблюдается недостаточная прозрачность деятельности органов ССУ, формальный подход к отчетности, что существенно снижает их реальную легитимность и доверие со стороны студентов.

3. Гражданские и правовые гарантии.

Права: органы ССУ обладают закрепленными правами на участие в обсуждении и принятии решений, касающихся образовательного процесса, внеучебной деятельности, социально-бытовых условий. Они также имеют право на получение информации от администрации вуза, необходимой для выполнения своих функций.

Юридическая неопределенность: несмотря на наличие законодательных норм, их юридический статус не всегда четко прописан на федеральном уровне, что порождает неопределенность в объеме их реальных полномочий, механизмах их реализации и юридических гарантиях их деятельности. Это может создавать ситуации, когда органы ССУ оказываются не в силах эффективно защищать интересы студентов из-за отсутствия четкой правовой позиции.

Актуальные проблемы правового регулирования студенческого самоуправления. Несмотря на наличие определенной нормативно-правовой базы, в практике функционирования органов студенческого самоуправления в Российской Федерации выявляются существенные проблемы, требующие системного решения.

Недостаточная правовая осведомленность и неясность правового статуса: многие студенты, входящие в органы ССУ, а также студенты в целом, не обладают полным пониманием своих прав, обязанностей и реальных полномочий, закрепленных в локальных актах и федеральном законодательстве. Это приводит к снижению эффективности деятельности, неверному толкованию норм и, как следствие, к формализму.

Номинальный характер и ограниченность влияния: в ряде образовательных учреждений студенческое самоуправление зачастую выполняет лишь декоративную функцию, не обладая реальными рычагами воздействия на принятие ключевых управленческих решений. Функционирование таких органов ограничивается формальным участием в со-

вещаниях, где их роль сводится к представительству без возможности повлиять на ход дискуссии или итоговые результаты.

Фрагментарность и устаревание правового регулирования: отсутствует единая, общероссийская унифицированная система правовых норм, определяющая статус органов студенческого самоуправления и механизмы их взаимодействия с администрацией вузов. Каждое учебное заведение разрабатывает свои локальные акты, что приводит к значительной дифференциации в уровне организации и эффективности работы ССУ по всей стране. Несмотря на наличие рекомендательных документов, они часто не соответствуют современным реалиям и не учитывают специфику отдельных образовательных организаций.

Для повышения действенности, легитимности и реального влияния органов студенческого самоуправления на процессы, происходящие в вузе, необходимо осуществить комплекс следующих мер.

1. Нормативно-правовое совершенствование:

— *на федеральном уровне:* целесообразно детализировать и четко определить правовой статус органов ССУ, их функциональные обязанности и механизмы сотрудничества с руководством высшего учебного заведения. Это может быть достигнуто путем принятия специализированного федерального закона или внесения существенных дополнений в действующее законодательство, регулирующее сферу образования;

— *на уровне образовательных организаций:* вузам следует разрабатывать и принимать уставы и положения о ССУ, которые бы отличались прозрачностью, демократичностью, соответствовали бы федеральным законодательным нормам и отражали бы уникальные особенности каждого конкретного университета.

2. Повышение правовой грамотности. Организация регулярных обучающих семинаров, тренингов, консультаций по правовым вопросам для руководителей и активных членов органов ССУ.

Включение в учебные планы (или во внеучебную деятельность) модулей, посвященных основам студенческого права, гражданского права, а также основам управления и проектной деятельности.

3. Разработка механизмов правовой защиты. Создание внутри-вузовских комиссий по разрешению споров с участием представителей ССУ.

Обеспечение возможности для органов ССУ обращаться за правовой помощью в профильные государственные и общественные организации.

Формализация порядка рассмотрения инициатив и предложений ССУ администрацией вуза, введение обязательных сроков рассмотрения и предоставления ответов.

5. Финансовая и ресурсная независимость. Разработка механизмов формирования собственных бюджетов органов ССУ, включая возможность получения грантов, добровольных пожертвований и целевого финансирования со стороны вуза для реализации конкретных проектов.

Обеспечение доступа органов ССУ к необходимой информационной, материально-технической базе для эффективной деятельности и реализации инициатив.

6. Интеграция с государственной молодежной политикой. Активное вовлечение органов студенческого самоуправления в реализацию национальных программ, направленных на развитие молодежи, патриотическое воспитание и профессиональное становление.

Создание платформ для обмена опытом между различными вузами и регионами, а также для взаимодействия с органами государственной власти, ответственными за молодежную политику и развитие гражданского общества.

Правовой статус ССУ в России, несмотря на достигнутый прогресс, все еще остается недостаточно четко регламентированным и требует системного совершенствования. На сегодняшний день нормативно-правовые акты формируют лишь базовую основу для легитимности и организации деятельности органов самоуправления. В практике их функционирование зачастую носит формальный характер, что негативно сказывается на их реальном влиянии на управление вузами и защите прав студентов.

Перспективы развития ССУ тесно связаны с внедрением единых стандартов, укреплением правовой базы, повышением юридической культуры среди участников системы, а также с активным вовлечением студентов в принятие стратегических решений развития университетов и государства. Именно сильное, легитимное и действенное ССУ позволит вузам стать не только центрами образования и науки, но и кузницей ответственных, инициативных граждан, готовых вносить вклад в будущее России.

Содержание

Агуреева В. Н., Рыковский Д. А. Актуальные вопросы административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранных граждан.....	3
Анисимов А. Л. Преодоление разрыва между номинальной и реальной заработной платой на основе анализа опыта стран Евросоюза в контексте взаимодействия публичного и частного права	7
Бельдина О. Г. Публично-правовая фикция единого налогоплательщика как основание для переквалификации частных сделок: проблемы ст. 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации в контексте взаимодействия публичного и частного права	11
Бурлака С. Н. Особенности правового регулирования биометрии в России	18
Головизнин А. В., Мандра М. Е. Правовой режим цифровой валюты центрального банка: сравнительно-правовой анализ	24
Громова Н. С., Куницкая А. С. Тенденции развития института судебной экспертизы: сравнительный анализ	29
Дейнега К. Е. Цифровое имущество как самостоятельный объект гражданских прав	33
Джураева Г. Э., Задорина М. А. Межведомственное сотрудничество в области развития туризма	39
Дурандина О. А. Тенденции развития правового регулирования государственной поддержки семей с детьми в Российской Федерации	44
Ермолаева Н. Д., Галяткина С. Б. Проблемы определения правового статуса эксперта в российском законодательстве	50
Загвозкина Т. А. Правовые аспекты централизации государственных закупок на современном этапе совершенствования государственного менеджмента	54
Иванова С. В., Кивилева В. П., Грабежов А. В. Особенности и проблемы производства экономической экспертизы в сфере банкротства	59
Корсун К. И., Половникова Д. А. Конституционно-правовые риски дистанционного электронного голосования: проблемы обеспечения тайны волеизъявления, общественного доверия и легитимности выборов	61
Кузнецова А. Н. Особенности профессиональной подготовки юристов для работы в сфере адвокатуры	65

Кулюшин Е. Н. Юридическое значение электронных доказательств в административном судопроизводстве по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации	68
Курдюмов А. В., Смирнова К. Д. Аффилированность как инструмент ограничения конкуренции в сфере технического обслуживания и ремонта оборудования	73
Курдюмова В. А., Старшова Ю. А. Современные методы выявления антиконкурентных соглашений.....	78
Леонов И. А. Неправомерное объединение лотов как форма ограничения конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок.....	82
Лылов А. С., Багин Р. С., Смирнова К. Д. Частноправовые механизмы обеспечения финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов в условиях санкционного давления и валютной волатильности	89
Малкеров В. Б. Некоторые меры по профилактике коррупции.....	95
Мартыненко И. Э. Военно-мемориальное право: от концепции к реализации в законодательстве и практике	100
Морозова Г. М. Правовые аспекты информационно-цифровой безопасности в условиях киберугроз	105
Руколеев В. А. Состояние межведомственного электронного взаимодействия в современных условиях.....	110
Семин А. Н., Орлова Е. С. Регламентация закупочного бизнес-процесса как инструмент повышения эффективности управления в оптовой торговле	114
Старшова Ю. А., Курдюмов А. В. Фиктивное и преднамеренное банкротство как антиконкурентные практики: проблемы правовой квалификации и судебно-экспертной диагностики	119
Сысоева Т. В. Ответственность адвокатов при выборе позиции защиты: публичные и частноправовые аспекты	124
Тряпочкин Н. А. Признание фактов в рамках ст. 65 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации по спорам физических лиц с Федеральной налоговой службой	129
Федотова А. С. Проблемные аспекты взаимодействия норм публичного и частного права в сфере экономики	134
Цибиков В. А. Проблемы соблюдения бюджетного законодательства при организации закупок в сфере оборонно-промышленного комплекса	137
Чернавских В. С. Правовой статус студенческого самоуправления в Российской Федерации: проблемы, перспективы и пути совершенствования.....	142

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА
ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

М а т е р и а л ы

IX Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 13 мая 2026 г.)

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Компьютерная верстка Н. И. Якимовой

Поз. 41. Подписано в печать 21.08.2026.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 9,0. Усл. печ. л. 8,8. Печ. л. 9,5. Заказ 255. Тираж 12 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ